

6.1 Семья в новой социальной среде

В начале XX века преобладающим типом семьи в России была традиционная крестьянская семья, и мало кто думал, что дни ее сочтены и понадобится всего несколько десятилетий, чтобы под натиском форсированных индустриализации и урбанизации такая семья в России ушла в прошлое — как и сама традиционная российская деревня.

Можно по-разному относиться и к самим этим переменам, и к методам, которыми они осуществлялись, но невозможно оспорить их конечного результата. Уже к середине минувшего столетия в России количественно преобладали семьи городских жителей, и доля таких городских семей все время росла (табл. 6.1). Между 1926 и 1989 годами численность населения России увеличилась на 59%, численность городского населения — в 6,6 раза, число городских семей — более чем в 8 раз.

Таблица 6.1. Городские семьи в России, 1926–1989

	1926	1939	1959	1970	1979	1989
Число городских семей, млн.	3,7	8,4	15,1	20,7	25,6	29,7
Доля городских семей, %	...	35,4	53,0	63,6	69,6	73,7

Источник: Население России за 100 лет 1998: 32–33, 74–75.

Число городских семей быстро увеличивалось, потому что бурно росло городское население, а это, в свою очередь, было следствием перемещения большей части рабочей силы из сельского хозяйства в несельскохозяйственные отрасли, стремительного распространения промышленных и других городских видов занятий. При этом производственная деятельность все большего числа людей перемещалась за пределы семьи и превращалась для большинства из них в труд за зарплату («саларизация»). В результате семейные и производственные обязанности отделялись друг от друга в пространстве и времени, их сочетание усложнялось. В России, как и в некоторых других республиках бывшего СССР, эти общемировые тенденции были доведены до крайности, в частности, в том, что касается саларизации женского труда. В 70–80-е годы XX века занятость женщин во внедомашнем (по советской терминологии, «общественном») производстве почти не отличалась от занятости мужчин (табл. 6.2).

Еще одно ключевое изменение, которое также не могло не сказаться на семье и семейных ролях, — стремительный рост уровня образования мужчин и особенно женщин. В России даже в 1920-е годы проблемой была обычная грамотность, умение читать и писать. Начиная с поколений, родившихся во второй половине 1930-х годов, быстро росла доля мужчин и женщин, получающих высшее или среднее образование. У мужчин, родившихся в первой половине 30-х годов, среднее или высшее образование получали 333 человека на тысячу, у женщин —

294. Для родившихся тридцать лет спустя, в первой половине 60-х годов, соответствующие показатели были 911 и 947 (табл. 6.3).

Таблица 6.2. Мужчины и женщины, занятые в общественном производстве, Россия, 1959–1989, %

	1959		1970		1979		1989	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Все население								
в трудоспособном возрасте	89	70	87	82	87	84	87	80
В том числе в возрасте:								
20–29 лет	92	76	90	85	91	89	91	89
30–39 лет	96	72	98	91	98	95	98	95
40–49 лет	94	66	96	89	97	90	97	93
50–54 года	88	53	89	74	90	82	90	81

Источник: Эволюция 1992: 44–45.

Таблица 6.3. Мужчины и женщины со средним и высшим образованием в разных когортах, Россия, когорты 1925–1969 годов рождения, %

Когорты по годам рождения	Среднее образование (общее и специальное)		Высшее и неоконченное высшее образование	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1925–1929	20,6	20,3	10,6	6,8
1930–1934	21,1	20,4	11,1	9,0
1935–1939	32,4	36,3	17,4	13,0
1940–1944	39,6	45,7	19,2	16,2
1945–1949	53,0	58,7	23,0	23,0
1950–1954	60,4	66,5	19,9	20,4
1955–1959	67,9	70,4	18,6	21,2
1960–1964	72,0	72,1	19,1	22,6
1965–1969	73,0	71,1	18,9	23,9

Источник: Основные итоги 1994: 71.

Резко выросшие требования к воспитанию и образованию подрастающего поколения также не могли остаться без последствий для семьи, ибо очень сильно увеличились затраты на каждого ребенка и продолжительность срока их содержания родителями. А так как параллельно с этими изменениями довольно быстро снижалась детская смертность, одновременно увеличивалось и число выживающих детей, и объем затрат (не только денежных, но и времени, эмоциональной энергии и т.п.) на каждого из них.

Семья оказалась перед новыми вызовами, на многие из которых она не готова была ответить. Нарушилась свойственная крестьянской семье тесная связь между числом едоков и числом работников. Теперь потребности семьи, при прочих равных условиях, зависят от числа и возраста ее членов, прежде всего детей, остающихся иждивенцами намного дольше, чем прежде, а экономические ресурсы — от оплаты труда имеющихся в ее составе работников. Прямой связи между тем и другим нет.

Кроме того, в новых условиях, чтобы дать детям образование, обеспечить необходимый уровень заботы о здоровье членов семьи и т.п., понадобились особые профессиональные знания, специальные учреждения с развитой инфраструктурой, заменить которые семья не может. Ответом на эту новую ситуацию во всем мире стало развитие

современных образовательных и медицинских учреждений, систем социального обеспечения, берущих на себя иждивение некоторых нетрудоспособных членов семьи (например, пенсионеров, инвалидов), помощь матерям с детьми и ряд других функций материальной поддержки семьи, а также развитие сферы бесплатных или неполноплатных услуг, доступ к которым не связан жестко с доходами семей (услуги учреждений образования, здравоохранения и пр.).

В итоге резко возросли даже минимальные «вложения в человека» — причем как вложения семьи, так и вложения общества, тогда как ресурсы и семьи, и общества в 1920–1930-х годах были более чем ограниченными. Стоит ли удивляться, что, подобно тому, как это происходило в других странах, в России началось быстрое снижение рождаемости, которое стало ответом одновременно и на снижение детской смертности, и на рост «стоимости» человека.

Быстрое снижение рождаемости коренным образом изменило все «расписание» семейной жизни. Вынашивание и вскармливание детей, занимавшее десятилетия жизни крестьянской женщины, теперь укладывалось в несколько лет, причем период, на который приходится эти годы, женщина может выбирать сама. Пространство специфических биологических материнских функций, занимавшее огромное место в жизни традиционной семьи, резко сузилось, и соответственно расширилось пространство для выполнения других, свободно выбираемых социальных функций. Этому способствовал и полный или частичный «перехват» многих важнейших функций семьи публичными институтами, что также существенно меняло всю конфигурацию семейной жизни.

Разрушение традиционной крестьянской жизни, резко ускорившееся с конца 1920-х годов, массовая миграция в города, изменение характера трудовой деятельности, снижение смертности и рождаемости, рост образования, развитие системы внесемейного воспитания, — все это лишь небольшая часть списка перемен, которые взломали привычный семейный уклад россиян. Мир, в котором существовала семья, стал иным, не могла не измениться и семья: ее основополагающие функции, образ жизни, ритм формирования, семейные роли, внутрисемейные отношения, семейная мораль — все вступило в полосу обновления.

Это обновление облегчалось тем, что традиционная, патриархальная семья уже давно потеряла свою былую прочность. Кризис, который разъедал крестьянскую семью в России на протяжении всей пореформенной эпохи, подорвал ее силы, ее способность сопротивляться переменам, способствовал их ускорению. Разрушить старую семью оказалось несложно. Но что пришло ей на смену?

6.2

Нуклеаризация семьи, эволюция ее размера и состава

Вначале посмотрим, что произошло с некоторыми количественными характеристиками российской семьи.

Ее модернизация, если верить статистике, не сопровождалась существенным изменением доли лиц, живущих в семьях (табл. 6.4). В советских переписях населения не выделялась категория домохозяйств, состоящих из одного человека. В них указывались три категории семейного состояния: лица, «проживающие совместно с семьей», «проживающие отдельно от семьи, но связанные с ней общим бюджетом»

и «одинокие», т.е. не имеющие семьи или не поддерживающие с ней экономической связи. Две последние категории иногда рассматривают как одну, именуя ее «одинокие» (Волков 1986: 27, 49). Она не тождественна домохозяйствам, состоящим из одного человека, так как включает в себя лиц, живущих в «коллективных домохозяйствах» (общезжития, дома престарелых, инвалидов, казармы, тюрьмы и пр.). Доля «одиноких», а значит и доля лиц, живущих в семьях, в последние десятилетия изменялась мало.

Таблица 6.4. Лица, проживающие с семьей, Россия, 1926–1989, %

	1926	1939	1959	1970	1979	1989
Все население	...	88,9	88,6	88,8	87,3	88,2
Городское население	86,3	83,1	85,9	87,0	86,0	87,5
Сельское население	...	91,8	91,4	91,7	89,8	89,3

Рассчитано по: *Население России за 100 лет 1998: 32–33, 74–75.*

Этого нельзя сказать о размере и составе самих семей — и то, и другое быстро менялось. Сразу после революции и гражданской войны большие семьи еще удерживали свои позиции. В 1920 году средний размер сельской семьи (тогда преобладавшей) составлял 5,6 человека (Васильева 1975: 34–35). Но начиная с конца 20-х годов размер семьи стал быстро сокращаться (табл. 6.5).

Таблица 6.5. Распределение семей по числу членов и средний размер семьи в России, 1926–1989

Размер семьи	1926	1939	1959	1970	1979	1989
Все население						
Доля семей с числом членов, %						
2	...	20,6	26,7	26,5	31,6	34,2
3	...	22,6	26,6	27,9	31,5	28,0
4	...	21,3	21,8	24,9	23,4	25,2
5 и более	...	35,5	24,9	20,7	13,5	12,6
Средний размер семьи, чел.	...	4,06	3,65	3,54	3,27	3,23
Городское население						
Доля семей с числом членов, %						
2	24,9	26,9	27,2	26,0	30,5	33,1
3	24,8	27,7	29,3	31,5	33,9	29,6
4	20,3	21,8	23,1	26,8	24,6	26,1
5 и более	30,0	23,6	20,4	15,7	11,0	11,2
Средний размер семьи, чел.	3,87	3,60	3,50	3,40	3,21	3,20
Сельское население						
Доля семей с числом членов, %						
2	...	17,8	26,1	27,3	34,2	37,2
3	...	19,8	23,6	21,8	26,3	23,5
4	...	21,0	20,4	21,6	20,7	22,8
5 и более	...	42,0	29,9	29,3	18,8	16,5
Средний размер семьи, чел.	...	4,31	3,81	3,79	3,39	3,29

Источник: *Население 1998: 74–75.*

На протяжении всей второй половины столетия, особенно в 1970–1980-е годы, увеличивалась (прежде всего в деревне, где это было связано с вымыванием молодежи, мигрирующей в города) доля самых маленьких семей, состоящих из двух человек, и неуклонно сокращалась доля семей с пятью и более членами. Доля же средних семей, состоящих из трех или четырех человек, превысив к 1970 году 50%, оставалась затем довольно устойчивой.

Во время микропереписи населения 1994 года в России, в соответствии с международной практикой, впервые учитывались не семьи, а домохозяйства. В отличие от семьи, они могли включать в себя и не родственников (например, работников фермерского хозяйства или няню), если они полностью или частично вносили свою долю в бюджет домохозяйства, а также состоять из одного человека. С учетом этой последней категории домохозяйств их средний размер меньше среднего размера семьи (табл. 6.6). Среднее число членов домохозяйства в городе и в деревне оказалось практически одинаковым, но при разном распределении их по числу членов: в деревне было заметно меньше как самых больших, так и самых малых домохозяйств.

Таблица 6.6. Распределение домохозяйств по числу членов и средний размер домохозяйства, Россия, 1994

	Доля домохозяйств (%) с числом членов:					Средний размер домохозяйства, чел.
	1	2	3	4	5 и более	
Все домохозяйства	19,2	26,2	22,6	20,5	11,5	2,84
Городские	18,1	26,1	24,3	21,0	10,5	2,84
Сельские	22,0	26,8	18,1	19,0	14,1	2,85

Источник: Основные итоги 1994: 10.

К концу XX века в Российской Федерации наиболее распространенными были три разновидности семьи: а) супружеская пара с детьми или без детей (нуклеарная семья); б) один из родителей с детьми (неполная нуклеарная семья); в) супружеская пара с детьми или без детей с одним из родителей супругов и другими родственниками (сложная семья с супружеским ядром). В 70–80-х годах свыше 90% всех семей относились к одному из этих трех видов (табл. 6.7).

Таблица 6.7. Соотношение основных разновидностей семьи, Россия, 1926–1989, %

	1926		1970	1979 Россия	1989
	Москва	Города России			
Семьи видов а, б и в, % к общему числу семей	82,8	84,7	91,5	91,8	91,5
В том числе, % к сумме по трем группам:					
Вид а	67,8	68,5	69,2	72,3	73,1
Вид б	10,7	11,1	13,6	13,8	14,4
Вид в	21,5	20,4	17,2	13,9	12,5
Другие виды семей	17,2	15,3	8,5	8,2	8,5

Источники: Васильева 1975: 44; Итоги 1974: 238; Численность 1984: 254; Народонаселение 1994: 429.

На протяжении столетия рост общей доли трех указанных категорий семей сопровождался изменением соотношения между ними. Особенно заметно повышение доли нуклеарных (вид а) и уменьшение доли сложных (вид в) семей. Тем не менее, нельзя сказать, что изменения так уж велики. В прошлом наиболее часто встречались те же виды семей, что и сейчас, пусть их преобладание было и не столь выраженным. Разница, видимо, в другом. В прошлом, как отмечалось в главе 4, нуклеарность многих крестьянских семей была вынужденной. Нуклеарность же большинства городских, да и сельских семей, их малые размеры в России конца XX века — намеренные, добровольные.

Процесс нуклеаризации семьи в России продвинулся очень далеко, но, возможно, все же еще не закончился. Одной из причин этого может быть недостаточная жилищная обеспеченность, которая в ряде случаев может препятствовать полному обособлению супружеской семьи.

По данным микропереписи 1994 года, на исходе XX века в России была довольно высока доля домохозяйств с несовершеннолетними детьми — 46,6% всех домохозяйств (в США — 37%). Однако среднее число детей, приходящихся на одно домохозяйство, было невелико — 1,6 (в США — 1,9). Даже среди полных семей половина имела по одному ребенку и только каждая десятая — по три и более. Среди неполных семей по одному ребенку имели более 2/3, а среди неполных семей, включающих в себя не только одинокого родителя с детьми, но и других родственников, — почти 3/4. В неполных семьях воспитывался каждый седьмой российский ребенок, не достигший 18 лет, — меньше, чем в США и многих европейских странах (Щербакова 1995: 4; Население России 1996: 23–26).

Поскольку практически все пожилые люди в России получали пенсию, в основном именно дети образовывали группу иждивенцев отдельных лиц. Такие иждивенцы имелись в 46,4% домохозяйств, причем в половине из них — по одному, а в 14,6% — по три и более. В среднем на одно домохозяйство приходилось 0,8 иждивенца, а на одного экономически занятого — имеющего заработную плату, оплату труда в колхозе и у отдельных граждан, доход от предпринимательской деятельности или фермерского хозяйства, — 0,6 (Там же).

6.3 Новый смысл брака

Коль скоро главным звеном эволюции семьи становится ее нуклеаризация, все большее внимание — и научное, и общественное — привлекает то, что определяет формирование и последующее существование «нуклеуса», первичного семейного ядра — супружеской пары, а именно эволюция института брака и процесса возникновения и распада брачных союзов.

Ослабление или даже обрыв многих горизонтальных и вертикальных связей, соединявших супружеское ядро с «большой» семьей, с родителями и прародителями, с детьми и внуками, с братьями и сестрами, с другими родственниками по боковым линиям, не отменяют смысла брака, хотя, возможно, значительно видоизменяют его. Что происходило с браком и брачностью в России XX века? Что из происшедшего следует отнести на счет исторически неизбежного обновления брачно-семейных отношений, а что — на счет издержек российской истории минувшего столетия с ее потрясениями, катастрофами, социальными экспериментами?

Объективный смысл института брака всегда заключался в том, что он создавал социальные рамки отношений мужчины и женщины в той части этих отношений, которая касалась сексуальной жизни и производства потомства. Конечно, существовало еще множество функций — экономических и социальных, — которые попутно выполнял брак, множество отношений, которые регулировались с его помощью. Но такие отношения, например имущественные отношения между членами семьи, могли существовать и существовали и независимо

от брака, а права и обязанности, связанные с сексуальной жизнью и производством потомства, как правило, давал только брак.

Эти права и обязанности, определявшие в основных чертах как систему отношений между супругами, так и относительную обособленность супружеской пары от внешнего мира, не были кем-то придуманы. Они с необходимостью предписывались всеми условиями, в которых жил человек прошлого, но прежде всего — условиями демографически. Высокая смертность во все прошлые эпохи делала необходимой устойчиво высокую рождаемость, обеспечить которую можно было, только подчинив связанное с производством потомства массовое поведение людей жестким правилам. Нужно было сделать одновременно и обязательной, и неразрывной цепочку, связывавшую между собой половой акт, зачатие, вынашивание, рождение, вскармливание и выхаживание детей. Именно такую неразрывность обеспечивал традиционный брак. Для всех мировых культурных и религиозных традиций характерно требование слитности матримониального, сексуального и прокреативного поведения. Культурные, а затем и правовые нормы одобряют и даже освящают вступление в брак, разрешают половую жизнь только в браке и запрещают вмешательство супругов, способное воспрепятствовать зачатию, вынашиванию или рождению ребенка.

Разумеется, никогда не было недостатка в нарушении норм и различных отклонениях от них, иногда даже санкционированных культурой. Но это не могло поколебать самих норм, так как они отвечали базовым условиям существования людей, что и находило отражение во всех фундаментальных социальных установлениях.

Описанное в главе 4 стремление супружеской семьи выйти из-под опеки большой, неразделенной родительской семьи, ее интуитивные поиски большего суверенитета были связаны прежде всего с изменением экономических условий в пореформенной России. Ценности традиционного пожизненного брака, многодетности, невмешательство в процесс прокреации, осуждение прелюбодеяния и т.д., как правило, не ставились под сомнение, слитность матримониального, сексуального и прокреативного поведения считалась сама собой разумеющейся. Существовали, конечно, отдельные маргинальные группы, разного рода секты и т.п., которые бросали вызов нормативной морали и пытались выйти за пределы очерченного культурными правилами поля. Но если говорить о широких слоях российского общества, то они сохраняли приверженность традиционному браку, а общественное мнение в целом оставалось «высоконравственным» в том смысле, что разделяло издавна сложившийся нормативный взгляд на ценности брака и его предназначение, а всякого рода отклонения от нормы осуждало как некое моральное извращение.

Однако то, что было оправдано или, по крайней мере, объяснимо в крестьянской России XIX века, постепенно теряло смысл в России века XX, по мере того как в стране снижалась смертность и становились все более многочисленными городские слои, чей образ жизни резко отличался от образа жизни традиционной крестьянской семьи. И снова речь идет прежде всего о демографических изменениях. Снижение смертности и особенно рождаемости в России, как и везде, поставило под сомнение необходимость слитности брачного, полового и прокреативного поведения, на которой держались правила и нормы традиционного брака.

Низкая рождаемость означает почти полное обособление сексуального поведения от прокреативного и тем самым повышает самооценку сексуального поведения и его гедонистическую составляющую. Союз мужчины и женщины становится более интимным, в одних случаях более глубоким, в других — более поверхностным, но всегда не слишком требующим внешнего, официального оформления брачных уз. Повышается избирательность в поиске долговременного партнера в супружестве, но понижаются требования к кратковременным сексуальным партнерам, связь с которыми вовсе не обязательно превращается в прочный брак. Такие связи воспринимаются и самими партнерами, и социальным окружением как подготовка к браку, как эпизоды на пути проб и ошибок, что было совершенно не свойственно для традиционного брака. Он не признавал права на ошибку, заключался в молодом возрасте раз и навсегда, а часто — не по воле и даже против воли будущих супругов.

Вследствие нарушения слитности матримониального, сексуального и прокреативного поведения возраст полового дебюта все чаще перестает совпадать с возрастом вступления в брак, момент начала фактического брака, даже если он впоследствии и регистрируется, отделяется от момента регистрации, время зачатия или рождения детей становится мало связанным со временем начала фактических брачных отношений и т.д.

Если бы сохранялась необходимость в высокой рождаемости прошлых эпох, все эти изменения были бы невозможны — именно в этом смысле демографические сдвиги наносят главный удар по зданию традиционного брака. Но, конечно, нельзя забывать и множество других перемен — от изменившегося экономического и социального положения женщины до развития пенсионных систем и вообще всех систем социального обеспечения и социальных гарантий. Если же учесть все эти перемены, то становится ясным, что многие черты традиционного брака, прежде воспринимавшиеся как достоинства и действительно бывшие достоинствами в других исторических условиях, помогавшие человеку выжить и вырастить потомство, постепенно утрачивают свой смысл, а потому теряют и былую привлекательность в глазах большинства людей. Прежний малоподвижный брак, представлявший собой нечто вроде жесткого футляра, в который раз и навсегда втиснута личная жизнь каждого, перестает удовлетворять человека, с детства привыкающего к разнообразию и динамизму современных городских обществ. И люди начинают искать новые формы организации своей личной жизни, отвечающие новым условиям всей социальной среды, в которой они живут.

Поначалу такие поиски затрагивают только некоторые социальные слои, ранее других сталкивающиеся с новыми реальностями семейной жизни. В них зарождается и рефлексия по поводу происходящих изменений, и новые формы демонстративно открытого поведения (в укрытом от глаз виде подобные формы существовали всегда, но воспринимались всеми как незаконные, аморальные и т.п.). Ни то, ни другое не находит скорого понимания в обществе, которое в основном живет еще в прежних условиях, более того, «либертарианские» нововведения нередко вызывают резко враждебную реакцию. Но когда новые экономические и демографические реалии распространяются на более широкие слои населения, приходит и их черед менять правила своего поведения, и тогда недавно осуждавшиеся поведенческие модели превращаются в образцы для подражания.

Рассказанная Л. Толстым история Анны Карениной — замечательный пример рефлексии по поводу ценностей традиционного брака и их несовместимости с ценностями человека, оторвавшегося от почвы «простой» жизни. Жизнь покарала Анну Каренину за этот отрыв, и ее урок мог казаться убедительным, пока образ жизни, породивший описанный Толстым конфликт, оставался в России достоянием очень узкого слоя богатых и знатных людей, а вся Россия жила в основном в крестьянской «простоте». Но в начале XX века в предреволюционной России сомнения в ценности традиционного брака затронули уже более широкие слои городской интеллигенции, которая активно участвовала в идеологической подготовке революции. Критика традиционного брака обострилась, пренебрежение его ценностями романтизировалось; вскоре эти настроения отразились в радикализме революционного брачно-семейного законодательства, а отчасти и в массовом matrimoниальном поведении россиян.

Такой радикализм, казавшийся столь естественным на подъеме общих революционных настроений, не был, тем не менее, подготовлен историческим развитием. Подавляющее большинство тогдашнего населения страны оставалось сельским, крестьянским, ни экономические, ни демографические условия его жизни не изменились еще настолько, чтобы поставить под сомнение ценности традиционного брака. Раннесоветский брачно-семейный авангардизм оказался преждевременным, он просуществовал некоторое время, а затем маятник законодательства и практики качнулся в противоположную сторону. Подобные качания маятника — правда, с уменьшающейся амплитудой — на протяжении XX века происходили в России не раз, и всегда казалось, что новые политические или идеологические установки задают направление и рамки изменений в matrimoниальном поведении ее жителей. На самом же деле гораздо большее значение имели глубинные, подспудные сдвиги в самих условиях существования и развития семьи и брака, которые иногда требовали адекватных изменений моделей поведения, а иногда, напротив, блокировали такие изменения.

При всех зигзагах и колебаниях траектории эволюции российской семьи в советское время, преобладающей, несомненно, оставалась ее модернизационная направленность. Хотели того люди или нет, их индивидуальный жизненный путь, включая и его семейную составляющую, должен был вписываться в совершенно новые рамки, которые создавались происходившими в стране глубокими многосторонними общественными переменами. Менявшиеся демографические, экономические, психологические условия жизни семьи все больше уводили людей от традиционных моделей поведения и требовали поиска новых, более разнообразных, свободных, гибких, подвижных.

Были ли эти модели лучше или хуже прежних? Такая постановка вопроса едва ли оправдана. Они были другими. Их единственное бесспорное преимущество заключалось в том, что они лучше прежних отвечали новым требованиям жизни. Кризис традиционной семьи был порожден не тем, что она была «плохой», а тем, что она перестала соответствовать изменившимся условиям. Но это вовсе не значит, что новые формы организации личной жизни, семьи, брака, вписывающиеся в новые условия, не принесли с собой и новых напряжений и проблем. А сверх того существует еще проблемность переходных состояний, когда прежние семейные формы уже сходят со сцены, а новые еще не впол-

не утвердились. А это — именно та ситуация, в которой оказалась российская семья в минувшем столетии.

Психологи, сравнивая традиционную «патриархальную» и современную «демократическую», или «эгалитарную», модели брака, полагают, что, возможно, «первая не уступает второй по степени психологической комфортности для индивида». Но если для традиционного брака характерна высокая степень кооперации и низкая потребность в автономии, то в современном эгалитарном браке основной «скрепой» психологической солидарности служит интимность. «Интимность — наименее „востребованный“ элемент традиционной семейной модели и наиболее значимый для модели эгалитарной. Не удивительно, что именно он называется „слабым звеном“ при переходе от первой ко второй», вследствие чего «удовлетворенность семейной жизнью и браком наиболее высока в „чисто“ традиционных семьях, затем — в эгалитарных и наиболее низка в промежуточных вариантах» (Эволюция 1992: 116).

- 6.4 Противоречия советского варианта модернизации семьи
6.4.1 Антисемейная идеология и практика

Основные линии эволюции российской семьи в XX веке были, конечно, во многом предопределены общим характером модернизационных изменений, превращавших страну из аграрной в промышленную, из сельской в городскую. Но эта эволюция происходила не спонтанно, она то подстегивалась, то сдерживалась разного рода конъюнктурными обстоятельствами и политическими решениями, которые далеко не всегда соответствовали объективным требованиям, направлению и ритму трансформации семейной.

В предреволюционную пору в России размышления о семье чаще всего приобрели форму ее критики. Те или иные реальные формы семейных отношений и семейного поведения в явном или неявном виде сопоставлялись с идеальными, и это сопоставление оказывалось не в пользу тогдашней российской семьи. Многие в такой критике — а также в проекте будущего, к которому она подталкивала, — зависело от избранного идеала.

Так, славянофилы, как мы уже видели на примере И. Киреевского в главе 4, искали этот идеал в отечественном прошлом, но их идеализация патриархального семейного быта была с самого начала встречена скептически даже в близкой им интеллектуальной среде. К. Леонтьев, цитирует стихи Аполлона Григорьева: «Русский быт... / Хоть о семейности его / Славянофилы нам твердят... / Я в нем не вижу ничего / Семейного...». При этом и сам Леонтьев говорит, что он «не понимает тех, которые говорят о семейственности нашего народа». Интересно, однако, где видит истинные образцы «семейственности» этот ненавистник западной буржуазности, призывавший поскорее «отрясти романо-германский прах с наших азиатских подошв». В поисках таких образцов он обращается к «несравненной ни с чем другим прелести семейных картин Диккенса или Вальтер-Скотта», к «германской нравственной философии, которая первая развила строго идею семейного долга для долга даже вне религиозной заповеди», одним словом, «семейные» симпатии против воли заводят его во вражеский романо-германский стан (Леонтьев 1993: 28–30).

Образ буржуазной семьи в ее противопоставлении семье крестьянской, патриархальной, постоянно возникает у самых разных авторов. Хорошо известна антипатриархальная направленность русского марксизма, она отчетливо звучит у В. Ленина, подчеркивавшего, что развитие капитализма создает слои населения, «совершенно чуждые старому крестьянству, отличающиеся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей, как материальных, так и духовных» (Ленин 1979: 547). Против попыток защитить старую семью, «обосновать великие преимущества России перед Европой на том... основании, что у нас сохранились еще родственные общественные отношения, патриархальность земельного быта, т.е. на нашей социальной отсталости», выступал и Н. Бердяев, исходивший из совсем иных, нежели марксисты, посылок (Бердяев 1989б: 267). У него с особой силой звучит противопоставление двух принципов: «человек для...» и «... для человека»: «Человек, человеческая личность есть верховная ценность, а не общности, не коллективные реальности..., как общество, нация, государство, цивилизация, церковь» (Бердяев 1972: 26). В этом перечне нет семьи, видимо, она для Бердяева — не столь значимая общность, как, скажем, народ или государство, о котором он прямо пишет: «Государство существует для человека, а не человек для государства» (Там же, 125). Но все же, как мы видели выше (глава 5), он призывал бороться и против «тирании авторитарной семьи», еще более страшной, чем тирания государства, отстаивать более свободные формы семьи.

К началу XX века такие более свободные, более современные формы семьи начали складываться в российском обществе, прежде всего в том его слое, который получил название «интеллигенции», здесь постепенно утверждалась «буржуазная», городская семья. Она, как правило, не похожа ни на традиционную крестьянскую, ни на старую барскую семью с ее многочисленными приживалами, дворней и т.д., невелика по размеру, состоит из супругов и небольшого числа детей. Но главное отличие — в характере отношений между мужем и женой, между родителями и детьми. В них гораздо больше интимности, демократизма, признания самоценности каждого члена семьи, будь то мужчина, женщина или ребенок. Именно такая семья становится колыбелью нового фундаментального принципа семейных отношений, прямо противоположного преждему: теперь это не *человек для семьи*, а *семья для человека*.

Литература донесла до нас образы — возможно, несколько идеализированные — демократической городской семьи типа той, какая описана в «Возмездии» Блока или булгаковской «Белой гвардии». Однако такие семьи оставались все же довольно редким исключением в огромной крестьянской стране. Их роль образца для подражания могла быть лишь очень скромной, а постепенное распространение влияния этого образца на жизнь десятков миллионов семей требовало долгих десятилетий. Неудовлетворенность же семейной жизнью заставляла миллионы людей желать перемен немедленно, не считаясь с ценой, которой могли потребовать такие перемены, подогревала всеобщее нетерпение. Поэтому «дни Турбинных» оказались недолгими. Несоответствие между остротой накопившихся проблем (в том числе и семейных) и возможностями их постепенного решения в России начала XX века было чрезвычайно

велико, оно привело к социальному взрыву, что на долгие годы перечеркнуло возможности эволюционного пути постепенной модернизации семейных отношений.

«Эволюционное» начало в неизбежном историческом преобразовании семьи было оттеснено «революционным». То, что в Западной Европе занимало столетия, Россия осуществила за несколько десятилетий. Была ли эта стремительность благом? Или злом? Едва ли найдется однозначный ответ на этот вопрос. Но что не вызывает сомнений, так это то, что в исторической спешке многие стоявшие перед менявшейся семьей задачи были решены лишь «в первом приближении», вчерне, а некоторые остались и вовсе нерешенными и еще ждут своего часа.

В первые послереволюционные годы исторически оправданная критика патриархальной семьи приобрела радикальный характер и переросла в отрицание не только архаичных, отживших форм семьи и принципов семейных отношений, но и института семьи как такового. Официальные идеологи того времени были убеждены, что «в коммунистическом обществе вместе с окончательным исчезновением частной собственности и угнетения женщины, исчезнут и проституция, и семья» (Бухарин 1921: 174). «Место семьи как замкнутого мелкого предприятия должна была... — писал Л. Троцкий, — занять законченная система общественного ухода и обслуживания» (Троцкий 1991: 121). В массовой пропаганде и бытовой практике враждебность к семье нередко приобретала самые крайние формы: «Пролетариат должен немедленно приступить к уничтожению семьи как органа угнетения и эксплуатации» (Кузьмин 1928: 83) — вот типичные высказывания тех лет.

На самом деле, семья нуждалась не в уничтожении, а в обновлении. Антисемейное идеологическое поветрие было весьма далеко от реальных требований времени и в своем крайнем виде продержалось недолго. Уже в конце 20-х годов начинается движение маятника в противоположную сторону. Сперва — довольно осторожное. Поначалу критикуется не само направление движения, а его скорость, слишком быстрая по сравнению со скоростью экономического развития: семья перестает выполнять свои функции, а государство еще не может взять их на себя. Тогда «в целях сжатия этих „ножниц“ ... государство вынуждено консервировать семью» (Вольфсон 1929: 442). В 1930 году ЦК ВКП(б) принимает решение, в котором, среди прочего, говорится: «ЦК отмечает, что наряду с ростом движения за социалистический быт имеют место крайне необоснованные полуфантастические, а потому чрезвычайно вредные попытки отдельных товарищей «одним прыжком» перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта, которые коренятся, с одной стороны, в экономической и культурной отсталости страны, а с другой — в необходимости в данный момент сосредоточить максимум ресурсов на быстрой индустриализации страны... К таким попыткам некоторых работников, скрывающих под „левой фразой“ свою оппортунистическую сущность, относятся... проекты перепланировки существующих городов и постройки новых исключительно за счет государства, с немедленным и полным обобществлением всех сторон быта трудящихся: питания, жилья, воспитания детей, с отделением их от родителей, с устранением бытовых связей членов семьи

и административным запретом индивидуального приготовления пищи и др. Проведение этих вредных, утопических начинаний, не учитывающих материальных ресурсов страны и степени подготовленности населения, привело бы к громадной растрате средств и жестокой дискредитации самой идеи социалистического переустройства быта» (Постановление 1984: 118–119).

Нельзя не заметить двусмысленности приведенных формулировок. В постановлении критикуется не столько идея полного обобществления быта, сколько ее несвоевременность. Коллективизация быта как бы отодвигается в будущее, ко временам большего богатства и большей подготовленности населения. Но в головах идеологов эта идея продолжала жить очень долго. Не удивительно, что в 1933 году многие верили в то, что «коммунистическое общество целиком принимает на себя заботы о воспитании детей, освобождая родителей не только от материальных забот об их содержании (этот вопрос вообще не может стоять при коммунистических формах распределения), но и организуя это воспитание так, чтобы оно не являлось препятствием к общественно полезному труду и самоусовершенствованию родителей» (Мерков 1979: 147). Но и три десятилетия спустя, в 1964 году, академик С. Струмилин утверждал, что семья «суживается до... семейной пары. А когда такие узкие семьи признают уже нецелесообразным расходовать массу труда на ведение у себя, всего на двоих, самостоятельного домашнего хозяйства, то тем самым и каждая отдельная семья как хозяйственная ячейка, сливаясь с другими и перерастая в большой хозяйственный коллектив, вольется в новую „задругу“ грядущей бытовой коммуны» (Струмилин 1965: 440).

В 1960-х годах такие взгляды имели под собой еще меньше почвы, чем в 1920-х или 1930-х, ибо теперь они были направлены не против устаревшей патриархальной семьи, а против семьи, прошедшей уже через многие этапы обновления, которое было неизбежным и необходимым ответом на кризис ее старой патриархальной формы. Обновлявшаяся семья в СССР двигалась в том же направлении, что и во всех странах европейской культуры. Постепенно уходил в прошлое принцип *человек для семьи*, общество и сама семья мало-помалу осваивали новый принцип: *семья для человека*. Но на этом пути семью подстерегали и новые трудности, выйдя из одного кризиса, она очень скоро попала в другой.

6.4.2 Новый семейный консерватизм

Полного признания в условиях советской консервативной модернизации новый принцип семейного существования получить не мог. Значительная часть общества была не готова к восприятию модернизационных перемен и внутренне сопротивлялась им. Как и все остальные институты советского общества, семья жила между двух берегов, между двух культурных пространств, была чем-то промежуточным, маргинальным, и это стало главным источником ее нового кризиса. Уже в предреволюционной, блоковской, семье, оказавшейся на переломе эпох, «все часы были полны каким-то новым „двоеверьем“». Еще большее «двоеверье» наполняло жизнь семьи советской. Антисемейные догмы раннего советского времени не могли отменить подлинную

жизнь десятков миллионов семей, но и не исчезали, оказавшись очень долговечными. Догмы и жизнь существовали в странном симбиозе, который оборачивался искаженным, фантастическим видением реальности. Маятник общественного сознания, качнувшегося в первые после-революционные годы в сторону полного нигилизма по отношению к семье, двигался теперь в противоположную сторону: состав, функции, образ жизни семьи обновлялись, а ее идеология, декларируемые принципы семейных отношений становились все более консервативными. В середине 30-х годов Л. Троцкий писал о «семейном Термидоре» в СССР, о «торжественной реабилитации семьи, происходящей одновременно — какое провиденциальное совпадение! — с реабилитацией рубля» (Троцкий 1991: 127): «Брачно-семейное законодательство Октябрьской революции, некогда предмет ее законной гордости, передуается и калечится путем широких заимствований из законодательной сокровищницы буржуазных стран» (Там же, 128).

На самом деле, до реабилитации семьи, по крайней мере той семьи, которой принадлежало будущее, как и до «законодательной сокровищницы буржуазных стран», было еще далеко. Произошли лишь некоторые подвижки, призванные устранить антисемейные крайности революционной поры. Постепенно утвердившимся в общественном сознании *теоретическим* антиподом патриархальной сельской семьи стала не автономная, суверенная городская семья, созданная европейской историей и уже пустившая первые ростки в предреволюционной России, — она, напротив, критиковалась за «буржуазность», «индивидуализм» и пр. Перед мысленным взором советских идеологов, как и перед мысленным взором Троцкого, витала семья, окруженная патерналистской заботой государства, обстроенная разного рода коллективистскими формами (общественным воспитанием детей, коммунальным бытом и т.д.), — конструкция, напоминавшая идеализированное общинное устройство русской деревни с элементами средневековых утопий Кампанеллы или Кабэ либо антиутопии Замятина.

Все это не только не облегчило модернизацию института семьи, но проложило путь к консервированию ее архаичных форм. Советское государство очень быстро отказалось от следования «революционной теории» и во многом стало возрождать ценности патриархальной семьи — со всеми оговорками, которые вытекают из противоречивого характера советской модели модернизации.

Официальная позиция в отношении семьи в СССР никогда не была последовательной. Трудно сказать, чего в действительности хотели советские политики и идеологи и знали ли они это сами. Если говорить о тех поколениях советских руководителей, которые утвердились у власти после сталинских чисток 30-х годов, то они внутренне, несомненно, больше симпатизировали патриархальному принципу *человек для семьи*, а не шедшему ему на смену новому принципу *семья для человека* и поэтому сознательно или бессознательно тормозили утверждение этого последнего, охотно подыгрывали ностальгическим настроениям первых городских поколений, архаичной «семейной идеологии», ставшей одной из составляющих всей официальной идеологии, основанной на принципе *человек для...*

Подобная идеология и вытекающая из нее практика искали опоры в реликтах общественного сознания и до поры до времени находили ее. Освященные историей семейно-общинные коллективизм и эгалитаризм,

равно как и постоянно декларируемая «чистота нравов» выглядели со-звучными неопределенному «социалистическому идеалу» — как замети-ли еще Маркс и Энгельс, «нет ничего легче, как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок» (Маркс, Энгельс 1955: 449).

Но реальная жизнь советского времени, экономические и военно-политические амбиции советского режима все же очень сильно проти-воречили такому идеологическому заповею. Первой заботой власти все-гда оставались погоня за военно-промышленной мощью, подстегивание индустриального и городского роста, а тем самым и распространения городского образа жизни, увеличения независимости женщин и уровня образования, многого другого, что было несовместимо с сохранением традиционных семейных отношений. Недостаток ресурсов для интен-сивного экономического развития требовал максимального использо-вания экстенсивных факторов, в частности, чуть ли не поголовного вовлечения в «общественное производство» всего трудоспособного на-селения, включая его женскую часть. Если же учесть огромные потери мужского населения в разного рода военно-политических катаклизмах российского XX века, то становится ясным, что перегруженный воз «построения социализма» в очень большой степени тянула женщина, а это тоже вряд ли могло способствовать сохранению традиционной семьи и ее порядков.

Следует сказать еще и о том, что мобилизационное напряжение советских десятилетий не допускало существования каких бы то ни было конкурирующих с государством автономных институтов с их соб-ственной системой принятия решений. Не могла быть таким институ-том и семья — ни традиционная с ее высоким авторитетом «главы се-мьи», ни новая городская с характерными для нее «непрозрачными» стенами, окружающими ее достаточно закрытый интимный мир. Поэ-тому в советское время в явном или неявном виде восстановленный принцип *человек для семьи* дополнился новым принципом: *семья для государства*.

Открыто декларировалось, что «социалистическое государство... отвергает взгляд на отношения между полами как на отношения инди-видуалистические, личные, нейтральные для общества. Государство кровно заинтересовано в каждом индивидуальном отношении, оно диктует, властно указывает, определяет условия, гарантирующие инте-ресы коллектива, обеспечивающие выполнение долга по отношению к коллективу» (Свердлов 1941: 58). «Взгляд на быт как частное дело, — писал другой советский автор, — проявление типичной буржуазной мо-рали, индивидуализма, обывательщины. Теорию „независимости“ быта от политики пропагандируют буржуазные идеологи, чтобы замаскиро-вать паразитический и неприглядный в моральном отношении образ жизни буржуазии и ее прихвостней» (Лифанов 1957: 15).

Насаждая принцип *семья для государства*, власть могла, когда надо, использовать в своих интересах консервативно-морализатор-скую «просемейную» риторику и в то же время относиться с большим недоверием к семейным ценностям и всему, что было с ними связано и могло конкурировать с высшими государственными интересами. Эта двойственность постоянно проявлялась в официальной идеоло-гии и политической практике и, конечно, оказывала влияние на реальное развитие, хотя и не могла полностью изменить его общего направления.

С одной стороны, власть очень скоро научилась использовать в своих интересах громогласное морализирование в патриархально-семейном духе, что позволяло ей бесцеремонно вмешиваться в жизнь семьи. Сколь парадоксальным это ни кажется, такое вмешательство находило благодарный отклик в массовых ностальгических настроениях десятков миллионов людей, к тому времени навсегда порвавших с жизнью, вне которой существование патриархальной семьи и свойственных ей внутрисемейных отношений могло быть не более чем отживающим реликтом. Морализаторскими заклинаниями сопровождался запрет аборта, ограничение разводов, непризнание незарегистрированных браков, повышенное внимание к «моральному облику» при назначении на «ответственные» должности, вмешательство «общественности» в семейные дела, преувеличенное целомудрие официального искусства и многое другое, что хорошо вписывалось в традиционную систему представлений об идеальной, «добропорядочной», по деревенским меркам XIX века, семье и даже создавало иллюзию некоего возврата к прошлому.

С другой же стороны, напротив, традиционная семейная мораль грубо попиралась — и тогда символом эпохи становился доносчик на собственных родителей Павлик Морозов, а принципы частной семейной жизни оказывались объектом откровенного глумления: жен заставляли отречься от мужей, детей — от родителей, появлялись термины вроде «члены семьи изменников родины», «социально опасные дети» и т.д.

Вот пример государственного макиавелизма по отношению к семье — из тех времен, когда на каждом перекрестке можно было прочесть знаменитое заклинание: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!». «Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел № 00486 от 15 августа 1937 года: С получением настоящего приказа приступите к репрессированию жен изменников Родине, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных Военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категориям, начиная с 1 августа 1936 года... Аресту подлежат жены, состоявшие в юридическом или фактическом браке с осужденным в момент его ареста... Жены осужденных изменников Родине подлежат заключению в лагеря на сроки... не менее 5–8 лет. Осужденные жены изменников Родине, не подвергнутые аресту в силу болезни и наличия на руках больных детей, по выздоровлению арестовываются и направляются в лагерь. Жены изменников Родине, имеющие грудных детей, после вынесения приговора немедленно подвергаются аресту и без завоза в тюрьму направляются непосредственно в лагерь. Так же поступать и с осужденными женами, имеющими преклонный возраст... При производстве ареста жен осужденных дети у них изымаются и... в сопровождении специально наряженных в состав группы, производящей арест, сотрудника или сотрудницы НКВД отвозятся: а) дети до 3-летнего возраста — в детские дома и ясли Наркомздравов; б) дети от 3-х до 15-летнего возраста — в приемно-распределительные пункты; в) социально опасные дети старше 15-летнего возраста — в специально предназначенные для них помещения... Социально опасные дети..., в зависимости от их возраста, степени опасности и возможностей исправления, подлежат заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД или водворению в детские дома особого режима Наркомпросов республик... Наблюдение за политическим настроениями

детей осужденных, за их учебной и воспитательной жизнью возлагаю на Наркомов внутренних дел республик, начальников Управлений НКВД краев и областей...» (Сборник 1993: 86–93).

Именно государственнические иллюзии послужили той почвой, на которой как крайне «революционная» антисемейная, так и консервативная просемейная идеология и практика сошлись в своем неприятии суверенной «семьи для человека». Они, как могли, тормозили ее становление, что и помогло продлить дни старых принципов семейного существования, а тем самым и всего социального здания, сложенного из семейных «кирпичиков». По верному замечанию Б. Миронова, «авторитарность межличностных отношений, привычная для крестьянской семьи, сыграла роль важной психологической предпосылки установления авторитарного режима в стране. Широкие слои населения этот режим не пугал, не вызывал протеста, так как они с детства привыкли к авторитарным отношениям и просто не знали иных» (Миронов 1989: 238–239).

Чрезмерное вмешательство государства в частную жизнь, стоявший за этим вмешательством принцип *семья для государства* не имели глубоких корней в России, были порождением тоталитарной эпохи и, с ослаблением государственной хватки в послесталинские десятилетия, постепенно стали объектом критики, подчеркивавшей самоценность семьи, ее суверенность, необходимость ее освобождения от пут государственного патернализма. В 1970-е годы уже постоянно ставилась под сомнение казавшаяся некогда безупречной идея полностью обобщественного воспитания детей: «Мы не можем согласиться с точкой зрения некоторых ученых, считающих, что нужно расширить сеть детских учреждений, так чтобы воспитание ребенка целиком проводилось в этих учреждениях... Никакой социальный институт не может заменить ребенку материнскую ласку и заботу в первый период его жизни... Детские ясли оказали большую помощь трудящимся женщинам в первые десятилетия Советской власти... Но эти времена давно прошли... То, что было необходимо раньше, перестает ею быть теперь... Следует считать с тем, что значительная часть женщин захочет сама воспитывать своего ребенка в первые годы его жизни» (Урланис 1974: 299–302).

Критика идеологии отмирания семьи — пусть и в отдаленном будущем — зазвучала даже на страницах партийного официоза: «История пока не создала института, который хотя бы отдаленно мог сравниться с семьей по многообразию выполняемых функций... Сфера внесемейного воспитания имеет свои пределы. Во-первых, потому что семью ребенку не могут заменить никакие специализированные учреждения. Во-вторых, и семье ребенка заменить чем-либо невозможно... Было бы странно, что, дав жизнь детям, семья осталась бы в каком-то смысле бездетной, лишившись одного из главных центров, вокруг которых организуется ее жизнь... Примерно то же самое можно сказать о разделении с обществом и других функций семьи» (Вишневский 1979).

В начале 1980-х годов «признание в качестве главной, непреходящей ценности самой семьи» казалось уже очевидным: «Реальной альтернативы ... семье не существует. Все надуманные рассуждения о „замене“ семьи общественными учебно-воспитательными учреждениями абсолютно несостоятельны. Разумеется, современная семья не может функционировать без помощи разного рода общественных учреждений, в том числе и образовательных, Но рассчитывать на то, что при сознательном планировании детей в семье люди станут производить

на свет детей только для того, чтобы „сдать“ их в детсад, а затем в интернат и через десяток-полтора лет „получить“ формально родного, но фактически чужого человека, по меньшей мере, наивно» (Бестужев-Лада 1984: 221).

Эволюция взглядов на семью в последние десятилетия XX века отражала объективные процессы постепенного утверждения городской семьи в новом социальном мире, ее возраставшую тягу к самостоятельности, «суверенности», хотя, конечно, десятилетия государственного патернализма оставили глубокий след. Но все же разрыв с идеями всеобъемлющего патернализма, равно как и с тесно связанным с ним принципом *семья для государства*, к концу столетия обозначился довольно четко.

С принципом *человек для семьи* дело обстояло иначе. Он был основательно укоренен в культуре, у него было меньше критиков и больше защитников. Население было инстинктивно враждебно многим демографическим и семейным переменам именно потому, что они вступали в конфликт с культурной традицией. В условиях этого конфликта десяткам миллионов людей пришлось на протяжении жизни переходить от усвоенных с детства ценностей и образцов поведения к новым, незнакомым — задача заведомо невыполнимая. Массовое сознание долго не могло освободиться от заветов патриархальности. Еще в 1989 году, во время одного из социологических опросов российских женщин на первое место среди качеств, которые матери хотели бы видеть у своих детей, вышло «уважение к родителям», что заставило вспомнить результаты сходной американской анкеты 1924 года. Тогда американские женщины поставили это качество на второе место, но в 1978 году у американок оно оказалось на седьмом. А вот независимость характера и верность своим убеждениям, которые в 1978 году поставили на первое место американские женщины, в советском опросе 1989 года заняли лишь пятую позицию (Советский простой человек 1993: 99).

В СССР целые поколения оказались маргинальными, потерявшими одну систему культурных ориентиров и не обретшими другую. Ясность понимания своих собственных объективных интересов и стремлений, которым они фактически следовали, затуманивалась ностальгией по идеализируемому прошлому или утопическими образами идеализируемого будущего. В этом смысле положение в России или в СССР не было уникальным. Семья находилась в ситуации перелома во многих странах, и везде, где существовали условия, более или менее сходные с советскими (государственный «социализм»), существовал и сходный набор образов семьи будущего.

Как отмечалось в одном российском исследовании, выполненном на рубеже 1980–1990-х годов, «разработчики чехословацкой концепции семейной политики фиксировали три основные идеологических подхода к семье и ее будущему. В соответствии с *первым* из них, передавая свои основополагающие функции внесемейным институтам, семья утрачивает и свое былое положение в жизни общества и индивида, что ведет к освобождению человека, росту возможностей его самореализации и в то же время к более полному следованию общественным, коллективистским идеалам. В соответствии со *вторым* подходом, напротив, именно стабильная семья (в сущности, моногамная и нуклеарная) рассматривается как один из главных гарантов прочности общественного строя, развития гармоничной личности и здоровых межчелове-

ских отношений. Наконец, в рамках *третьего* подхода признается закономерность эволюционных изменений семьи в прошлом и в будущем и появления ее альтернативных форм, отличных от доминирующего традиционного типа семьи, которые говорят не об исчезновении семьи, а о ее приспособлении к общественным переменам... Для нас, пожалуй, еще больше, чем для Чехо-Словакии, характерно, что разные подходы к оценке процессов, идущих в семейной сфере, „служат источником более или менее воинствующих предрассудков, вместе с рядом модных мнений, опирающихся большей частью на отдельные и односторонние сведения..., входят в общественное сознание и формируют позиции отдельных лиц и социальных групп“» (Эволюция 1992: 36–37).

При всей важности устойчивых идеологических позиций их влияние на реальное развитие событий все же не абсолютно. Что бы ни думали советские идеологи, принимавшие наскоро сколоченные политические леса за само строящееся здание, это здание выросло внутри лесов совсем не по тому плану, какой начертали революционные философы или теоретики «развитого социализма». Старая патриархальная семья с присущими ей ценностями действительно разрушалась, и это подрывало не только классический принцип *человек для семьи*, но и его советское дополнение принципом *семья для государства*, который, по сути, опирался на те же самые «коллективистские», холистские ценности.

Какое-то время казалось, что в России, как и в других развитых странах, место старой семьи заступает новая, достаточно стабильная нуклеарная малодетная семья городского типа, сильно отличающаяся от патриархальной, но все же сохраняющая по отношению к ней и определенную преемственность. Однако тенденции развития европейской семьи самого последнего времени заставляют усомниться в надежности такого прогноза. Судя по всему, поиск новых форм организации личной жизни человека выходит за рамки нуклеарной семьи и пока далеко не завершен, так что исследователям не остается ничего иного, как наблюдать за происходящими изменениями, стремясь понять их не всегда ясный внутренний смысл.

Эта задача стоит и перед исследователями российской семьи, которая, хотя и не совсем синхронно с европейской, также быстро видоизменяется, о чем свидетельствуют все количественные показатели, все новые параметры семейной жизни.

По многим причинам, объективным и субъективным, измерение этих параметров для России и за длительный период, охватывающий весь XX век, и за самое последнее время оказывается очень непростой задачей. В последующих разделах этой книги приводятся результаты исследований, позволивших восстановить общую картину многоплановых количественных изменений, охвативших разные стороны жизненного цикла семьи: возраст вступления в брак и продолжительность жизни в браке, количество регистрируемых и нерегистрируемых браков и их соотношение, долю одиноких, число разводов и повторных браков, число детей, возраст родителей при их рождении, интервалы между рождениями, долю внебрачных рождений, размер и состав семьи на разных этапах ее жизненного цикла — этот список можно продолжать и продолжать.

Но, конечно, еще важнее — глубокие качественные перемены, которые отчасти обусловили количественные сдвиги, отчасти же сами стали их результатами. Поэтому, рассмотрев по возможности подробно

изменения количественных параметров жизненного цикла семьи, мы вернемся к вопросу о глубинных качественных трансформациях в организации семейного бытия человека, может быть, даже шире — всей сферы его частной жизни.

6.4.3 Зигзаги брачно-семейного законодательства

На протяжении XX века отношение к браку и разводу в России, равно как и официальные нормы матримониального поведения, регулируемые брачно-семейным законодательством, не раз менялись, иногда очень резко. Несколько упрощая и схематизируя сложный процесс эволюции института брака на протяжении ста лет, можно выделить три главных этапа этой эволюции, и на каждом из них соотношение модернизационной и контрмодернизационной составляющих складывалось по-разному.

На первом этапе, продолжавшемся примерно до середины 1930-х годов, развитие брачно-семейных отношений имело в целом ярко выраженную либеральную направленность («меньше государства»). Второй этап — с середины 1930-х до середины 1950-х — характеризовался тенденцией к жесткому регулированию брачно-семейной сферы («больше государства»). На третьем этапе, начиная с середины 1950-х годов, шло медленное возвратное движение к либерализации брачно-семейных отношений.

6.4.3.1 Первый этап: «меньше государства»

На рубеже XIX и XX веков в России еще сохранялось господство традиционных взглядов на брак и соответствовавшее им массовое поведение. Для большинства населения было характерно раннее и почти всеобщее вступление в брак. Тем не менее, именно в это время началась ломка патриархальных устоев, существовавших веками традиций, ценностей и норм поведения, которая затронула и институт брака. Появлялись слои населения, у которых традиционная модель брачного поведения постепенно замещалась новой моделью, несколько напоминавшей европейскую, — с более поздним вступлением в первый брак и значительной долей мужчин и женщин, остававшихся вне брака. Сдвиги кажутся не особенно большими, возможно, потому, что многие процессы протекали подспудно, господствовавшие мораль и право не позволяли им открыто выйти наружу. Однако проявлявшаяся в разных формах обеспокоенность общества свидетельствовала о том, что эти процессы затрагивали все большее число людей, так что последующие изменения не были вовсе неподготовленными.

Может быть, именно поэтому в послереволюционной России они приобрели необыкновенную стремительность, за короткое время произошли кардинальные перемены, какие при нормальном эволюционном общественном развитии могут занять время жизни нескольких поколений.

Первым шагом на пути этих перемен стала секуляризация брака. Уже декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака», изданные в декабре 1917 года,

провозглашали изъятие всех дел о браке и разводе из ведения церковных органов и рассматривали как обязательную лишь гражданскую форму регистрации брака. В Семейном кодексе РСФСР 1918 года провозглашалось, что «только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов» (ст. 52).

Гражданский брак привился в России довольно быстро. «Количество гражданских браков в Москве, несмотря на опасения реставрации, которая могла эти браки аннулировать, возрастало в течение 1918 года с изумительной быстротой... и кривая его роста постоянно повышалась» (Гойхбарг 1920: 41–42).

Однако вскоре стало ясно, что зарегистрированные гражданские браки не покрывают всех случаев возникновения фактических брачных отношений. Разрушение традиционной системы социального контроля, политическая нестабильность и хозяйственная разруха, послевоенный дефицит мужчин на брачном рынке — все это подталкивало и женщин и мужчин к более легкому отношению к юридическому оформлению брака и распространению института неоформленного брака, «сожительства». По данным одного из обследований тех лет, к 1923 году в стране насчитывалось около 100 000 незарегистрированных браков (Сборник 1926: 20), так что сама жизнь ставила вопрос о какой-то их правовой охране. Этот вопрос широко обсуждался в печати, на разного рода собраниях. Сторонники юридического признания фактических браков указывали, что нельзя приписывать правообразующее качество формальному моменту и что фактический и зарегистрированный брак ничем, по существу, не различаются.

Дискуссии не прошли без следа. В 1926 году был принят новый Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР, который продолжил линию на либерализацию института брака, устранил все ограничения для вступления в брак, связанные с согласием родителей, национальной, сословной или религиозной принадлежностью жениха и невесты, установил равноправие супругов по отношению друг к другу, уравнил в правах детей, рожденных в браке и вне брака. В то же время он ограничил правовое значение регистрации брака только тем, что она являлась «бесспорным доказательством наличия брака». Лица, состоящие в незарегистрированном браке, были уравнены с зарегистрированными супругами в праве на совместно нажитое имущество и на получение алиментов. Были описаны доказательства, подтверждающие наличие незарегистрированного брака.

Очень сильно изменились и условия расторжения брака. Уже Семейный кодекс 1918 года разрушил все социальные и нравственные запреты на развод. Он стал общедоступен, причем брак мог расторгаться как по обоюдному согласию супругов, так и по заявлению одного из них, и происходило это немедленно. Ответом на новое законодательство стало быстрое распространение бракоразводной практики. В 1921 году в Петрограде доля разводов среди браков, длившихся менее года, составляла 33%, среди браков, длившихся от одного года до двух лет — 19% (Новосельский 1926: 191).

Кодекс 1926 года еще более упростил процедуру развода: спорные разводы оформлялись через ЗАГС (по Кодексу 1918 года — через суд), для регистрации развода достаточно было обращения одного из супругов, причем объяснения причин не требовалось, другой же получал

уведомление о разводе по почте («открыточный развод») — отказы не предусматривались.

В целом 1920-е годы ознаменовались быстрым вытеснением церковного брака гражданским, чему активно способствовала политика властей, а также довольно широким — хотя, конечно, далеко не всеобщим — распространением нерегистрируемых брачных союзов, особенно среди городской молодежи. По данным Д. Ласса, из всех состоящих в браке студентов 63,3% мужчин и 57,7% женщин жили в гражданском браке, 20,2% студентов и 10,6% студенток — в церковном браке, в свободном браке — 16,5% и 31,7% соответственно (Ласс 1928: 140).

Стремительная либерализация и секуляризация брачно-семейного законодательства была созвучна настроениям первых послереволюционных лет и какое-то время сама способствовала усилению этих настроений, нередко выливавшихся в полное отрицание самого института брака, особенно среди городской молодежи.

Если обследование студентов, проведенное И. Гельманом в 1922 году, показало, что у студентов-мужчин принципиальное отрицание брака как мотив добровольного безбрачия не фигурировало вообще, а у женщин составило 8,4%, то по данным исследования Д. Ласса, проведенного пять лет спустя, уже 8,9% мужчин и 16% женщин принципиально отрицали брак (Ласс 1928: 145). Из материалов обследования московской творческой интеллигенции в 1927 году следует, что в этой среде был популярен негативный взгляд на семейную жизнь: 6% опрошенных мужчин и 23,5% женщин высказали отрицательное отношение к браку и семье (Горбунов 1928: 20). Одним из декларируемых мотивов такого отрицания было распространенное в те годы отношение к браку как к проявлению мещанства, буржуазному пережитку.

Бытовая практика сравнительно немногочисленной городской молодежи тех лет отражала поиски новых форм организации частной жизни людей в изменившихся условиях. В частности, нередко ставилась под сомнение ценность длительных брачных союзов. В 1923 году И. Гельман приводил данные об ориентации на кратковременное сожительство у 58,1% мужчин и 55,2% женщин среди опрошенных студентов (Гельман 1923: 71). Другие исследования показывали более высокую долю сторонников длительных отношений. Анонимный опрос 1615 студентов Свердловского коммунистического университета, проведенный в 1923 году, показал, что за длительный союз высказалось 85,7% мужчин и 73,9% женщин (Анкета 1923: 371). По данным анкетирования студентов МГУ 1927 года, из 1200 мужчин за длительное сожительство высказались 72,2%, из 302 женщин — 81,6% (Какова же наша молодежь 1927: 76).

Попытки найти новые формы отношений между мужчиной и женщиной неизбежно переплетались со спорами о новой половой морали. Наблюдая одни и те же факты, некоторые исследователи делали вывод о здоровом характере половых нравов в студенческой среде, другие — о половой распущенности студентов крестьянского и пролетарского происхождения. Характерный пример широкого обсуждения вопросов половой морали — дискуссия, открытая на страницах молодежного журнала «Молодая гвардия» большевичкой А. Коллонтай. Она утверждала, что «именно во взаимоотношениях полов сейчас совершается величайшая в истории человечества революция, и идеология пролетариата заключает в себе ответ и на эту... загадку» (Коллонтай 1923: 163).

В статье с названием «Дорогу крылатому эросу» Коллонтай романтизировала «крылатое» любовное чувство, составляющее одно из высших проявлений свободного человека, противопоставляя его «бескрылости», бездуховности самодовлеющего эротизма, половой связи «отчужденного» человека, лишённого свободы и гармонии внутреннего мира.

Стремление связать неизбежность перемен в организации личной жизни людей с общими историческими изменениями не всегда встречали поддержку даже в среде активных сторонников таких изменений. Как писал другой видный большевик тех лет, Е. Преображенский, «защитники той или иной точки зрения в этом вопросе скорее обосновывали различными аргументами свои личные вкусы и привычки в этой области, чем давали правильный, социологически и классово обоснованный ответ... Кто, по своим склонностям, предпочитал моногамию, тот пытался возвести в догмат и норму моногамного брака, подбирая для этого медицинские и социальные аргументы. Те, которые склонны к обратному, пытаются выдать быстротечные браки и „половой коммунизм“ за естественную форму брака в будущем обществе, причем иногда проведение на практике этого типа общения между полами с гордостью рассматривают как „протест на деле“ против мещанской семейной морали настоящего» (Преображенский 1923: 97–98).

Но все же представления о том, что семья, брак, половая мораль в «новом обществе» будут совсем не такими, как прежде, были распространены очень широко. Их, по-видимому, разделял и В. Ленин, которому в вопросах семьи и брака отнюдь не был свойствен радикализм, характерный для его политических взглядов: судя по некоторым высказываниям, в этих вопросах он был, скорее, консерватором. В беседах с К. Цеткин, записанных ею в 1920 году, он утверждал: «...Старые идеологические ценности рушатся, теряя свою сдерживающую силу... Взгляды на отношения человека к человеку, на отношения мужчины к женщине революционизируются, революционизируются чувства и мысли. Между правом личности и правом коллектива, а значит и обязанностями личности проводятся новые разграничения... Все это касается и области половых отношений, брака и семьи... В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции» (Цеткин 1957: 482–483).

Произошла ли эта революция на самом деле?

Несомненно, стиль матримониального поведения россиян в послереволюционные годы становился все более свободным. Поначалу это затронуло по преимуществу городское население, не столь уж многочисленное в тогдашней России. Но с конца 1920-х годов — времени «большого скачка», начала сплошной коллективизации и форсированной индустриализации — в города хлынули миллионы крестьян, которые стали быстро усваивать новые городские нормы, становившиеся все более массовыми.

Официальная статистика в этот период далеко не полностью отражала действительное положение дел, так как не учитывала незарегистрированные фактические браки, а стало быть, и их распадение. Но даже число зарегистрированных браков, расторгнутых ЗАГСами, было очень большим, значение коэффициента суммарной разводимости середины 30-х годов было достигнуто и превышено только через тридцать лет (!). При этом, средняя длительность брака при разводе была рекордно низкой за всю историю России и составляла менее пяти лет.

Наиболее часто расторгались краткосрочные браки: специальный коэффициент разводимости для браков длительностью до одного года находился на самом высоком уровне, 50 разводов на 1000 браков.

В первой половине 1930-х годов распространение новой модели матримониального поведения происходило на фоне усложнявшейся социальной обстановки, бытовой неустроенности миллионов вчерашних крестьян, ставших новыми горожанами, их культурной маргинализации, политических репрессий, связанных с «раскулачиванием», страшного голода 1932–1933 годов и его последствий. Все это разрушительно действовало на старую систему брачно-семейных отношений, но очень мало способствовало созиданию новой. У среднего россиянина тех лет было слишком мало степеней свободы, чтобы он мог органично воспринять либеральную модель социального поведения вообще и матримониального — в частности. Такая модель предполагает большой выбор социальных стратегий, высокую социальную мобильность человека и в то же время наличие у него внутреннего «компаса», помогающего не потерять ориентацию в мире безграничных возможностей. Ничего этого тогдашняя российско-советская действительность предложить этому человеку не могла.

Поэтому быстрое освобождение от традиционных ограничений привело к созданию ценностного вакуума, который оказался губительным для очень многих семей и для института семьи в целом. Он стал быстро деградировать. К 1935 году число разводов, по сравнению с 1913-м, возросло в 68 раз. В стране стала быстро снижаться рождаемость, возросло число искусственных абортов, массовый характер приобрела детская беспризорность. Все это встревожило власть, которая стала пересматривать идеологию и практику брачно-семейных отношений, сложившихся в послереволюционные годы.

6.4.3.2 Второй этап: «больше государства»

Коль скоро стало ясно, что массовая российская советская семья — в те годы либо крестьянская, либо младогородская — не обладала достаточными силами саморегулирования, сам собой стал напрашиваться возврат к внешним регуляторам матримониального и вообще семейного поведения. При резком падении авторитета религии и исчезновении повседневного деревенского надзора единственным субъектом такого регулирования могло быть государство. К тому же это вполне соответствовало роли, которая отводилась тогда государственному Левиафану и в других областях жизни советского общества: в экономике, политике, культуре и т.д., и воцарившемуся принципу *все для государства*.

В результате, во второй половине 30-х годов проблема брачно-семейных отношений получила принципиально новое идеологическое столкновение. Идея свободы выбора формы брачных отношений была забыта, ее место заняла идея семейного долга. То, что считалось правильным в 1920-е годы, теперь резко критиковалось. Теории отмирания семьи при социализме и свободы отношений между полами, разрабатывавшиеся А. Коллонтай, А. Луначарским и др., были заклеены как «политически ошибочные и вредные», антимарксистские (а имена Троцкого, а затем и Бухарина в этой связи просто не упоминались).

Первым шагом на пути реализации новой политики властей в области брачно-семейных отношений стало постановление 1936 года о запрещении аборт, которое также предусматривало усиление уголовного наказания за неплатеж алиментов и изменение законодательства о разводах¹. В частности, устанавливался обязательный вызов в ЗАГС обоих разводящихся супругов, вводилась соответствующая отметка в паспорте и увеличивалась государственная пошлина — при втором разводе она в 3 раза превышала размеры выплат при первом, при третьем и последующем — в 6 раз.

Впоследствии было коренным образом пересмотрено отношение к фактическому и юридическому браку. Указ Президиума Верховного совета СССР от 8 июля 1944 года установил, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов. Наличие брачных отношений определялось только официальной регистрацией, незарегистрированные союзы признавались недействительными. Указ фактически возвращал понятие «незаконно рожденный». Дети, рожденные вне брака, не могли получить фамилию отца даже в случае признаваемого отцовства.

Указ 1944 года имел большое значение для учета движения населения, поскольку зарегистрированные браки (и разводы) было гораздо проще учесть, чем незарегистрированные. Регистрация брака поддерживалась жесткими административными мерами, в частности, на лиц, уклоняющихся от нее, накладывался определенный штраф. Однако если бы регистрация брака преследовала только цели государственного учета, то этим нельзя было бы обосновать лишение незарегистрированных браков правовой охраны. Видимо, главное значение указа состояло в том, что с 1944 года официальная регистрация брака становилась единственным основанием его общественного признания.

Регистрация брака рассматривалась как средство оказания культурно-воспитательного воздействия на укрепление в семье «социалистических принципов». Принятые меры привели к повышению прочности браков, во всяком случае, формальной, но не к повышению брачности. Коэффициент суммарной брачности не перестал снижаться, а средний возраст вступления в первый брак имел тенденцию к повышению.

Указ 1944 года снова серьезно ужесточил процедуру развода. Вместо прежнего порядка регистрации развода в органах ЗАГСа на основании немотивированного заявления супругов, указ ввел судебный порядок, при котором обязательным стало указание мотивов развода, а в удовлетворении заявления могло быть отказано. Предусматривалось двухступенчатое судебное разбирательство дел о разводе — примирительное разбирательство в народном суде и последующее решение дела в вышестоящей судебной инстанции, публичность производства в открытом заседании суда с предварительным объявлением о разводе в местной печати, повышение государственной пошлины и установление нового порядка ее уплаты. При этом указ не содержал перечня признаваемых поводов для развода, право на их определение предоставлялось рассматривающему конкретное дело суду.

Жизнеспособность новой, наиболее жесткой и догматической за весь советский период политики в области бракоразводных отно-

1

Еще раньше, в 1934 году, было введено уголовное преследование за гомосексуализм, но тогда оно не могло восприниматься как одно из звеньев цели, которая вскоре опутает всю семейную жизнь советского человека.

шений также оказалась не слишком высокой, ибо практика бракоразводного поведения все больше входила в противоречие с намерениями законодателя.

Указ 1944 года, принятый в конце войны, был попыткой противостоять дестабилизации семейных отношений в разоренной войной России, в условиях резко повысившейся социальной и географической мобильности десятков миллионов поднятых войной со своих мест людей, длительного разрыва семейных связей, количественной диспропорции полов в бракоспособных возрастах вследствие огромных военных потерь мужского населения.

Вначале могло казаться, что указ достиг цели. За годы войны число зарегистрированных браков упало более чем в 2 раза. Сразу после окончания войны, после демобилизации, начался резкий подъем уровня брачности. Государственное вмешательство в регулирование брачных отношений выглядело успешным. Власть вошла во вкус, и в 1947 году были запрещены браки с иностранными гражданами — эта мера имела уже чисто политический смысл.

Однако вскоре выяснилось, что запретить браки с иностранцами, и без того достаточно редкие, было легче, чем повлиять на массовое матримониальное поведение. Послевоенный подъем брачности происходил в условиях огромного количественного дисбаланса полов и поэтому оказался непродолжительным. Уже к 1947 году наступил спад коэффициента суммарной брачности. В результате всплеска брачности в 1946–1947 годах несколько снизился средний возраст вступления в первый брак, но к 1950 году он снова возрос.

Недолгим оказалось и воздействие указа на уровень разводимости. Сразу после его введения число зарегистрированных разводов резко сократилось — в 1945 году их было всего 3840 — в девять с лишним раз меньше, чем в 1944-м. До 1957 года число регистрируемых разводов было в несколько раз ниже абсолютных значений, характерных для середины 1930-х годов, средняя продолжительность брака при разводе неуклонно росла. Но ведь это не значит, что браки не распадалась без регистрации развода, развод не исчез, но был загнан в подполье, о числе фактических разводов ничего не было известно. Впрочем, с конца 1950-х до начала 1960-х годов даже при сохранении законодательных норм 1944 года отмечался медленный, но устойчивый рост числа регистрируемых разводов, и уже в 1960 году оно превышало уровень 1936 года. При этом, длительность брака при разводе стала сокращаться.

Не исчез и спутник развода — повторный брак. Поскольку оформление развода было затруднено, стала невозможна и регистрация фактических повторных браков, стало быть, отсутствует и соответствующая статистика. Но о том, что такие браки в условиях острого дефицита женихов были достаточно распространены, косвенно говорит огромный рост числа одиноких матерей в СССР послевоенных лет: в 1945 году их было 281,7 тыс., а в 1957-м — 3312 тыс. (Харчев 1979: 169).

Хотя законодательные меры, несомненно, оказывали воздействие на поведение людей, это воздействие имело свои границы. С самого начала существовал разрыв между законодательными нормами и реальным поведением, и этот разрыв быстро нарастал и все лучше осознавался. Критика брачно-семейного законодательства выплеснулась на

страницы газет. Характерным примером такой критики может служить открытое письмо, в котором ставился вопрос об отмене статей Указа 1944 года, запрещающих вписывать фамилию отца в свидетельство о рождении внебрачного ребенка, направленное в октябре 1956 года И. Эренбургем, С. Маршаком, Д. Шостаковичем и Г. Сперанским в Президиум Верховного совета СССР. По мнению авторов письма, действовавшая норма нарушала Конституцию СССР, гарантирующую равные права мужчин и женщин, а также заставляла детей расплачиваться за ошибки своих родителей (Чуйкина 2002: 115).

Постепенно становилось ясно, что чрезмерное государственное вмешательство в жизнь семьи не оправдывает себя, законодательство все больше входит в противоречие с повседневной практикой миллионов семей и должно быть изменено.

6.4.3.3 Третий этап: снова «меньше государства»

Подобно тому, как поворот к тоталитарному вторжению в семейную сферу ознаменовался запретом аборта в 1936 году, так новый поворот — в противоположном направлении — был отмечен вначале указом Президиума Верховного совета СССР от 5 августа 1954 года, снимавшим уголовную ответственность с женщины, сделавшей подпольный аборт, а затем, в 1955 году, и полной легализацией аборта по желанию женщины.

Следующий шаг был сделан только через 10 лет (впрочем, и указ 1944 года последовал лишь через 9 лет после постановления 1936 года). В 1965 году было принято Постановление об изменении порядка расторжения брака, которое значительно упростило процедуру развода: были отменены предварительные публикации в газетах о предстоящих разводах, бракоразводные процессы были переданы судам низшей инстанции. Через несколько лет, 30 сентября 1968 года, были приняты Основы законодательства СССР и союзных республик о браке и семье, а в 1969 году — новый Кодекс о браке и семье РСФСР, разрешивший супругам, не имеющим общих детей до 18 лет, разводиться по обоюдному согласию прямо в ЗАГСе, не обращаясь в суд. Таким образом, законодательство о разводе стало еще более либеральным.

Семейное законодательство не изменялось до 1990-х годов, которые, как и можно было ожидать, принесли новое расширение «области свободы» в бракоразводных отношениях. В Семейном кодексе РФ, вступившем в силу 1 марта 1996 года, была снижена нижняя граница вступления в брак. Если в предыдущих кодексах минимальный возраст вступления в брак составлял 18 лет при вероятности его снижения до 16 лет в особых случаях, то в новом кодексе нижний предел вообще не устанавливался. Срок ожидания между подачей заявления в ЗАГС и его регистрацией сократился до месяца (ранее он составлял три месяца).

В очередной раз упростилась процедура развода: сроки ожидания развода сократились до одного месяца, при этом, при взаимном согласии супругов на развод, брак расторгается судом без выяснения мотивов развода. Если ранее решение суда о расторжении брака приобретало силу после получения одним из супругов свидетельства о разводе в ЗАГСе, то, по новому Кодексу, решение суда вступало в силу независимо от обращения супругов в ЗАГС. Пошлина, взимаемая при разводе,

соответствовала размеру двух или трех минимальных зарплат и не создавала принципиальных осложнений для реализации решения супружеских пар о разводе.

Итак, в целом к концу XX века российское брачно-семейное законодательство стало довольно либеральным. В какой мере этот либеральный законодательный сдвиг соответствовал реальным сдвигам в жизни российской семьи?

С середины 1930-х до середины 1950-х годов реальные проблемы брачно-семейных отношений в России замалчивались, социологические и демографические исследования семьи не проводились. Немногочисленные публикации на семейные темы, как правило, были посвящены исследованию наследия классиков марксизма или рассказывали о заботе партии, правительства и «лично товарища Сталина» о семье, детях и женщинах.

Последовавшему после смерти Сталина периоду «оттепели» сопутствовала и некоторая либерализация взглядов на брак и семью, повлиявшая на формирование жизненных ориентаций у новых поколений. В 1960-е годы возобновились социологические и демографические исследования проблем брака и семьи. Хотя тогда эти исследования в основном были ориентированы на поиски путей «дальнейшего укрепления социалистической семьи», а добрачные или внебрачные половые отношения, разводы и следующие за ними повторные браки рассматривались как несовместимые с такой идеальной семьей прискорбные аномалии, начали появляться данные о том, что реальная жизнь движется вовсе не в направлении официально декларируемого социалистического аскетизма.

Так, проведенное в конце 1960-х годов опросное сопоставление двух ценностных ориентаций у молодежи — «встретить любимого человека» и «создать семью» — показало, что они часто рассматриваются респондентами как не тождественные. 72,9% опрошенных молодых людей поставили на первое место «встретить любимого» и только 38,9% — «создать семью». Это означало, что юноши и девушки уже не видели в каждом партнере будущего супруга. Любовные отношения могли привести к заключению брака, но они были ценны сами по себе (Лисовский 1969: 34, 39). О том же говорил и социологический опрос студенческой молодежи Ленинграда в 1978 году, показавший, что понятия «любовь» и «брак» в сознании респондентов были отделены друг от друга. Этот вывод был подтвержден и результатами нового опроса в начале 1980-х годов (Голод 1984: 22).

Все более массовым становилось неофициальное добрачное сожитие супружеской пары. По данным социологического исследования, проведенного в начале 1960-х годов, 65% опрошенных мужчин и 28% женщин состояли в фактическом браке до его официальной регистрации (Харчев 1965: 167).

В 1964–1965 годах среди студентов десяти ленинградских вузов был проведен опрос о возможности добрачных половых отношений. «Выяснилось следующее: 45% оправдывали такие контакты, 33% предпочли нейтральное суждение и 22% осудили безоговорочно... Через семь лет был осуществлен повторный опрос того же количества студентов, обучавшихся в тех же вузах. Ответы распределялись так: оправдывали 47%, нейтрально отнеслись 39% и осуждали 14%. Появилось основание констатировать устойчивость соотношения удельных весов оценок» (Голод 1996: 45).

Свободный выбор индивидуального жизненного пути, не связанный с жесткой сеткой законодательно закрепленных, нормативных вариантов, становился все более распространенным. К концу XX века динамика показателей брачности и разводимости весьма вяло реагировала на изменения законодательства, а это означало, что законодательные нормы и массовая практика были слабо связаны между собой.

Еще недавно официальная регистрация брака имела очень важное практическое значение — и не только для выстраивания внутрисемейных отношений между супругами или между родителями и детьми. Государство, вторгаясь в сферу организации личной жизни граждан, нередко ограничивало при этом их права на удовлетворение обычных жизненных потребностей. В ответ на это население выработало стереотипы поведения, позволяющие использовать регламентирующую деятельность государства в своих интересах. Фиктивный брак — один из наиболее ярких примеров приспособления населения к жестким нормам законодательства (а часто и общественного мнения). Регистрацию брака в разные периоды использовали для достижения целей, далеких от создания семьи — будь то получение квартиры, прописка, поездка в долгосрочную командировку за рубеж, возможность продолжить образование и т.п.

С ослаблением государственного надзора за личной жизнью и патерналистских функций государства исчезает и целый комплекс факторов, подталкивающих к регистрации брака или его официальному расторжению. Россия вступила в XXI век с законодательством, которое признает только тот брак, который зарегистрирован в ЗАГСе, лица, состоящие в фактических брачных отношениях, независимо от их продолжительности и устойчивости супругами по этому законодательству не являются. В то же время существует много признаков того, что ни законодательные изменения в процедуре бракоразводной регистрации, ни сам факт пребывания или не пребывания в зарегистрированном браке уже не имеют прежнего значения для выбора современным россиянином своего жизненного пути. В России, как и в большинстве современных промышленных и городских стран, регистрация брака постепенно утрачивает функцию его необходимого общественного признания, и все большее распространение получают незарегистрированные брачные союзы. Но к началу XXI века такие союзы оставались в России, в основном, вне законодательного поля, законодательство же, судя по всему, не было готово предложить адекватный ответ на этот новый вызов времени.

- 7.1 Регистрируемые и нерегистрируемые браки
7.1.1 Общий коэффициент брачности

Наиболее общий измеритель частоты брачности — общий коэффициент брачности — указывает на весьма причудливую динамику формирования брачных пар в России в XX веке.

К началу столетия в России отмечалось постепенное снижение частоты вступления в брак: общий коэффициент брачности в 1871–1875 годах составлял 10‰, в 1891–1900 годах — 9‰, к 1911 году он понизился до 8‰ (Рашин 1956: 172).

В этом снижении не было ничего необычного, по-видимому, оно было связано с усиливавшейся миграцией сельского населения в города, особенно крупнейшие. Как писал С. Новосельский, «низкая, сравнительно с сельским населением, брачность горожан представляет характерное явление для стран сельскохозяйственного, земледельческого типа и кроме России наблюдается в Сербии, Болгарии, Румынии, Венгрии. В Петербурге же, как в русских городах вообще, при слабых возможностях приложения женского труда в прежнее время, экономической невозможности для значительной части мужского населения обзаводиться женой и семьей в связи с тем, что большая часть городского рабочего населения не порвала еще связи с деревней и предпочитала заключать браки дома, в деревне, брачность была низка» (Новосельский 1916б).

Первая мировая война способствовала дальнейшему снижению брачности, особенно в городах. В Петрограде, где в 1912 году коэффициент брачности составлял 6,5‰, в 1915 году брачность упала до 5,0‰, а в 1916-м — до 4,7‰ (Новосельский 1978б: 102).

Странности начались после 1917 года, когда в условиях, ведущих, как правило, к снижению брачности, — гражданской войны, экономической разрухи, голода, эпидемий, обычной в военное и послевоенное время количественной диспропорции полов в основных бракоспособных возрастах, — коэффициент брачности неожиданно стал увеличиваться. В 1917 и 1918 годах показатели брачности в Петрограде росли стремительными темпами, и в 1919 году достигли «небывалого уровня (23,2 брака на 1000 жителей)», поставив, по мнению С. Новосельского, «мировой рекорд в этом отношении» (Там же, 103). Рост показателя наблюдался повсеместно. После окончания Гражданской войны, к началу 1920-х годов, общий коэффициент брачности в России приблизился к значению 12‰, что было выше, чем до Первой мировой войны.

Необычный рост брачности тех лет объясняется, по-видимому, изменениями в порядке регистрации браков. Смена церковной формы брака на гражданскую и сопутствующая новой форме возможность немедленной регистрации при подаче заявления в ЗАГС, а также отмена многих ограничений при вступлении в брак, равно как и простота развода привели к росту частоты вступления в брак. Многие супружеские пары легализовали уже существующие, но юридически не оформленные

сожительства. Наверняка появилось и множество легковесных, необдуманных браков, спровоцированных небывалой легкостью их заключения и расторжения.

Однако сама эта легкость в сочетании с широко распространившимся нигилизмом по отношению к институту брака имела своим следствием начавшееся с середины 1920-х годов быстрое снижение общего коэффициента брачности. Возможно, не последнюю роль сыграло и внутреннее недоверие к бюрократической процедуре гражданской регистрации брака у людей, воспитанных в уважении к торжественному церковному обряду. Вряд ли люди перестали вступать в брак, они лишь перестали его регистрировать, ибо в этом не было никакой надобности. Особенно резким было падение показателя во второй половине 1930-х годов (рис. 7.1).

К 1940 году общий коэффициент брачности опустился до крайне низкого уровня, а в годы войны число зарегистрированных браков упало еще более чем в 2 раза. Полных статистических данных за военные годы нет, но когда они, наконец, снова появляются, то оказывается, что показатель резко подскочил вверх и превышает предвоенный более чем в три раза. Нет сомнения, что этот скачок отражает не только истинный всплеск брачности после демобилизации мужчин, но и действие указа 1944 года (см. раздел 6.4.3.2), который сделал необходимым оформление давно существовавших, но незарегистрированных браков.

Высокий общий коэффициент брачности продержался примерно до конца 1950-х годов, а затем снова началось его падение, сменившееся подъемом в середине 1960-х годов, связанным — по крайней мере, отчасти — с либерализацией развода в 1965 году: тогда были формально расторгнуты давно распавшиеся браки и зарегистрированы новые, уже существовавшие, но не оформлявшиеся из-за отсутствия развода у одного или обоих фактических супругов. Подъем продолжался до конца 1970-х годов, а затем снова началось затажное падение, оказавшееся очень глубоким. К концу столетия общий коэффициент брачности опустился до очень низкого уровня конца 1930-х годов. И, по-видимому, это снова было связано с массовым распространением незарегистрируемых союзов.

Рисунок 7.1. Общий коэффициент брачности, Россия, 1900–2000, ‰

Примечание: для дореволюционного периода коэффициент рассчитан по данным о 50 губерниях Европейской России.

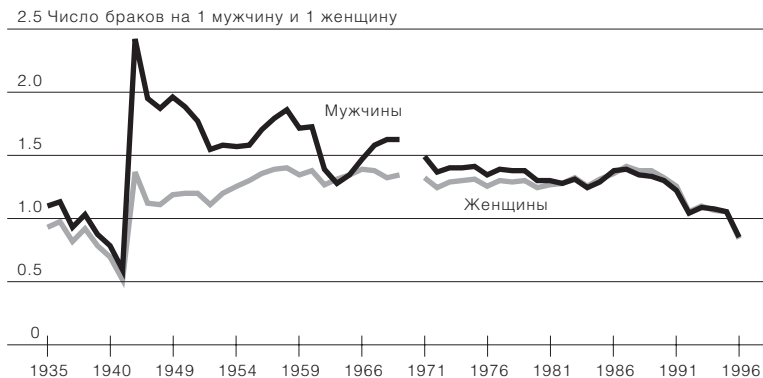
Источники: Рашин 1956: 171; данные РГАЭ (для 1924–1958 годов); Демографический ежегодник 2001: 119.

Общий коэффициент брачности — не очень надежный показатель, так как зависит от изменений возрастного состава населения. Его взлеты и падения могут в большей или меньшей степени зависеть от изменения доли мужчин и женщин в наиболее активных бракоспособных возрастах во всем населении. Скажем, если в 1932–1934 годах наблюдался провал рождаемости, то в начале 1950-х он должен отозваться сокращением абсолютного числа молодых людей, вступающих в активный бракоспособный возраст, а значит, и сокращением абсолютного числа браков и коэффициента брачности.

Более надежным, хотя тоже не идеальным показателем служит коэффициент суммарной брачности для условных поколений (среднее число браков на одного человека в возрасте от 16 до 70 лет за всю его жизнь при возрастных интенсивностях брачности данного года), гораздо менее зависящий от возрастной структуры населения. Накануне войны, в 1940 году, этот коэффициент в России был очень низким, для первых браков он составлял 0,55 для женщин и 0,57 — для мужчин. После окончания войны он, как и общий коэффициент, резко повысился, особенно у мужчин. По сравнению с довоенным его значение для мужчин увеличилось в 5 раз для всех браков и в 4 раза для браков первой очередности и достигло 2,4 и 2,1 брака на одного мужчину условного поколения соответственно. У женщин это увеличение было меньшим, но тоже весьма значительным: в 3 раза для всех браков и в 2,5 раза для первых браков, что составляло соответственно 1,4 и 1,2 брака на одну женщину условного поколения (рис. 7.2 и 7.3).

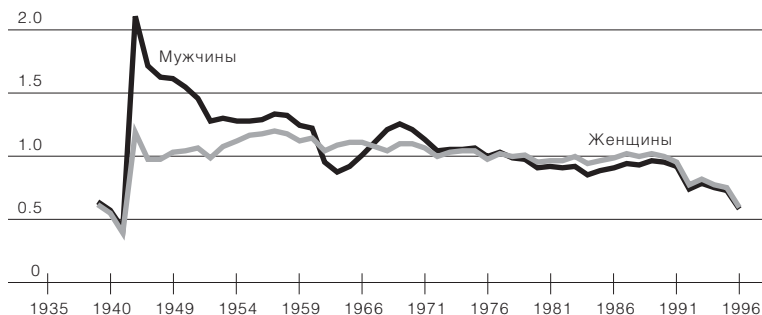
В целом динамика коэффициента суммарной брачности была примерно такой же, как и у общего коэффициента, хотя и несколько более плавной. В первые послевоенные годы этот показатель для первых браков у женщин поднялся выше 1, у мужчин — намного выше. Понятно, что человек не может вступить в первый брак более одного раза, но в «условном» поколении это возможно — в том случае, если меняется «календарь» брачности и отложенные или, напротив, ускоренные браки концентрируются в том периоде, для которого исчисляется показатель. Это и произошло сразу после войны. Однако такое повышение не могло быть продолжительным, и к 1947 году наступил спад. У женщин

Рисунок 7.2. Коэффициент суммарной брачности, все браки, Россия, 1935–1996

Рисунок 7.3. Коэффициент суммарной брачности, первые браки, Россия, 1939–1996

2.5 Число браков на 1 мужчину и 1 женщину

коэффициент суммарной брачности для первых браков уже тогда в некоторые годы опускался ниже 1.

В первой половине 1950-х годов на брачном рынке появились новые «игроки» — потенциальные женихи из относительно многочисленных поколений, родившихся в конце 1930-х годов, и бывшие на несколько лет моложе их потенциальные невесты из малочисленных поколений военных лет рождения. Возникший дефицит невест привел к новому подъему женской брачности и спаду мужской, а затем произошла новая возрастная инверсия: к середине 1960-х годов 17–18-летнего возраста стали достигать многочисленные женские поколения, родившиеся в 1946 году и позднее, а пополнение мужской стороны на брачном рынке какое-то время происходило за счет очень малочисленных поколений военных лет рождения.

Колебания, вызванные дезорганизацией брачного рынка, в основном закончились к началу 1970-х годов, после чего наступил период относительной стабильности брачности, хотя уже в этот период стала просматриваться тенденция к снижению ее общей интенсивности. С конца 1970-х среднее число первых браков на одного мужчину устойчиво опустилось ниже единицы, с 1980 года то же стало характерно и для женщин. После 1991 года и у тех и у других началось резкое падение показателя и за несколько лет он опустился до чрезвычайно низкого уровня конца 1930-х годов.

7.1.3 Нерегистрируемые браки

Рассчитанный по данным государственной статистики коэффициент суммарной брачности, как и ее общий коэффициент, отражает интенсивность только регистрируемой брачности. Резкое же падение этих показателей в обычных, мирных условиях заставляет предполагать, что значительное число браков не регистрируется и потому не попадает в учет. Соответственно и оценить действительное число фактических браков не просто.

В советское время в периоды официального осуждения подобных браков их число, видимо, сокращалось, а стабильность зарегистрированных браков, если оценивать ее по внешним, доступным наблюдению

признакам, повышалась. Но судить о том, что в действительности происходило в то время с институтом брака, сложно. Тот факт, что коэффициент суммарной брачности снижался, а средний возраст вступления в первый брак имел тенденцию к повышению, косвенно говорит о расширении практики нерегистрируемых сожительств.

Поскольку регистрации брака придавалось значение средства культурно-воспитательного воздействия на укрепление в семье «социалистических принципов», общественное мнение было ориентировано на то, что нерегистрируемых браков немного и у них нет будущего. Оценка соотношения зарегистрированных и незарегистрированных браков в России и в СССР в целом ни разу не проводилась в масштабах всей страны. Во всех советских переписях населения и общесоюзных обследованиях категория брачного состояния учитывалась по самоопределению респондентов, брак учитывался независимо от наличия его регистрации, а сам факт регистрации не отмечался. Обычно по результатам переписей оказывалось, что число считающих себя замужними женщин заметно превосходило число назвавших себя женатыми мужчин, что само по себе указывает на существование значительного числа случаев, в которых статус отношений между мужчиной и женщиной был не вполне ясным и не формализованным.

Первая попытка отдельного учета зарегистрированных и незарегистрированных браков была предпринята в пробной переписи 1967 года, при подготовке переписи 1970 года. Опрос проводился в трех районах СССР с общей численностью 229 тыс. человек. По результатам опроса, живущими в незарегистрированном браке оказалось от 9 до 13% из общего числа опрошенного населения, состоящего в браке.

Второй раз оценка была произведена в Российской Федерации только четверть века спустя, в ходе микропереписи населения 1994 года. По ее данным, из общего числа живущих в браке в незарегистрированном браке состояло 6,5% мужчин и 6,6% женщин, хотя, возможно, действительное распространение незарегистрированных браков было большим, чем смогла уловить микроперепись. По данным проводившихся во второй половине 1990-х годов локальных исследований, их распространение было значительно большим (табл. 7.1).

Отход от традиционной модели брачности, зафиксированный официальной статистикой в 1990-е годы, говорит о том, что внебрачные сожительства стали приемлемой социальной нормой. Это подтверждается опросами общественного мнения. По данным опроса «Семья в зеркале общественного мнения», проведенного ВЦИОМ в 1989 году в 51 городе бывшего СССР и охватившего 3014 человек в возрасте старше 16 лет, 22,5% опрошенных считали брачное сожительство без официальной регистрации неприемлемым. При этом среди людей в возрасте 60 лет и старше такой ответ дали 47,3%, а в возрасте до 20 лет — только 13,8%. Этот опрос показал также, что к таким союзам терпимей относятся люди с более высоким уровнем образования. Спустя пять лет, по данным ВЦИОМ, незарегистрированные брачные союзы одобрили 66% мужчин и 51% женщин. При этом, респонденты более старших возрастов осуждали их чаще (63%), тогда как среди молодых людей в возрасте до 25 лет к ним относились с предубеждением только 18% (Bodrova 1996: 9).

Таблица 7.1. Доля женщин, состоящих в незарегистрированном браке, Россия, 1994–2000, % к общему числу состоящих в браке

	Возраст					
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44
Микроперепись 1994 года	12,9	6,7	5,8	5,4	5,4	5,5
Обследование РЗРЖ ¹ , 1996	50,9	22,2	14,3	10,1	7,8	7,9
Обследование РЗРЖ, 1999	58,8	30,1	16,7	11,1	9,7	7,8
Обследование общественного мнения о путях реформирования пенсионной системы, 2000	–	26,1	12,8	10,0	10,0	8,2

1

«Репродуктивное здоровье российских женщин» — обследование, проводившееся в 1996 и 1999 годах американским Центром по контролю и профилактике заболеваний (CDC, Атланта, США) и Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

Источники: Основные итоги 1994; Russia 1997: 16; Russia 2000: 16; данные проведенного С.В. Захаровым и Е.И. Ивановой обследования общественного мнения о путях реформирования пенсионной системы.

По данным обследования Е. Ивановой (1998), охватившего более 1700 человек в различных регионах России, отрицательно относились к незарегистрированному браку всего 8,3% молодых людей и девушек в возрасте до 20 лет. В старших возрастах негативное отношение встречалось значительно чаще: его выразили 24,4% женщин и 28,2% мужчин в возрасте 50–60 лет, для самой старшей группы респондентов доля таких ответов мало изменилась по сравнению с опросом 1989 года: 36,7% среди женщин и 44,8% среди мужчин.

Данные того же обследования показали, что незарегистрируемые союзы чаще встречаются среди тех, кто уже когда-либо состоял в браке: если в браках первой очередности доля незарегистрированных браков составляла 2,9% среди всех браков, то в браках второй и третьей очередности — 30,5 и 41,7% соответственно.

Данные микропереписи 1994 года подтвердили, что отказ от регистрации повторного брачного союза к этому времени уже давно стал распространенной нормой. Вариация по возрасту доли тех, кто свой повторный брак не регистрировал, невелика и составляет 26–30% для мужчин и женщин в возрастах от 30 до 70 лет (табл. 7.2).

Таблица 7.2. Доля состоящих в незарегистрированных браках среди всех состоящих в первом и повторном брачном союзе, Россия, 1994, %

Возраст	Мужчины			Женщины		
	Все браки	Первые браки	Повторные браки	Все браки	Первые браки	Повторные браки
16–17	36,4	36,4	0,0	30,1	29,9	0,0
18–19	15,1	14,9	75,0	11,5	11,1	59,6
20–24	7,7	7,2	35,6	6,7	5,4	41,2
25–29	6,2	4,7	30,2	5,9	3,4	32,0
30–34	6,3	3,8	29,1	5,8	2,6	27,3
35–39	6,3	3,3	27,2	6,1	2,3	25,9
40–44	6,6	3,1	27,4	6,4	2,2	26,4
45–49	6,4	2,8	25,8	6,7	2,2	27,4
50–54	7,5	3,4	28,5	7,0	2,3	29,0
55–59	6,9	2,9	28,6	7,0	2,3	29,9
60–64	6,3	2,6	29,4	6,7	2,6	30,9
65–69	5,8	2,3	26,5	7,1	3,0	30,9
70 лет и старше	5,6	2,3	20,0	7,9	3,7	25,0
16 лет и старше	6,5	3,5	27,4	6,6	3,0	8,3

Источник: Volkov 1999a: 91.

Правда, в молодом возрасте, когда интенсивность вступления в первый брак достигает максимума (20–24 года), доля тех, кто успел свой первый брак расторгнуть и вступить в повторный брак без соответствующей регистрации, составляет еще большую величину — 36% у мужчин и 41% у женщин. Не имея сопоставимых данных за более ранний период, нельзя сказать, является это чисто возрастным феноменом или за данными цифрами скрывается поколенческий сдвиг в сторону максимального расширения неформальных союзов при вступлении в брачные отношения с новым партнером.

О достаточно широкой распространенности незарегистрированных браков свидетельствует и изучение уровня окончательного безбрачия.

7.1.4 Уровень окончательного безбрачия

Низкая интенсивность регистрируемой брачности как в межвоенный период, так и в последние десятилетия XX века, особенно в 1990-е годы, заставляет предполагать, что значительное число россиян — как мужчин, так и женщин, живших в этом веке или, по крайней мере, принадлежавших к некоторым поколениям — вообще не вступили в брак на протяжении всей своей жизни. Однако анализ, основанный на данных переписей населения, во время которых люди оценивают свое брачное состояние независимо от того, отражено оно в официальной регистрации или нет, не подтверждает этого предположения.

В демографической литературе условно принято считать, что мерой окончательного безбрачия служит доля тех, кто не вступил в брак к 50 годам. Как показано в главе 4 (табл. 4.1), в России в конце XIX века эта доля была очень низкой, намного ниже, чем в большинстве стран Западной Европы. Тогда в этом не было ничего странного. Гораздо больше вопросов возникает в связи с тем, что доля мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке в возрасте 45–49 лет, в России на протяжении XX столетия менялась очень мало — на это указывают результаты всех переписей советского времени, которые содержат необходимую информацию о брачном состоянии (табл. 7.3).

Таблица 7.3. Доля мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке в возрасте 45–49 лет, Россия, 1926–1994, на 1000

	Мужчины	Женщины
1926	27	41
1979	19	40
1985	21	35
1989	37	35
1994	55	46

Источники: Население России за 100 лет 1998: 76–78; Население России 1996: 37; Население России 1997: 54.

Показатели окончательного безбрачия для когорт россиянок разных лет рождения по данным переписей показывают, что только поколения, пережившие войну и последующую деформацию брачного рынка, имели более высокий уровень безбрачия (Дарский, Ильина 2000: 23). По данным таблиц брачности за 1989–1993 годы, к возрасту 50 лет никогда не состояли в браке 4,1% россиянок — меньше, чем было в Европейской России в 1897 году (Там же, 25). Низкий уровень окончательного безбрачия для когорт россиянок разных лет рождения по данным переписей показывают, что только поколения, пережившие войну и последующую деформацию брачного рынка, имели более высокий уровень безбрачия (Дарский, Ильина 2000: 23). По данным таблиц брачности за 1989–1993 годы, к возрасту 50 лет никогда не состояли в браке 4,1% россиянок — меньше, чем было в Европейской России в 1897 году (Там же, 25). Низкий уровень окончательного безбрачия для когорт россиянок разных лет рождения по данным переписей показывают, что только поколения, пережившие войну и последующую деформацию брачного рынка, имели более высокий уровень безбрачия (Дарский, Ильина 2000: 23).

чательного безбрачия российских женщин подтверждают и оценки по пятилетним группам поколений, начиная с родившихся в первом десятилетии XX века (табл. 7.4).

Таблица 7.4. Уровень окончательного безбрачия, Россия, женщины 1900–1964 годов рождения, %

Год рождения	К возрасту 50 лет	К концу жизни
1900–1904	7,3	6,5
1905–1909	7,4	6,6
1910–1914	8,7	7,7
1915–1919	9,8	8,6
1920–1924	10,2	8,9
1925–1929	7,5	6,5
1930–1934	5,6	4,9
1935–1939	4,3	3,7
1940–1944	4,1	3,6*
1945–1949	4,5*	3,9*
1950–1954	4,8*	4,1*
1955–1959	5,0*	4,3*
1960–1964	5,4*	4,6*

* Предварительные оценки, основанные на экстраполяции трендов изменения возрастных вероятностей вступления в брак.

Источник: неопубликованные полные таблицы брачности, рассчитанные С. Захаровым на основе специальной разработки индивидуальных данных микропереписи 1994 года.

Таким образом, даже у поколений с самой тяжелой демографической судьбой, например у поколений, родившихся в годы Гражданской войны, переживших в детском или подростковом возрасте коллективизацию и голод и проходивших через возраста максимальной брачности во время Второй мировой войны, уровень окончательного безбрачия был не выше, а иногда и ниже, чем у их сверстников во вполне благополучных европейских странах. А у поколений, чья демографическая судьба сложилась относительно более благоприятно, несмотря на низкие показатели зарегистрированной брачности, доля тех, кто ни разу не вступил в брак к 50 годам, оказалась примерно такой же низкой, какой она была в России до революции. Это едва ли было бы возможно, если бы принимались во внимание только зарегистрированные браки.

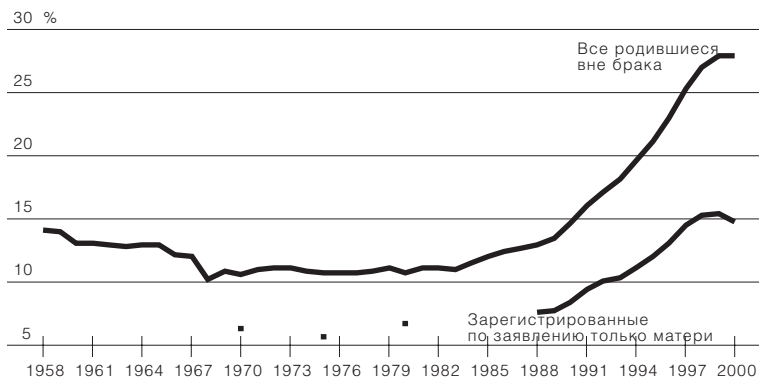
7.1.5

Внебрачная рождаемость

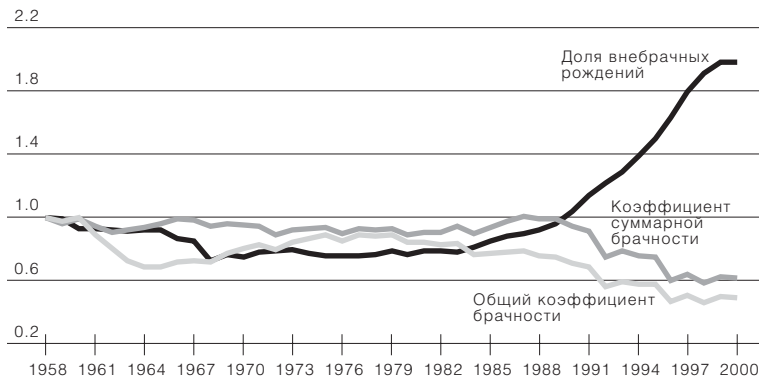
Еще один показатель распространенности в некоторые периоды XX века нерегистрируемых браков — уровень внебрачной рождаемости.

Высокая доля внебрачных рождений в периоды социальных катаклизмов и дезорганизации брачного рынка — не новость. По мере нормализации социальной обстановки и брачного рынка доля внебрачных рождений в общем числе рождений обычно сокращается. Так было, в частности, и в России после окончания Второй мировой войны. Доля внебрачных рождений с той поры уверенно снижалась, достигнув минимальных значений в конце 1960-х годов. После этого она стабильно держалась на низком уровне — чуть более 10% — до начала 1980-х годов, в этот период стабильными оставались и показатели брачности (рис. 7.5).

Рисунок 7.4. Доля внебрачных рождений в общем числе рождений, 1958–2000

Рисунок 7.5. Изменения доли внебрачных рождений, общего коэффициента брачности и коэффициента суммарной брачности женщин после 1958 года (1958=1)

Но затем начались быстрые одновременные изменения и тех и других показателей. Кривые регистрируемой брачности поползли вниз, а кривая доли внебрачных детей устремилась вверх.

В массовом сознании появление внебрачного ребенка связано с его рождением у матери-одиночки. Однако, рассматривая на рисунке 7.5 движение соответствующих кривых в противоположных направлениях, трудно отделаться от мысли, что они связаны между собой и что за ростом доли внебрачных детей стоит просто отказ от регистрации фактических браков.

Текущая статистика дает возможность отслеживать три совокупности родившихся: 1) зарегистрированные родителями, состоящими в юридически оформленном браке; 2) зарегистрированные по совместному заявлению родителей, формально не являющихся супругами, с включением тех детей, в отношении которых отцовство было установлено в судебном порядке; 3) зарегистрированные по заявлению только матери или по представлению служб родовспоможения, домов ребенка,

если матери отказались от ребенка сразу после рождения, а также «подкидыши» и прочие, в отношении которых материнство к моменту регистрации не установлено. Такой порядок был введен с 1969 года, после вступления в действие Основ брачно-семейного законодательства СССР, принятых в октябре 1968-го.

Подобная практика учета родившихся не позволяет с должным основанием судить о распространенности рождений в браке и вне брака. Но все же можно предположить, что регистрация новорожденного по совместному заявлению родителей свидетельствует о более или менее устойчивых связях между ними и что эти связи во многих случаях и представляют собой фактический брак. При таком подходе послвоенные тенденции распространенности внебрачных рождений не изменяются, но распространенность явления сокращается почти в два раза: в 70-х годах — до 6% (вместо 11%), в конце 80-х — до 7–8% (вместо 13–14%), в конце 90-х — до 15% (вместо 27–28%) от общего числа родившихся всех категорий (рис. 7.4). Столь существенное уменьшение показателя объясняется тем, что более 40% детей из числа рожденных вне зарегистрированного брака признаются своими отцами и этот показатель растет, приближаясь в последние годы минувшего столетия к 50%.

Так ли уж «одинок» все матери, производящие на свет внебрачных детей, как нередко считают?

Без соответствующей информации о взаимоотношениях между партнерами ответить на этот вопрос трудно, а такой информации у нас явно недостаточно. Но все же кое-какие сведения, позволяющие судить о тенденциях внебрачной рождаемости, в распоряжении исследователей есть.

Немаловажным представляется то обстоятельство, что доля рождений, зарегистрированных на основании совместного заявления родителей, интенсивно растет у городского населения (а это — три четверти населения России). С 1988 по 2001 год она увеличилась с 36,6% до 48,9%. В сельской же местности, напротив, за тот же период показатель снизился с 51,9% до 44,6%. Можно предположить, что если и имеется рост числа «матерей-одиночек» в традиционном понимании, то, скорее их следует искать в сельской местности, чем в городах.

Велико искушение связать ускорение роста внебрачной рождаемости в 1990-е годы с болезненными социально-экономическими преобразованиями. Каков, однако, механизм этой зависимости? Неужели городской «матери-одиночке» стало легче растить ребенка одной, чем совместно с отцом ребенка, в той или иной мере участвующим в его воспитании?

К тому же нельзя не видеть, что речь здесь вообще идет не о чисто российском или постсоветском феномене. Рост внебрачной рождаемости в последние десятилетия XX века — универсальная тенденция, обозначающаяся в большинстве промышленных, городских обществ в послевоенные десятилетия. К концу столетия в ряду экономически развитых стран Россия занимает срединное положение как по уровню показателей внебрачной рождаемости, так и по темпам их изменения. К примеру, в Японии внебрачная рождаемость вообще отсутствует как статистический феномен, в странах Южной Европы, в Бельгии или Германии она растет, но относительно медленно, тогда как в Северной Европе, напротив, доля внебрачных рождений резко увеличилась

и сегодня приближается к 50% или даже превышает половину всех родившихся (табл. 7.5).

Таблица 7.5. Доля рождений вне зарегистрированного брака в России и некоторых других развитых странах, 1960–2000, % к общему числу родившихся живыми

	1960	1970	1980	1990	2000
Россия	13,1	10,6	10,8	14,6	28,0
Белоруссия	6,9	7,3	6,4	8,5	18,6
Болгария	8,0	8,5	10,9	12,4	38,4
Германия	7,6	7,2	11,9	15,3	23,4
Греция	1,2	1,1	1,5	2,2	4,1
Ирландия	1,6	2,7	5,0	14,4	31,8
Испания	2,3	1,4	3,9	9,6	17,0
Италия	2,4	2,2	4,3	6,5	9,6
Латвия	11,9	11,4	12,5	16,9	40,3
США	5,3	10,7	18,4	26,6	33,2
Финляндия	4,0	5,8	13,1	25,2	39,2
Франция	6,1	6,8	11,4	30,1	42,6
Швеция	11,3	18,8	39,7	47,0	55,3
Эстония	13,7	14,1	18,3	27,1	54,5

Источники: Recent Demographic Development 2002: 66; Statistiques sociale 2002: 91; Preston 1986: 36; Statistical Abstract 2002: 63.

Нельзя пройти и мимо возрастных особенностей внебрачной рождаемости. Еще не так давно рождение внебрачного ребенка было характерно для очень молодых матерей (до 20 лет) и для матерей старше 30 лет. Объяснения этому просты: для первых это зачастую — результат случайных связей и контрацептивных неудач; для более зрелых женщин — это серьезный осознанный поступок иметь ребенка «для себя». Именно эти, крайние возрастные группы обеспечивали увеличение внебрачной рождаемости в 1980-х годах. В возрастах максимальной брачности (20–35 лет) рождение ребенка вне брака было достаточно редким событием. В случае наступления незапланированной добрачной и внебрачной беременности, «позор» прикрывался скоропалительным браком. К концу века можно было утверждать, что внебрачная рождаемость характерна для всех возрастов в равной степени — доля рождений вне зарегистрированного брака интенсивнее всего росла в возрастах максимальной брачности, достигая в возрастах от 20 до 35 лет 25–27%, — выше, чем у женщин старше 35 лет в 1980-е годы.

Увеличение доли внебрачных рождений у самых молодых матерей (до 20 лет) с 20,2% в 1990 году до 41% в 2000 году не сопровождалось ростом числа аборт. Напротив, эти показатели менялись в прямо противоположных направлениях, интенсивность искусственных абортов в указанной возрастной группе упала в два раза. Косвенно это свидетельствует о том, что число незапланированных, добрачных беременностей от случайных связей существенным образом не увеличилось, хотя имеются социологические данные, показывающие, что сексуальная активность у подростков за последнее десятилетие минувшего века выросла.

По-видимому, речь идет все же не о каких-то конъюнктурных подвижках, а о более общих, очень серьезных и пока плохо понятых изменениях в организации семейной жизни людей. Дополнить статистические данные и понять механизм процесса формирования внебрачной рождаемости позволяют результаты качественных социоло-

гических исследований. Так, А. Михеева на основании материалов опроса 50 одиноких матерей выделила четыре типичных ситуации, приводящих к рождению ребенка вне брака: «распавшиеся сожительство», «ребенок для себя», «сохранившиеся сожительства», «непредвиденные ситуации». Показательно, что четких возрастных различий в указанных группах не прослеживается. В частности, намерение иметь «ребенка для себя» высказывали молодые женщины в возрасте до 25 лет, а в четвертую группу вошли матери старше 45 лет (Иванова, Михеева 1998).

В России, как и везде, на уровне массового сознания происходит смена отношения к официальному зарегистрированному браку как обязательной, едва ли не единственной форме совместной жизни, непосредственно вытекающей из так или иначе сложившихся отношений между сексуальными партнерами. Незапланированная или случайная беременность уже не является должным основанием для немедленной регистрации брака, партнерство до брака может и не нести черты подготовки к нему, фактически сложившиеся брачные отношения совсем не обязательно должны закрепляться регистрацией в ЗАГСе и т.п. Снижение показателей брачности, особенно между очень молодыми партнерами, произошедшее в России за последние 10–15 лет XX века, это подтверждает. Двукратный рост доли внебрачных рождений в возрастной группе женщин до 20 лет за 1990-е годы, скорее всего, говорит лишь о снижении распространенности браков «вдогонку», стимулированных случайной беременностью. Если происходит повышение распространенности фактических браков без регистрации в возрастной группе 20–30 лет, то не удивительно, что растет и внебрачная рождаемость.

7.2

Возраст вступления в первый брак

7.2.1

Устойчивость российской возрастной модели брачности

Можно было ожидать, что огромные перемены, переживаемые российской семьей в XX веке, приведут и к изменению традиционной возрастной модели брачности (см. главу 4), к отходу от нее и сближению с европейской моделью, в частности к повышению среднего возраста вступления в первый брак и более широкому распространению окончательного безбрачия.

Действительно, в России в 1930–1950-х годах наблюдалось повышение возраста вступления в брак, а поколения женщин 1910–1930 годов рождения характеризовались повышенной, по сравнению с предшествующими поколениями, долей никогда не состоявших в браке к концу жизни (табл. 7.6). Однако отступление от традиционной возрастной модели брачности и сближение российских характеристик брачности с наблюдаемыми в западных странах оказалось временным и, видимо, было обусловлено не столько эволюционными процессами, сопровождавшими общую модернизацию российского общества, сколько конкретной социально-демографической конъюнктурой, характерной для России первой половины XX века. Судить об этом позволяет анализ таблиц брачности.

Таблицы брачности — наиболее совершенный инструмент анализа возрастных закономерностей вступления в брак. К сожалению, такие

таблицы в нашей стране строились и публиковались редко² и относились к населению территорий, не сопоставимых между собой в долговременной ретроспективе. В аналитических целях Россия в границах современной Российской Федерации, как правило, отдельно не выделялась, что объясняется повышенным интересом в советское время к СССР как единому государству, нехваткой требуемой информации, ограниченным объемом выборочных совокупностей при обследованиях и подчиненным характером изучения брачности в первую очередь как фактора рождаемости, в связи с чем критерий для группировки территорий в ряде случаев задавался уровнем рождаемости, а не административным делением СССР. Строго говоря, для нынешней территории Российской Федерации мы до сегодняшнего дня располагаем всего одной опубликованной полной таблицей брачности для условного поколения за 1989–1993 годы, построенной Л. Дарским и И. Ильиной на основе данных микропереписи населения 1994 года (Дарский, Ильина 2000: 50–55) и краткими таблицами за 1988–1989 и 1993–1994 годы, построенными А. Синельниковым (Борисов, Синельников 1995: 28–35). Все остальные известные нам таблицы брачности относятся к Европейской части Российской империи (включая Прибалтику), к СССР в целом, к РСФСР, Украине и Белоруссии вместе взятым, или к еще более сложным территориальным группировкам, как при построении известных таблиц брачности за 1949–1959 годы, когда Российская Федерация оказалась разорванной на две части: РСФСР без автономных республик была объединена в одну группу с Белоруссией, Молдавией, Литвой и Грузией, а Татарстан, Башкирия, Чечено-Ингушетия рассматривались вместе со Среднеазиатскими республиками, Азербайджаном и Арменией (Дарский 1972: 62).

Основные показатели из опубликованных ранее таблиц вступления в первый брак для условных поколений женщин, позволяющих проследить изменение модели брачности в России за 100 лет, приведены в таблицах 7.6–7.8.

Вывод, который следует из анализа приведенных данных (см. также рис. 7.6), — удивителен: за 100–150 лет никаких видимых изменений в возрастной модели вступления в первый брак для женщин *не произошло*. В начале 1990-х годов, как и сто лет назад, более 30% девушек вступало в брак в возрасте до 20 лет, более 80% к 25 годам хотя бы один раз выходили замуж. Половина всех девушек вступала в первый брак к возрасту 21 год, а наиболее часто встречающийся возраст замужества в соответствии с таблицей брачности за 1989–1993 годы составлял 19 лет, т.е. соответствовал наиболее распространенному возрасту невесты на территориях преимущественного проживания православного населения во второй половине XIX века (по таблице брачности для населения Европейской России за 1897 год, включавшей, как уже говорилось, территории с западноевропейским типом брачности, модалный возраст первого брака был равен 20 годам). График на рисунке 7.6 демонстрирует, насколько мало изменилась возрастная функция вступления в первый брак для женщины в течение XX века. Таким образом, в России социальная норма

2

Прежде всего — из-за нехватки требуемых данных. Основой для построения таблиц служат переписи и крупномасштабные выборочные обследования населения, в которых задается вопрос о состоянии когда-либо в браке и возрасте (календарном годе) вступления в первый брак. Для построения таблиц брачности нередко привлекаются данные текущего учета о браках, заключенных в годы примыкающие к годам переписи населения или обследования (для построения таблиц брачности условных поколений) или в динамике за много лет (в случае таблиц для реальных поколений). К сожалению, переписи 1937, 1939, 1959, 1970 годов не содержали развернутой формулировки вопроса о брачном состоянии, что не давало возможности выделить лиц, никогда не состоявших в браке, среди всех лиц, не состоящих в браке к моменту опроса. Данные текущего учета браков по возрасту и предыдущему брачному состоянию в Российской Федерации и СССР в целом в 1920–1930-х годах централизованно не разрабатывались статистическими органами, и попытки исследователей их проанализировать нигде, кроме как на Украине, нам не известны.

выходить замуж в 18–22 лет устояла на протяжении жизни нескольких поколений, несмотря на гигантские политические и социально-экономические изменения, произошедшие за это время в российском обществе.

Таблица 7.6. Некоторые показатели таблиц вступления в первый брак для условных поколений женщин, различные годы

Годы, авторы	Территория	Тип таблицы*	Накопленная доля (%) вступивших в первый брак к возрасту				Доля (%) никогда не состоявших в браке к возрасту 50 лет
			20 лет	25 лет	30 лет	35 лет	
1897, М. Тольц	Европейская часть Империи	Ч	32,7	81,5	92,7	94,7	4,9
		К	34,7	82,7	93,5	95,4	3,6
1925–1928, Ю. Корчак-Чепурковский	Украина**	Ч	33,6	82,4	93,7	96,1	2,6
		К	35,3	83,6	94,4	96,7	1,8
1949–1959, Л. Дарский	СССР	Ч	32,1	72,6	87,1	90,4	8,0
		К	32,4	72,9	87,3	90,6	7,4
1965–1968, Л. Дарский, И. Ильина	Россия, Украина, Белоруссия	Ч	32,1	83,1	94,0	96,6	2,2
		К	32,1	83,1	94,0	96,6	2,2
1975–1978, Л. Дарский, И. Ильина	Россия, Украина, Белоруссия	Ч	35,3	82,9	82,8	95,5	2,6
		К	35,3	82,9	82,8	95,5	2,6
1980–1984, Л. Дарский, И. Ильина	Россия, Украина, Белоруссия	Ч	27,6	79,2	90,9	94,3	3,1
		К	27,6	79,2	90,9	94,3	3,1
1989–1993, Л. Дарский, И. Ильина	Россия, русские	Ч	28,2	79,6	91,1	94,3	3,2
		К	28,2	79,6	91,1	94,3	3,2
	Россия	Ч	38,5	80,2	90,2	93,6	4,1
		К	38,5	80,2	90,2	93,6	4,1
	Россия, русские	Ч	39,1	80,4	90,2	93,5	4,1
		К	39,1	80,4	90,2	93,5	4,1

* Ч – «чистая» («обособленная») таблица брачности, построенная в предположении, что все женщины, достигшие бракоспособного возраста (15 лет), доживут до 50 лет; К – «комбинированная» таблица брачности, характеризующая брачность женщин с учетом их дожития до указанных

возрастов. В силу низкой смертности женщин в основных бракоспособных возрастах, установившейся со второй половины 1960-х годов, разница между показателями комбинированных и чистых таблиц брачности становится ничтожной, и расчет комбинированных таблиц теряет смысл.

** За 1920-е годы имеется таблица брачности только для Украины, поскольку тогда была налажена централизованная разработка регистрируемых браков по предыдущему брачному состоянию и возрасту вступающих в брак.

Источники: Тольц 1977: 142; Корчак-Чепурковский 1970: 128; Дарский 1972: 58; Дарский, Ильина 1990: 19–21; Дарский, Ильина 2000: 51, 57, 79, 117.

Таблица 7.7. Распределение вступивших в первый брак женщин по возрасту в соответствии с таблицами брачности для условных поколений, различные годы

	Территория	Тип таблицы*	Доля (%) вступивших в первый брак в возрасте				
			до 20	20–24	25–29	30–34	35 и старше
1897	Европейская часть Империи	Ч	34,4	51,3	11,8	2,0	0,5
		К	35,9	49,8	11,2	2,0	1,1
1925–1928	Украина	Ч	34,5	50,1	11,6	2,5	1,3
		К	35,9	49,2	11,1	2,3	1,5
1949–1959	СССР	Ч	34,8	44,1	15,7	3,6	1,8
		К	35,0	43,8	15,6	3,5	2,1
1965–1968	Россия, Украина, Белоруссия	Ч	32,8	52,1	11,1	2,8	1,2
1975–1978	Россия, Украина, Белоруссия	Ч	36,2	48,9	10,2	2,8	1,9
1980–1984	Россия, Украина, Белоруссия	Ч	28,5	53,2	12,2	3,5	2,6
		К	29,1	53,1	11,9	3,4	2,5
1989–1993	Россия, русские	Ч	40,2	43,4	10,5	3,5	2,4
		К	40,8	43,1	10,2	3,4	2,5

* См. примечание к таблице 7.6.

Рассчитано по: Тольц 1977: 142; Корчак-Чепурковский 1970: 128; Дарский 1972: 58; Дарский, Ильина 1990: 19–21; Дарский, Ильина 2000: 51, 57, 79, 117.

Таблица 7.8. Характеристики среднего возраста вступления в первый брак по таблицам брачности для условных поколений женщин за различные годы

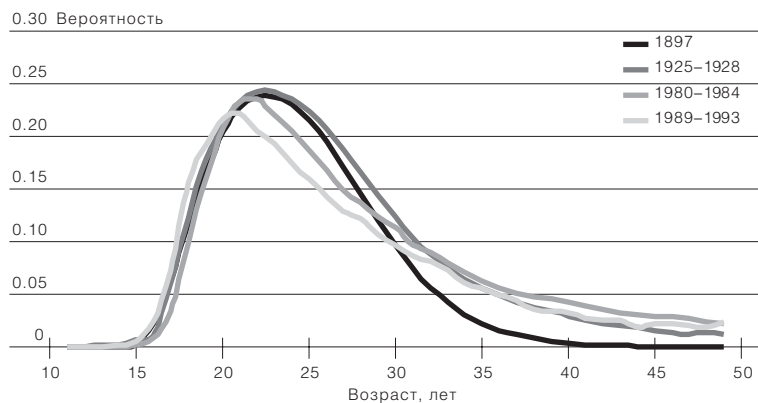
	Территория	Тип таблицы*	Средний возраст для вступивших в брак до 50 лет	Средний возраст для вступивших в брак до 30 лет	Медианный возраст	Модальный возраст
1897	Европейская часть Империи	Ч	21,7	21,4	21,3	20
1925–1928	Украина	Ч	21,9	21,4	21,2	19
		К	21,8	21,3	21,1	19
1949–1959	СССР	Ч	22,3	21,6	21,8	19
		К	22,3	21,6	21,8	19
1965–1968	Россия, Украина, Белоруссия	Ч	21,9	...**	21,1	20
1975–1978	Россия, Украина, Белоруссия	Ч	21,9	...**	20,9	20
		К	21,9	...**	20,9	20
1980–1984	Россия, Украина, Белоруссия	Ч	22,5	21,7	21,5	20
		К	22,5	21,7	21,5	20
1989–1993	Россия, русские	Ч	22,5	21,6	21,4	20
		К	21,9	21,0	20,9	19
	Россия, русские	Ч	21,9	21,0	20,8	19

* См. примечание к таблице 7.6.

** Расчет показателя невозможен, поскольку таблицы брачности опубликованы авторами не полностью.

Рассчитано по: Гольц 1977: 142; Корчак-Чепурковский 1970: 128; Дарский 1972: 58; Дарский, Ильина 1990: 19–21; Дарский, Ильина 2000: 51, 57, 79, 117.

Рисунок 7.6. Возрастные вероятности вступления в первый брак для женщин в соответствии с таблицами брачности для условных поколений, 1897 (Европейская Россия), 1925–1928 (Украина), 1980–1984 (Россия, Украина, Белоруссия), 1989–1993 (Россия)

7.2.2

Возрастная модель брачности на фоне социальных катаклизмов

Нетрудно заметить, что все упоминавшиеся таблицы брачности построены для относительно спокойных лет. Однако в российской истории минувшего века не раз бывали периоды, которые никак нельзя назвать спокойными, и тогда процесс вступления в брак испытывал

сильные возмущения, а «нормальная» возрастная модель брачности деформировалась.

Для того чтобы понять, как социальные катаклизмы сказались на среднем возрасте вступления в брак и распространенности окончательного безбрачия, таблиц брачности для условных поколений, о которых шла речь до сих пор, недостаточно. Требуется анализ возрастных характеристик вступления в брак на основе таблиц брачности для реальных поколений, прошедших через все периоды истории XX века. Для всего населения СССР такой анализ, позволивший изучить влияние на возрастную модель брачности Второй мировой войны, был выполнен И. Ильиной. Опираясь на материалы выборочного обследования доходов и жилищных условий рабочих и служащих в СССР, проведенного ЦСУ СССР в 1967 году, она построила таблицы вступления в первый брак для женщин 1913–1947 годов рождения (Ильина 1976а: 121–141; Ильина 1977: 58–61)³.

3

Важнейшие характеристики брачности тех же поколений в разрезе национальностей, в том числе русских, см.: Ильина 1976б; Бондарская, Ильина 1979.

Главные выводы из исследования И. Ильиной были следующими: а) женские поколения, которые входили в 20-летний возраст в годы Отечественной войны, демонстрировали откладывание браков и соответствующее увеличение среднего возраста вступления в первый брак.

В частности, медианный возраст, т.е. возраст, к которому вступает в брак половина женщин какого-либо поколения, увеличился более чем на год (с 22 лет в когорте 1913–1917 годов до 23,1 года в когорте 1923–1927 годов рождения); б) на возрастных кривых вероятностей вступления в первый брак для поколений 1913–1922 годов рождения отчетливо прослеживаются две волны повышенной брачности, провал между которыми приходится на те возраста, в которых эти когорты пережили войну; в) вероятность вступления в первый брак в период войны понизилась во всех возрастах, но степень деформации кривых возрастных вероятностей вступления в брак и величина повышения среднего возраста невесты у реальных поколений зависели от того, в каком возрасте в период войны находились женщины того или иного поколения.

Влияние войны на брачность и брачную структуру ослабевало постепенно, по мере сглаживания и исчезновения половых диспропорций. Период нормализации брачности длился до конца 1970-х годов

Рисунок 7.7. Изменение соотношения полов в некоторых возрастах, Россия, 1895–2000

(Воспроизводство 1983: 205; Дарский, Ильина 1990: 14–15; Синельников 1989: 21–28), о чем, в частности, свидетельствовали таблицы брачности для реальных поколений женщин в СССР, построенные на основе выборочного обследования ЦСУ СССР 1978 года (Воспроизводство 1983: 205–207). Как будет показано ниже, все выводы, сделанные из анализа тенденций брачности для всего населения СССР, оказываются справедливыми и для реальных поколений российских женщин.

Вплоть до недавнего времени мы не располагали данными о динамике брачности по реальным поколениям применительно к женщинам, собственно Российской Федерации. Имеются свидетельства, что таблицы брачности для РСФСР все же строились на основе выборочных обследований, например уже упоминавшегося обследования 1967 года (Ильина 1976а: 130–132) или 5%-го обследования (микрорепериси) населения СССР 1985 года (Дарский, Ильина 2000: 24). Выдержки из таблиц, построенных по материалам микрорепериси 1985 года, касающиеся доли женщин и мужчин 1915–1964 годов рождения, вступивших в первый брак к некоторым возрастам, приводились в печати (табл. 7.9).

Таблица 7.9. Доля мужчин и женщин 1915–1964 годов рождения, вступивших в первый брак к возрасту 20, 23, 25 и 30 лет, Россия, %

Годы рождения	Доля вступивших в 1-й брак к возрасту:							
	Мужчины				Женщины			
	20 лет	23 года	25 лет	30 лет	20 лет	23 года	25 лет	30 лет
1915–1919	7,7	22,1	31,0	68,4	28,6	56,4	64,0	77,5
1920–1924	4,0	18,0	41,1	82,3	15,2	35,4	53,1	73,1
1925–1929	5,9	24,2	48,6	85,5	12,9	43,0	60,0	81,7
1930–1934	7,1	26,0	53,5	86,4	16,2	47,9	66,2	85,5
1935–1939	6,5	33,1	59,4	85,9	21,0	56,8	72,8	88,5
1940–1944	7,7	28,9	54,0	84,3	26,9	61,6	76,0	89,7
1945–1949	6,3	39,7	64,2	85,2	27,8	64,6	77,9	89,5
1950–1954	7,1	47,1	67,7	86,7	30,0	67,2	79,1	90,0
1955–1959	6,8	48,9	69,2		31,9	68,3	79,6	
1960–1964	7,5				33,1			

Источник: Дарский 1994: 34.

Однако сами таблицы никогда не публиковались. Восполнить этот пробел удалось только после проведения микрорепериси населения 1994 года, переписной лист которой содержал все необходимые вопросы (год вступления в первый брак, развернутая формулировка вопроса о брачном состоянии).

Выполнив специальную разработку индивидуальных данных микрорепериси⁴, С. Щербов и Х. Ван Виайнен проследили брачную и репродуктивную судьбу поколений российских женщин 1910–1934 годов рождения (Scherbov, van Vianen 1999: 129–143). В настоящем исследовании индивидуальные данные микрорепериси 1994 года были использованы для построения полных (по однолетним возрастным группам) таблиц вступления в первый брак для всех однолетних когорт женщин 1900–1974 годов рождения (см. табл. 7.10–7.12⁵). В этих таблицах использованы данные о фактическом, а не зарегистрированном в органах ЗАГС брачном состоянии и, соответственно фактическом, а не официально зарегистрированном начале брачных

4 Утвержденная Госкомстатом России программа разработки данных не предполагала построения никаких демографических таблиц (брачности, прекращения брака, овдовения и т.п.), как, впрочем, и вообще использование индивидуальных данных (персональных записей) в научно-аналитических целях.

5 Таблицы были построены при участии Е. Сороко, который выполнил специальную процедуру компьютерной выборки необходимых данных из всего массива индивидуальных записей микрорепериси 1994 года.

Определения брачных состояний и правила для фиксации времени вступления и прекращения первого брака в соответствии с программой микропереписи 1994 года (Состояние 1995: 3–4).

Некоторое различие в методике построения этих таблиц заключалось в том, что исходная численность женщин, никогда не состоявших в браке, в расчетах Е. Ивановой бралась из данных переписей населения 1979 и 1989 годов, а не из ежегодных оценок численности 15-летних девушек, как в расчетах А. Волкова.

В рамках микропереписи 1994 года опрос не проводился в отношении так называемого «институционального» населения (лиц, проходящих срочную военную службу, находящихся в местах заключения, проживающих в домах престарелых и инвалидов и т.п.), а также в Чечне и в закрытых административно-территориальных образованиях (Volkov 1999: 18–19; Борисов, Синельников 1995: 22–23). Кроме того, население отдаленных и труднодоступных районов страны, а также высокоподвижные и маргинальные социальные группы (в частности, лица без определенного места жительства), были в меньшей степени охвачены этим обследованием по сравнению с традиционной переписью населения.

отношений⁶. В этом смысле они не вполне сопоставимы с таблицами брачности для поколений женщин и мужчин СССР 1942–1952 годов рождения, построенными А. Волковым (1986: 116–128, 261–263), и таблицами Е. Ивановой для российских женщин 1951–1977 годов рождения (Население России 1997: 61–63)⁷, ибо и те и другие опираются на данные текущего учета *зарегистрированных* браков.

При истолковании полученных результатов нужно иметь в виду особенности метода изучения брачности, опирающегося на одно выборочное обследование, даже такое масштабное, как микроперепись всего населения России. Оно дает ретроспективные сведения о вступлении в брак лишь тех лиц, которые дожили до момента обследования и имели шанс попасть в выборочную совокупность опрошенных. Чем старше поколения, тем большая часть женщин с их индивидуальной брачной судьбой не попадает под наблюдение, а поколения, родившиеся в первых десятилетиях XX века, прошли через периоды повышенного риска преждевременной смерти. Кроме того, чем старше поколение, тем менее надежны данные из-за неточности ответов о слишком удаленном, полузабытом прошлом.

Комбинированные таблицы брачности для реальных поколений, учитывающие вероятность дожития до того или иного возраста, при исключительно «переписном» характере исходных данных получены быть не могут. Также не ясен вопрос, в какой мере могут сказаться на показателях брачности особенности построения конкретной выборки для микропереписи населения 1994 года. Известно, что микроперепись имела некоторые систематические смещения выборки относительно генеральной совокупности — всего населения России⁸.

Таблица 7.10. Доля женщин, вступивших в первый брак к возрасту 20, 25, 30 и 35 лет, в поколениях 1900–1974 годов рождения, Россия, %

Год рождения	Доля вступивших в первый брак к возрасту			
	20 лет	25 лет	30 лет	35 лет
1900–1904	33,7	71,5	84,0	89,1
1905–1909	33,4	72,2	84,9	89,6
1910–1914	30,4	70,7	83,4	87,8
1915–1919	30,1	65,8	79,5	86,3
1920–1924	16,0	54,3	78,0	85,2
1925–1929	14,5	61,0	82,2	88,4
1930–1934	17,8	66,8	85,6	90,9
1935–1939	22,3	72,7	88,2	92,7
1940–1944	28,1	75,1	89,2	93,2
1945–1949	27,6	77,1	89,4	92,9
1950–1954	31,6	78,9	89,7	93,3
1955–1959	34,0	79,5	90,2	93,7
1960–1964	34,9	79,9	90,9	93,3*
1965–1969	36,5	80,9	88,9*	
1970–1974	40,8	73,5*		

* Предварительные оценки, основанные на экстраполяции трендов изменения возрастных вероятностей вступления в брак.

Источник: неопубликованные полные таблицы брачности, рассчитанные С. Захаровым на основе специальной разработки индивидуальных данных микропереписи 1994 года.

Таблица 7.11. Возрастное распределение вступивших когда-либо в первый брак женщины по таблицам брачности для реальных поколений, Россия, женщины 1900–1964 годов рождения, %

Год рождения	Доля вступивших в первый брак в возрасте					
	До 20	20–24	25–29	30–34	35–39	40 и старше
1900–1904	36,0	40,5	13,4	5,4	2,4	2,3
1905–1909	35,8	41,5	13,6	5,0	2,0	2,1
1910–1914	32,9	43,7	13,7	4,8	2,5	2,4
1915–1919	33,0	39,0	14,9	7,4	2,6	3,1
1920–1924	17,6	42,0	26,0	7,9	2,9	3,6
1925–1929	15,5	49,8	22,6	6,6	2,5	3,0
1930–1934	18,7	51,6	19,7	5,5	2,2	2,3
1935–1939	23,2	52,5	16,1	4,7	1,7	1,8
1940–1944	29,3	48,9	14,7	4,1	1,5	1,5
1945–1949	29,0	51,9	12,8	3,8	1,5	1,0
1950–1954	33,2	49,7	11,4	3,7	1,5	0,5
1955–1959*	35,8	47,9	11,3	3,7	0,8	0,5
1960–1964*	37,0	47,5	11,7	2,4	0,8	0,6

* Предварительные оценки, основанные на экстраполяции трендов изменения возрастных вероятностей вступления в брак.

Источник: неопубликованные полные таблицы брачности, рассчитанные С. Захаровым на основе специальной разработки индивидуальных данных микропереписи 1994 года.

Таблица 7.12. Характеристики среднего возраста вступления в первый брак по таблицам брачности для реальных поколений, Россия, женщины 1900–1974 годов рождения

Год рождения	Годы достижения 20-летнего возраста	Средний возраст для вступивших в брак до 50 лет	Средний возраст для вступивших в брак до 30 лет	Медианный возраст	Модальный возраст
1900–1904	1920–1924	22,6	21,2	21,6	20
1905–1909	1925–1929	22,4	21,3	21,4	20
1910–1914	1930–1934	22,7	21,5	22,0	20
1915–1919	1935–1939	23,1	21,5	21,9	20
1920–1924	1940–1944	24,7	23,1	24,5	23
1925–1929	1945–1949	24,3	22,9	23,6	21
1930–1934	1950–1954	23,8	22,6	23,1	21
1935–1939	1955–1959	23,2	22,1	22,3	20
1940–1944	1960–1964	22,7	21,7	21,9	20
1945–1949	1965–1969	22,5	21,7	21,8	20
1950–1954	1970–1974	22,1	21,4	21,4	20
1955–1959	1975–1979	21,9	21,3	21,2	19
1960–1964	1980–1984	21,8*	21,2	21,1	19
1965–1969	1985–1989		21,0	21,0	19
1970–1974	1990–1994			20,9	19

* Предварительные оценки, основанные на экстраполяции трендов изменения возрастных вероятностей вступления в брак.

Источник: неопубликованные полные таблицы брачности, рассчитанные С. Захаровым на основе специальной разработки индивидуальных данных микропереписи 1994 года.

Анализ показателей таблиц брачности для реальных поколений, охватывающих историю брачности за весь период советской истории, подтверждает главный вывод, сделанный при рассмотрении показателей для условных поколений: Россия в XX веке сохранила традиции ранней и всеобщей брачности. Доля окончательного безбрачия находилась в пределах 4–9%. Концентрация браков в возрастах до 25 лет у женщин оставалась очень высокой (70–80% всех женщин вступали в первый брак к этому

9
Доля никогда не состоявших в браке, полученная на основе таблиц брачности, для целого ряда поколений существенно выше оценок, которые дают переписи населения (ср. табл. 7.4 и 7.6). Причины такого расхождения не совсем ясны. Возможно, оно связано с различием понимания понятия «брак». Программа опроса

в микропереписи содержала детализацию вопросов о первом браке, не применявшуюся ранее во всеобщих переписях (год вступления в брак, год регистрации брака, если он был заключен в органах ЗАГС, причины прекращения брака: овдовение, развод и т.п.), что могло привести к более жестким критериям, которые опрошенные применяли к тому, что следует понимать под «браком», а что относить к категории временного сожительства.

возрасту), причем наибольшей интенсивностью вступления в брак отличались 18–22-летние женщины. К 35 годам доля женщин, когда-либо состоявших в браке, достигала 90% и выше.

С другой стороны, на характеристиках брачности поколений российских женщин, родившихся в первой трети XX века, в той или иной степени отразилось воздействие всех исторических катаклизмов минувшего столетия.

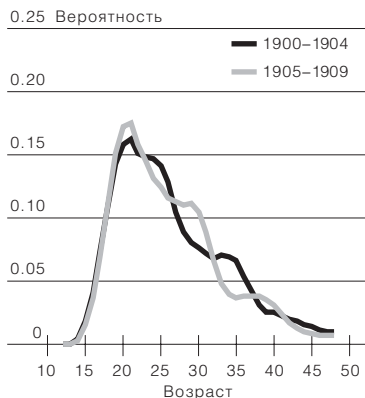
В меньшей степени испытала деструктивное воздействие исторических событий брачность женщин, родившихся в самом начале XX века. Первая половина

1920-х годов, когда эти поколения проходили через возраст максимальной брачности, была периодом нормализации жизни крестьянского большинства населения страны. Трудности и лишения, испытанные позднее, в период коллективизации, голода и форсированной индустриализации, оставили гораздо более глубокие следы на возрастных кривых брачности. На кривых вероятностей вступления в брак для поколений 1900–1904 и 1905–1909 годов рождения видны три асинхронные волны, указывающие на то, в каком возрасте эти поколения встретили Гражданскую войну, «великий перелом» и последовавший за ним голод, а затем и Вторую мировую войну — во всех трех случаях происходило более резкое понижение вероятности вступления в брак у этих поколений, нарушавшее плавность кривой (рис. 7.8).

Если считать, что таблица брачности для условного поколения за 1897 год характеризует «нормальную» (не затронутую социальными потрясениями) брачность поколений, родившихся во второй половине XIX века, то можно приблизительно оценить влияние трудностей периода «построения социализма» и войны: для женских поколений 1900–1909 годов рождения оно выразилось в увеличении среднего возраста вступления в первый брак максимум на один год и в росте окончательного безбрачия на 3–4 процентных пункта.

Похожие, но более резкие колебания возрастных вероятностей вступления в брак наблюдаются для поколений 1910–1914 и 1915–1919 годов рождения (рис. 7.9). Первые были затронуты как голодом и коллективизацией, так и Второй мировой войной, которую они встретили в возрастах около 30 лет. Вторые были меньше задеты событиями конца 20-х — начала 30-х годов, когда они еще не достигли возраста интенсивной брачности, но зато позднее, во время войны, они принадлежали к возрастам (от 25 до 30 лет), мужская часть которых была в наибольшей степени задействована в армии, и количество их потенциальных брачных партнеров резко уменьшилось. Все эти особенности биографии поколений, родившихся во втором десятилетии века, отражены в провалах кривых интенсивности вступления в брак. После-

Рисунок 7.8. Возрастные вероятности вступить в первый брак для женщин 1900–1904 и 1905–1909 годов рождения, Россия (трехлетняя скользящая средняя)

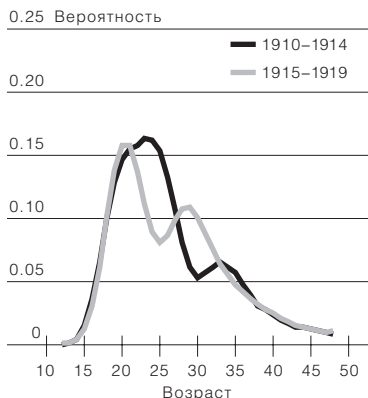
Источник: графики на рис. 7.8–7.16 составлены по данным неопубликованных полных таблиц брачности, рассчитанных С. Захаровым на основе специальной разработки индивидуальных данных микропереписи 1994 года.

военное компенсационное увеличение вероятностей вступления в брак в более позднем возрасте привело к появлению ярко выраженной «двугорбости» возрастной кривой брачности (один «горб» описывает ситуацию до войны, а второй — после войны). В результате нарушений ритма процесса вступления в брак средний возраст невесты для этой группы поколений еще увеличился примерно на 0,5 года, а доля окончательного безбрачия — на 2 процентных пункта.

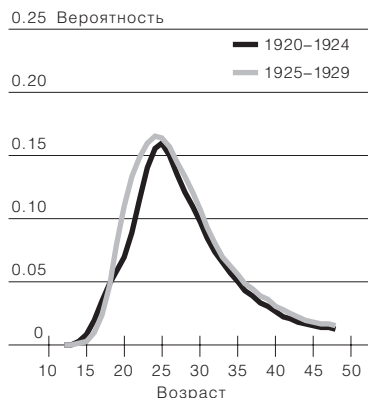
Особенно сильно пострадали от невзгод войны поколения женщин 1920–1929 годов рождения, молодость которых пришлось на годы Второй мировой войны и послевоенное десятилетие, когда сильнее всего ощущалась диспропорция полов (см. рис. 7.10). Эти поколения продемонстрировали пониженную брачность в молодом возрасте и, соответственно, резкое увеличение среднего возраста вступления в брак. Откладывание браков привело к тому, что лишь к возрасту 24–25 лет половина женщин этих поколений смогла выйти замуж (у предшествующих поколений медианный возраст вступления в первый брак был на три года ниже — 21,5–22 года). Возраст, когда наибольшее число представительниц поколений 1920–1924 годов рождения вступило в брак, составил 23 года против 20 лет у их предшественниц. Доля окончательного безбрачия для этих поколений достигает, по-видимому, исторического максимума для России — 9–10% (переписи населения 1979 и 1989 годов дают более низкую оценку для этих поколений — 6,5–7%). Впрочем, даже максимальный российский уровень безбрачия, достигнутый данными поколениями, не может считаться высоким в сравнении с другими странами. К примеру, для Франции 8–10% никогда не бывших замужем женщин к 50 годам — это нормальный уровень безбрачия для поколений, родившихся в первой четверти XX века (Анри 1975: 82–83).

А. Авдеев так комментирует этот факт: «Столь невысокий уровень окончательного безбрачия при значительной диспропорции полов можно объяснить только так называемой последовательной полигамией, когда один и тот же мужчина поочередно вступает в брак

Рисунок 7.9. Возрастные вероятности вступить в первый брак для женщин 1910–1914 и 1915–1919 годов рождения, Россия (трехлетняя скользящая средняя)

Рисунок 7.10. Возрастные вероятности вступить в первый брак для женщин 1920–1924 и 1925–1929 годов рождения, Россия (трехлетняя скользящая средняя)

с несколькими женщинами. В этом случае окончательное безбрачие уменьшается, но доля замужних женщин остается невысокой. В самом деле, в поколениях, которым в 1959 году было больше 30 лет, доля замужних женщин практически не изменялась от переписи к переписи» (Авдеев 1998: 9). Повышенная повторная брачность мужчин — вдовцов и разведенных, видимо, играла определенную

роль в снижении окончательного безбрачия женщин¹⁰.

10

«В нормальной ситуации, создавали они или нет, некоторые не могли бы жениться, так как у них были бы другие конкуренты. Любые обстоятельства, которые оставляют один пол в меньшинстве, уменьшают для него конкуренцию; этим объясняется, почему больше холостяков, вдовцов и разведенных в поколениях мужчин, сильно затронутых войной, женится» (Анри, 1975: 125).

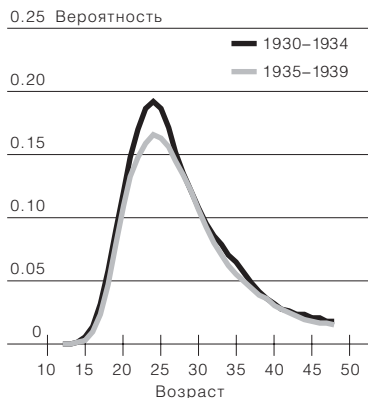
Однако, как показала Л. Чуйко, более важным фактором было изменение возрастной комбинации женихов и невест: мужчины, убитые на войне, были в среднем замещены более молодыми мужчинами. Выход замуж за женихов моложе себя смог существенно смягчить

последственную диспропорцию полов и понизить уровень окончательного безбрачия среди женщин, испытывавших дефицит потенциальных женихов предпочитаемого возраста (тех, кто старше невесты на несколько лет или ровесников) (Чуйко 1975: 66–68). Этот механизм смягче-

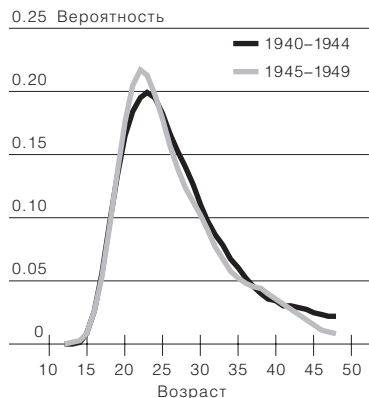
ния остроты ситуации на брачном рынке носит достаточно универсальный характер, он, например, был четко выявлен Л. Анри при исследовании нарушений брачности, вызванных Первой мировой войной во Франции, и в более общем случае: «... поколения, которым нарушение нормальной половой пропорции угрожает сильным увеличением окончательного безбрачия, избегают его в большей части, так как, с одной стороны, нарушение равновесия вызывает сверхбрачность малочисленных поколений, а с другой стороны, партнеры, которым нет пары, берут их из более молодых поколений; этим заимствованием нарушение равновесия постепенно распространяется, но в то же время оно теряет свою интенсивность и понемногу ослабляется» (Анри 1975: 127). Нормализация возрастов вступления в брак происходит не сразу, а постепенно от поколения к поколению, что и показал российский опыт.

Все поколения, начиная с родившихся во второй половине 1920-х годов, демонстрируют постепенный возврат к прежней, традиционной для России модели ранней и всеобщей брачности (рис. 7.10–7.13). Омоложение брачности женщин выразилось не только в снижении всех характеристик среднего возраста вступления в первый брак (средней арифметической для вступивших в брак до 50 лет и до 30 лет, медианного и модального возраста вступления в брак), но и в уменьшении дисперсии распределения возрастов при вступлении в брак. Вероятность вступить в брак в возрасте, более близком к норме, повышается, и первые браки в возрасте старше 25 лет для девушек становятся все более редким событием. Доля окончательно безбрачия, уменьшаясь, достигает минимума в 4% у поколений, родившихся во второй половине 1940-х годов и, соответственно, активно вступавших в брак в 1960-х. У последующих поколений идет медленное повышение показателя окончательного безбрачия (до 4–5% в самых молодых когортах), что можно трактовать как небольшое увеличение числа женщин, добровольно отказывающихся от брака, в особенности, если им не удается по тем или иным причинам выйти замуж в молодом возрасте (долю таких женщин можно оценить не более чем в 2–3% от общей численности поколений, родившихся в 1960-е годы).

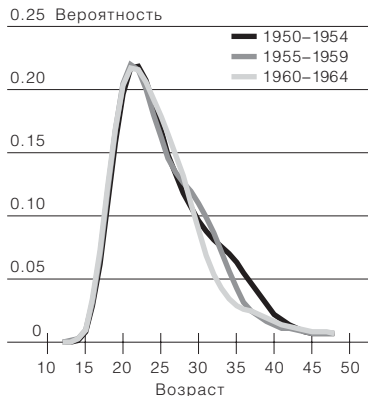
Рисунок 7.11. Возрастные вероятности вступить в первый брак для женщин 1930–1934 и 1935–1939 годов рождения, Россия (трехлетняя скользящая средняя)

Рисунок 7.12. Возрастные вероятности вступить в первый брак для женщин 1940–1944 и 1945–1949 годов рождения, Россия (трехлетняя скользящая средняя)

Рисунок 7.13. Возрастные вероятности вступить в первый брак для женщин 1950–1954, 1955–1959 и 1960–1964 годов рождения, Россия (трехлетняя скользящая средняя)

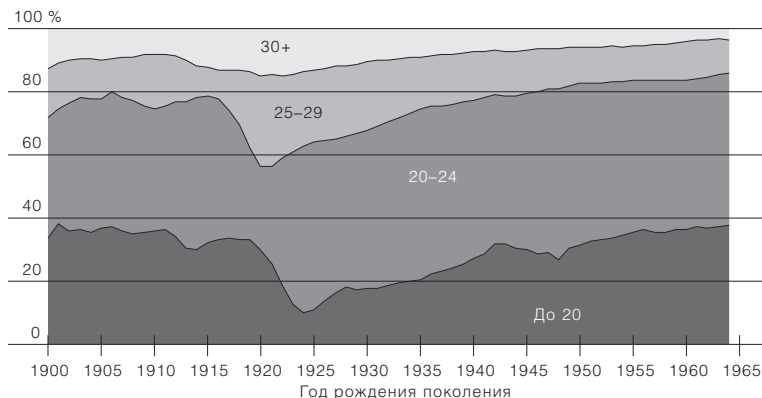
На рисунках 7.14–7.16 представлена подробная динамика основных характеристик вступления в первый брак российских женщин 1900–1964 годов рождения: распределения женщин по возрасту вступления в брак, доли женщин, вступивших в брак к 20, 25, 30 и 35 годам, и среднего возраста вступления в брак.

Анализ влияния социальных катаклизмов первой половины XX века на возрастную модель российской брачности показывает, что, внося значительные возмущения при реализации этой модели у ряда поколений, они практически не изменили саму модель. Соблюдение традиционной нормы всеобщности пребывания в браке для многих поколений в России было достигнуто посредством вынужденных сдвигов календаря вступления в первый брак в период социальных невзгод (откладывание брака на несколько лет с последующей реализацией намерений в более позднем возрасте). Следствием таких сдвигов и стало временное повышение среднего возраста вступления в брак в женских поколениях 1905–1925 годов рождения.

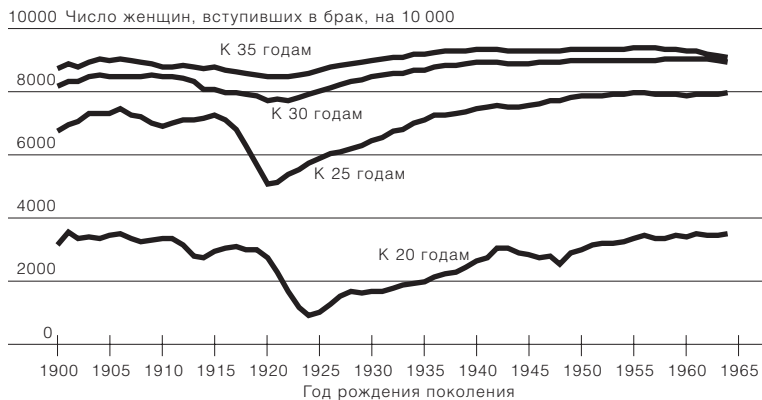
Чем старше становились представительницы поколений, ритм вступления в брак которых был нарушен в молодом возрасте войнами или другими историческими событиями, тем менее выраженным, по сравнению с другими поколениями, становился их уровень безбрачия. Так, в наиболее пострадавшем от войны поколении женщин

Чем старше становились представительницы поколений, ритм вступления в брак которых был нарушен в молодом возрасте войнами или другими историческими событиями, тем менее выраженным, по сравнению с другими поколениями, становился их уровень безбрачия. Так, в наиболее пострадавшем от войны поколении женщин

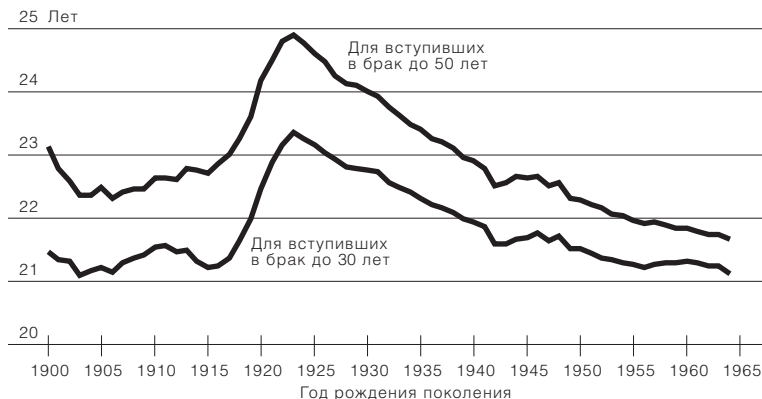
Рисунок 7.14. Распределение российских женщин, когда-либо вступивших в брак, по возрасту вступления в первый брак, по поколениям

Рисунок 7.15. Доля российских женщин, вступивших в первый брак к возрасту 20, 25, 30 и 35 лет, по поколениям

Рисунок 7.16. Средний возраст российской женщины при вступлении в первый брак, по поколениям

1 – для вступивших в брак до 50 лет.
2 – для вступивших в брак до 30 лет.

1920–1924 годов рождения доля когда-либо состоявших в браке к возрасту 25 лет отличалась от «нормального» уровня на 18 процентных пунктов, к возрасту 30 лет различия сокращаются до 7 пунктов, к 35 годам — до 5 пунктов и к 50 годам — до 3 пунктов. Пониженная брачность в молодом возрасте оказывается скомпенсированной повышенной брачностью в более позднем возрасте едва ли не полностью.

Максимальное повышение среднего возраста при вступлении в первый брак для российских женщин составило около 2,5 лет (24,9 года для когорты 1923 года рождения против 22,4 года для женщин, родившихся в 1905–1909 годах). Быстрое повышение доли незамужних в молодом возрасте и сокращение числа потенциальных лет брачной жизни, несомненно, придало дополнительный импульс ускорению снижения рождаемости. Именно на поколения с нарушенными темпами вступления в брак приходятся наиболее высокие темпы снижения рождаемости в России.

Нормализация брачности после возмущений, вызванных войной, привела к постепенному возврату к ее традиционной возрастной модели. Уже поколения женщин, родившиеся в 1930–1950-х годах, демонстрировали последовательное снижение возраста вступления в брак, а поколения, родившиеся в конце 1950-х — первой половине 1960-х годов, следовали возрастной модели брачности, мало отличавшейся от той, которая была распространена в России на рубеже XIX–XX веков.

7.2.3 Омоложение брачности во второй половине XX века

Послевоенные тенденции изменения возраста вступления в брак, в частности ее омоложение, отмеченное выше при анализе таблиц брачности, могут быть подробно отслежены и на основе данных текущей регистрации браков. В послевоенные десятилетия она была достаточно полной, а разрыв между зарегистрированными и фактическими браками в это время был наименьшим.

Во второй половине минувшего столетия легко выделить два периода изменений возраста вступления в первый брак: устойчивое снижение показателя вплоть до середины 1990-х годов и перелом тенденции — быстрый рост возраста жениха и невесты в последние годы столетия (рис. 7.17).

К 1950 году, по данным регистрации, средний возраст вступления в первый брак в России на короткий срок достиг своего исторического максимума (27,1 года для женщин и 29,8 года для мужчин). Если оставить в стороне причины, вызвавшие этот подъем (реализация отложенных браков, кризисные нарушения половых пропорций), то нельзя не заметить, что Россия, благодаря этому подъему, вышла на возрастные характеристики брачности, типичные для поздней брачности в странах Запада, не менявшиеся там вплоть до 1940-х годов¹¹. Более того, дальнейшее омоложение брачности шло какое-то время в России синхронно и теми же темпами, что и в других развитых странах (рис. 7.18).

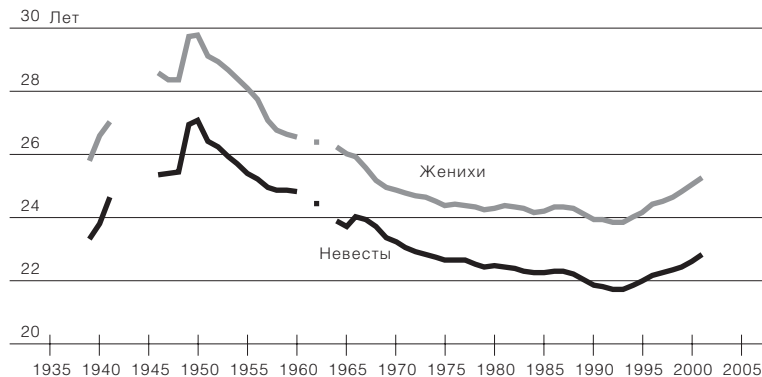
Однако если для западных стран высокие темпы образования новых семей в молодом возрасте (средний возраст

11

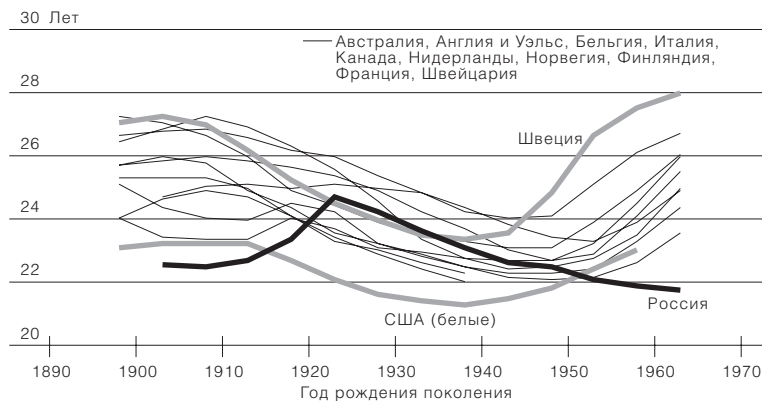
Заметим, что в странах Запада ни экономический кризис в 1920–1930-х годов, ни Вторая мировая война не вызвали каких-либо существенных, сопоставимых по масштабам с российскими изменений в возрасте вступления в первый брак.

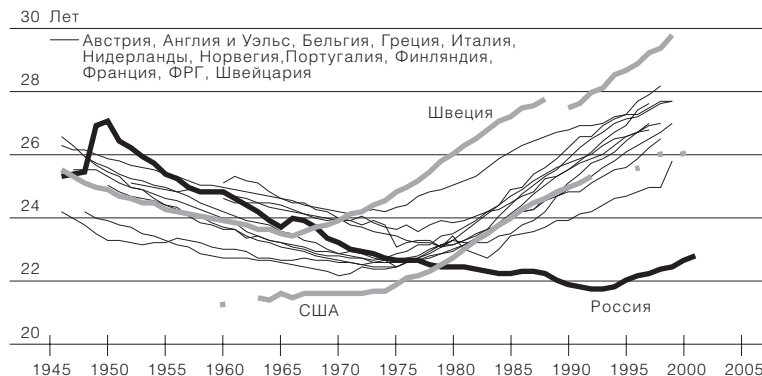
Рисунок 7.17. Средний возраст жениха и невесты при регистрации первого брака (для вступивших в брак к возрасту 50 лет), Россия, 1939–2000

Рисунок 7.18. Средний возраст женщины при вступлении в первый брак в России и некоторых западных странах, по поколениям

Рисунок 7.19. Средний возраст женщины при регистрации первого брака в России и некоторых западных странах, 1946–2000

невесты снизился до 22–23 лет), как оказалось впоследствии, были временной, конъюнктурной аномалией, то для России та же динамика показателей по сути вылилась в возврат к традиционной модели, хорошо знакомой родительским и прародительским поколениям. Именно при такой модели достигалась максимальная слитность сексуального, брачного и репродуктивного поведения. Возраст сексуального дебюта, возраст начала брачной жизни и рождения первенца оказываются сближенными до предела.

На Западе омоложение брачности и рождаемости довольно быстро окончилось. Уже со второй половины 1960-х годов (т.е. в женских поколениях, родившихся во второй половине 1940-х и в 1950-х годах) там начинается «постарение» брачности, во всяком случае, в той мере, в какой речь идет о регистрируемых браках (табл. 7.13 и 7.14). Этот процесс продолжался и в дальнейшем. В России же снижение возраста вступления в брак не прерывалось до середины 1990-х гг., так что возрастная модель брачности в России, как, впрочем, и в других странах Восточной Европы, снова все более отдалялась от западной (рис. 7.18–7.20).

Таблица 7.13. Средний возраст при регистрации первого брака* для женщин 1896–1964 годов рождения в России и некоторых развитых странах, лет

Год рождения	Англия и Уэльс	Италия	Нидерланды	США (белые)	Франция	Швеция	Россия
1896–1900	25,7	...	25,7	23,1	24,0	27,1	...
1901–1905	26,0	24,7	25,8	23,2	23,4	27,3	22,5
1906–1910	25,8	25,0	26,0	23,2	23,4	27,0	22,5
1911–1915	24,9	25,1	25,9	23,2	23,4	26,2	22,7
1916–1920	24,3	24,9	25,6	22,7	24,0	25,2	23,4
1921–1925	23,6	25,1	25,4	22,1	23,7	24,5	24,7
1926–1930	23,2	25,0	24,9	21,6	23,1	24,0	24,2
1931–1935	22,9	24,9	24,2	21,4	23,0	23,5	23,6
1936–1940	22,5	24,3	23,7	21,3	22,8	23,3	23,1
1941–1945	22,3	23,8	23,0	21,5	22,4	23,5	22,6
1946–1950	22,2	23,4	22,6	21,8**	22,5	24,8	22,5
1951–1955**	22,4	23,3	22,9	22,4	22,7	26,6	22,1
1956–1959**	23,3	23,9	24,1	23,0	23,5	27,5	21,9
1960–1964**	24,4	24,9	25,5		24,9	28,0	21,7

* Для вступивших в брак к возрасту 50 лет.

** Предварительная оценка.

Источник: Festy 1979: 143; Recent demographic developments 2000; расчеты С. Захарова по данным микропереписи 1994 года (для России) и данным американских национальных выборочных обследований 1975, 1990 и 1996 годов (для США; когорты после 1940 года рождения).

Тенденции «омоложения» первого брака в 1979–1996 годах хорошо видны при рассмотрении брачности реальных поколений российских женщин 1951–1979 годов рождения.

На рисунке 7.21 представлены вероятности вступления в первый брак для однолетних групп женщин в возрасте от 17 до 28 лет, принадлежащих к разным поколениям. Они показывают, что последний этап омоложения брачности был связан почти исключительно с ростом вероятностей вступления в зарегистрированный брак в возрасте до 20 лет, — ростом, который продолжался вплоть до поколений, родившихся в первой половине 1970-х годов. Особенно впечатляющим выглядит рост показателей брачности женщин в 17–18 лет, т.е.

В подавляющем большинстве случаев и без особых проблем разрешение на брак в возрасте до 18 лет выдавалось административными органами при наличии беременности.

в минимальном возрасте бракоспособности, установленном законом, и даже моложе него¹². Частота браков 18-летних женщин в женских когортах, рожденных в начале 1970-х годов, достигла такого уровня, что превысила частоту браков во всех остальных однолетних возрастных группах (Avdeev, Monnier 2000: 14–15).

В возрастах старше 20 лет брачность сохранялась на достаточно стабильном уровне до конца 1980-х годов.

Таблица 7.14. Средний возраст женщины при регистрации первого брака в России и некоторых западных странах, 1946–2000, лет

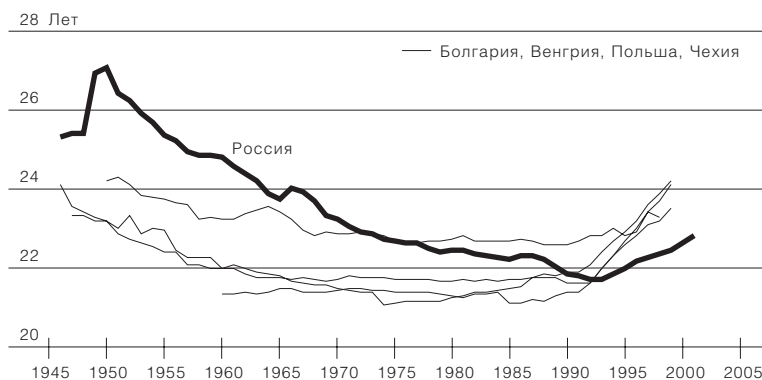
	Англия и Уэльс	Италия	США	Франция	ФРГ	Швеция	Россия
1946–1950	24,2	...	21,5	23,8	...	25,2	26,0
1951–1955	24,0	25,0	21,5	23,2	24,6	24,5	25,9
1956–1960	23,9	24,8	21,3	23,2	24,0	24,1	24,9
1961–1965	23,5	24,5	21,5	22,8	23,3	23,7	24,0
1966–1970	23,4	24,1	21,6	22,7	22,8	23,7	24,7
1971–1975	23,5	23,8	21,7	22,5	22,6	24,4	22,8
1976–1980	23,8	23,8	22,4	22,8	22,9	25,5	22,5
1971–1985	24,8	24,2	23,5	23,6	24,1	26,8	22,3
1986–1990	25,7	25,1	24,6	25,0	25,4	27,6	22,1
1991–1995	26,5	26,1	25,3	26,4	25,3	28,2	21,8
1996–2000	27,1	27,2**	25,9	27,8**	27,1**	29,5	22,4

* Для вступивших в зарегистрированный брак к возрасту 50 лет. **Предварительная оценка.

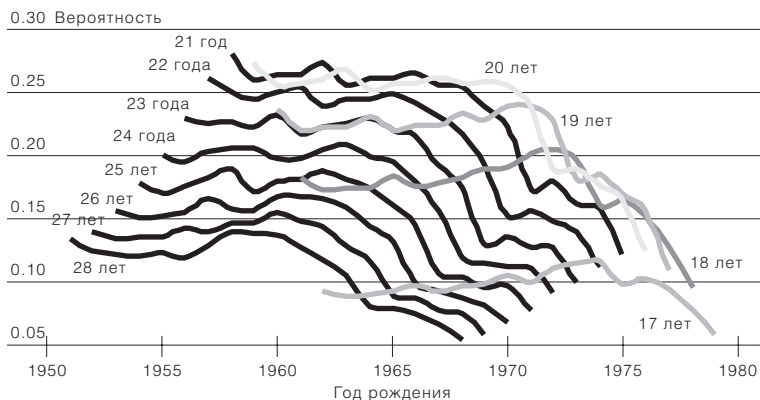
Источники: Sardon 1993: 145–147; Recent demographic developments 2000; Vital Statistics 1996: 12; Number 2002: 10; расчеты С. Захарова на основе официальных данных о медианном возрасте вступления в брак в США за 1993–2000 годы; для России: расчеты Е. Ивановой на основе ежегодных официальных данных о браках и различных оценок численности женщин по возрасту (1946–1970 – оценки Е. Андреева, 1971–1996 – официальные данные), 1997–2000 – косвенные оценки С. Захарова (Население России 2002: 9).

Изменения возраста вступления в брак находятся в определенной связи с возрастом начала половой жизни, который, по крайней мере с начала 1960-х годов, снижался. Вначале это ведет к ранней регистрации браков, а со временем, по мере накопления социального опыта и привыкания общества к меняющимся нормам сексуального поведения

Рисунок 7.20. Средний возраст женщины при регистрации первого брака в России и некоторых странах Восточной Европы, 1946–2001

Рисунок 7.21. Вероятность вступления женщины в первый брак в возрасте 17–28 лет, Россия, поколения 1951–1979 годов рождения

Источник: расчеты Е. Ивановой на основе данных текущей статистики о числе женщин, вступивших в первый брак в 1979–1996 годах, данных переписей населения 1979 и 1989 годов и микропереписи 1994 года о числе женщин, никогда не состоявших в браке, а также расчетных данных о числе женщин, никогда не состоявших в браке, за межпереписные периоды.

ния, отодвигает регистрацию брака на несколько лет, хотя фактический брак может при этом существовать.

На снижение возраста сексуального дебюта указывают все обследования, правда не очень многочисленные (Кон 1997: 262–271). Например, неоднократные опросы петербургских студентов показывают значительное увеличение доли молодых людей, имевших сексуальный дебют во все более раннем возрасте (табл. 7.15). По данным крупнейшего исследования в этой области, проведенного в 1995 году, примерно половина юношей и около 40% девушек к 16 годам уже имеют сексуальный опыт, хотя девушки считают при этом, что половую жизнь следует начинать в возрасте 17–17,5 года, т.е. на год-полтора позже (у юношей предпочтительный возраст сексуального дебюта совпал с фактическим)¹³. По данным репрезентативного для России опроса (в рамках проекта RLMS¹⁴), проведенного в октябре 2001 года, средний возраст первого сексуального контакта для респондентов в возрасте 21–30 лет составил для мужчин 17,1, для женщин — 17,8 года, тогда как для респондентов в возрасте 41–49 лет он составил 19 лет для мужчин и 20,2 года для женщин (Мониторинг 2002: 6). Другие надежные исследования, проведенные в последние 5–6 лет, показывают сходные результаты: средний возраст сексуального дебюта для девушки, по-видимому, достиг 17,5 года (у студентов на год-полтора выше) и, вероятнее всего, стабилизировался на этом уровне (Репродуктивное здоровье 2000, табл. 34; Денисенко, Далла Зуана 1999).

Для сравнения укажем, что два-три десятилетия назад средний возраст начала половой жизни для женщин, по некоторым данным, составлял 21–22 года (Кон 1997: 264). А если проводить еще более далекие исторические сравнения, то выяснится, что наблюдаемые сегодня возрастные характеристики сексуального дебюта

13

Опрос 2871 учащихся школ, ПТУ, студентов вузов и работающей молодежи в возрасте от 16 до 19 лет в Москве, Новгороде, Борисоглебске и Ельце под руководством В. Червякова и В. Шагири (главный научный консультант — И. Кон) (Червяков 1995: 25–26).

14

The Russia Longitudinal Monitoring Survey (российский мониторинг экономического положения и здоровья населения) — регулярное репрезентативное для РФ обследование, проводящееся с 1992 года под руководством Барри Попкина, Университет Сев. Каролины в Чэпел-Хилле, США.

близки к тем, что наблюдались в России в начале XX века (Denissenko, Dalla Zuanna, Guetta 1999: 279–304).

Таблица 7.15. Возраст сексуального дебюта петербургских студентов, 1965–1995, % к общему числу имевших опыт

Возраст	Год обследования		
	1965	1972	1995
Моложе 16	5,3	8,2	12,2
16–18	33,0	30,8	52,8
19–21	39,5	43,8	30,7
22–24	19,5	16,0	3,2
25 и старше	2,7	1,2	1,1

Источник: Голод 1996: 59.

Снижение возраста сексуального дебюта — общемировое явление, в большинстве развитых стран оно отмечается уже довольно давно. Например, у мужчин-французов, родившихся между 1922 и 1936 годами, средний возраст начала сексуальной жизни составлял 18,4 года, а у родившихся в 1972–1973 годах — 17,2 года. Соответствующее снижение возраста у французенок еще больше — с 21,3 до 18,1 года (Спира, Бажо и др. 1997: 96).

В России изменения в нормах сексуального поведения начались позднее, чем на Западе, и, по-видимому, ускорились, особенно в крупных городах, в связи с изменениями, происходившими в российском обществе в последнем десятилетии XX века. Как пишет И. Кон, «отличие России от Запада заключается не столько в направлении развития, сколько в его хронологических рамках и в степени общественной рефлексивности... Структура сексуального поведения современных российских подростков похожа на ту, что была типична для юных американцев начала 1970-х» (Кон 2002: 42). Параметры сексуального поведения (возраст сексуального дебюта, число партнеров) российских студентов, родившихся в середине 1970-х годов, находятся на среднем уровне, зафиксированном у поколений 1960-х годов рождения в развитых странах (Денисенко, Далла Зуана 1999: 3–4). Одно из обследований ценностных ориентаций молодых россиянок, проведенное в 1994 году, показало, что более половины опрошенных считают обязательным добрачный сексуальный опыт как для мужчин, так и для женщин (Котовская, Шалыгина 1994: 164).

Все более раннее начало половой жизни на фоне низкой контрацептивной культуры в России приводило к высокой распространенности добрачных зачатий, а добрачные зачатия в юном возрасте, в свою очередь, стимулировали заключение ранних браков. Даже в 1990-х годах в Москве доля «вынужденных» браков оставалась на высоком уровне (до трети от всех браков) и состояла в основном из матерей молодых и самых молодых возрастов (Население России 1998: 41). Возможно, именно такие браки и стали одной из главных причин омоложения брачности женщин в России в 1960-х — начале 1990-х годов. С точно такими же явлениями столкнулись и западные страны в 1960-х — начале 1970-х. Острота проблем, связанная с ранней и высокой сексуальной активностью, была преодолена там в значительной мере благодаря всемерному расширению современной практики планирования семьи.

Снижение возраста вступления в первый брак в России прекратилось лишь в 1993 году, и с этого времени он начал увеличиваться. Вне всякого сомнения, перелом тенденции был связан с глубокими системными сдвигами в российском обществе. На несколько лет раньше, в точном соответствии с началом социально-экономических реформ, начал повышаться возраст вступления в брак и в странах Восточной Европы. К сожалению, углубленный анализ новейших тенденций брачности сильно осложнен тем, что именно тогда, когда модель брачного поведения россиян стала меняться, может быть впервые за всю историю России, в стране была упразднена соответствующая регулярная статистика¹⁵. Тем не менее, имеющиеся официальные данные и косвенные оценки дают основание предположить, что новая тенденция — к увеличению возраста вступления в первый брак — не случайна. Интенсивность заключения браков среди самых молодых юношей и девушек с середины 1990-х годов быстро снижалась, достигнув к концу века исторически минимальных значений. Сверхранняя брачность в России становилась все более статистически незначимой величиной — лишь 12 девушек из 1000 и 15 юношей из 10 тыс. в возрасте от 16 до 18 лет заключили брак в 2000 году. Еще недавно, в 1989–1997 годах, частота первых браков у девушек–подростков до 18 лет была выше, чем у женщин в возрасте 25–34 года (правда, в этом возрасте уже заключаются и повторные браки). Сейчас соотношение резко изменилось на противоположное. Не нужно только забывать, что речь идет об официально регистрируемых браках.

Знаменательным также представляется увеличение брачности в возрасте 25 лет и старше. В возрастном интервале 25–34 года показатели уже вернулись на уровень, характерный для 1980-х годов.

В результате всех этих изменений средний возраст жениха и невесты в России быстро увеличивается. Более интенсивное «постарение» брачности у мужчин вызвало увеличение средней разницы в возрасте жениха и невесты при первом браке — она устойчиво росла на протяжении 1980–1990-х годов (табл. 7.16). Такая подвижка, возможно, объясняется изменениями в социальном поведении (например, тем, что девушки при вступлении в брак все более склонны выбирать потенциальных женихов с устойчивым социальным и экономическим статусом).

Изменение возрастной модели брачности стимулирует дальнейшую трансформацию в сторону «постарения» и возрастной модели рождаемости. Хотя здесь возможна и обратная зависимость: сдвиг рождений к более поздним возрастам имеет следствием и более позднюю регистрацию уже существующих фактических союзов.

Пока новейшая тенденция к «постарению» брачности слишком молода, чтобы быть абсолютно уверенными в том, что она представляет собой окончательный отказ от традиционной модели ранней брачности, издавна господствовавшей в России. Не есть ли это очередной виток временного откладывания браков в трудных условиях социально-

15

В ноябре 1997 года был принят федеральный закон «Об актах гражданского состояния», в соответствии с которым из содержания записей актов гражданского состояния был исключен целый ряд сведений, в частности сведения о семейном положении вступающего в брак (в браке не состоял, вдов, разведен), так что теперь невозможно отделить первые браки от повторных. Детальная разработка данных о зарегистрированных браках по возрасту и очередности брака также прекращена статистическими органами, что делает, в частности, невозможным расчет коэффициента суммарной брачности для первых браков. Тем самым статистический анализ брачности лишился своих главных инструментов.

экономических реформ, за которым следует неизбежное компенсаторное повышение интенсивности брачности в более позднем возрасте? В таком случае сближение российской модели брачности с западной, наметившееся в последнее десятилетие XX века, окажется лишь временным явлением, похожим на то, с чем Россия уже сталкивалась в 1930–1950-х годах. Однако, учитывая, сколь многое в жизни россиян поменялось в 1990-х годах в сторону усвоения западных моделей поведения во всех сферах жизни, ожидать восстановления прежних тенденций матримониального поведения было бы странно.

Таблица 7.16. Средний возраст мужчины и женщины при регистрации брака (для женихов и невест, заключивших брак в возрасте до 50 лет), Россия, 1980, 1990–2001, лет

	Все браки			Первые браки		
	Мужчины	Женщины	Разница	Мужчины	Женщины	Разница
1980	26,1	24,2	1,9	24,2	22,4	1,8
1990	26,1	24,1	2,0	23,9	21,9	2,0
1991	26,2	24,2	2,0	23,9	21,8	2,1
1992	26,2	24,2	2,0	23,9	21,7	2,2
1993	26,1	24,1	2,0	23,8	21,7	2,1
1994	26,3	24,4	1,9	24,0	21,8	2,2
1995	26,6	24,6	2,0	24,2	22,0	2,2
1996	26,9	24,8	2,1	24,4	22,2	2,2
1997	27,0	24,9	2,1	24,5	22,3	2,2
1998	27,1	25,0	2,1	24,7	22,3	2,4
1999	27,3	25,1	2,2	24,8	22,4	2,4
2000	27,5	25,3	2,2	25,0	22,6	2,4
2001	27,8	25,5	2,3	25,3	22,8	2,5

Источник: Население России 2002: 29 (1980, 1990–1996 – официальные данные, 1997–2001 – оценка С. Захарова).

7.3

Прекращение брака

В начале XX века главной и почти единственной причиной прекращения брака в России была смерть одного из супругов, овдовение. По мере распространения развода он также превращался в причину массового прекращения брака, которая, по мере снижения смертности, оттесняла овдовение на вторые роли — во всяком случае для средних возрастных групп. Однако в России, из-за очень медленного и последовательного снижения смертности взрослых, и овдовение не утратило своего значения.

В 1926 году, по сравнению с 1897-м, доля вдов в населении старше 15 лет в России не сократилась, а повысилась (на 3%) и составляла 16,8%. Прирост отмечался во всех возрастных группах, а в молодых и средних возрастах (20–39 лет) эта доля даже удвоилась. Доля вдовцов, напротив, сократилась до 4,1%. Эти изменения были вызваны, прежде всего, последствиями войн, преждевременной смертностью мужчин в бракоспособных возрастах, тогда как различия в уровне смертности мужчин и женщин в старших возрастах имели меньшее значение (рис. 7.22).

При переписях населения 1939, 1959 и 1970 годов вдовство как отдельный вид брачного состояния не учитывалось (вопрос то ли считался не заслуживающим внимания, то ли, напротив, считался нежелательным — из-за того, что мог обнажить скрывавшиеся огромные военные потери мужского населения), так что первая после длительного

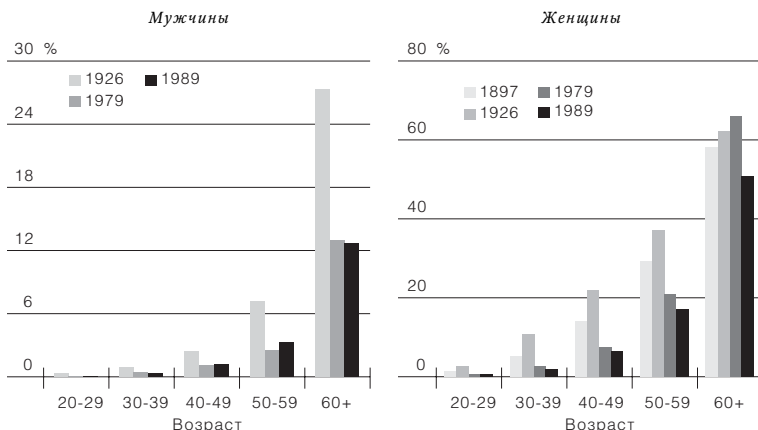
перерыва информация о нем была получена только при переписи 1979 года — 53 года спустя после переписи 1926-го. К этому времени возрастно-половая структура населения, нарушенная Второй мировой войной, в значительной степени нормализовалась, и особенности овдовения определялись демографическими факторами, прежде всего мужской сверхсмертностью в старших возрастах.

К 1979 году доля вдовых женщин повысилась до 19%, доля вдовцов сократилась до 2%, по данным переписи 1989 года, вдовствующими были 18,2% женщин и 2,5% мужчин в возрасте 16 лет и старше. Основная доля вдов приходилась на возраста старше 50 лет. Напомним, однако, что доля вдовствующих не соответствует доле овдовевших. Часть овдовевших вступает в повторный брак и выбывает из совокупности вдовствующих. Но разграничить совокупности вдовствующих и овдовевших очень непросто, так как многие повторные браки овдовевших не регистрируются.

Как ни медленно снижалась в России роль овдовения как причины прекращения брака, в средних возрастах она довольно быстро уступила первенство юридическому или фактическому расторжению брака. Об этом свидетельствуют, в частности, данные о причинах прекращения браков в брачных когортах, сформировавшихся после 1950 года (табл. 7.17).

В брачных когортах, сформировавшихся после 1965 года, к 20 годам супружества распадается примерно каждый четвертый брак у мужчин и более чем каждый третий брак у женщин, причем овдовение к той же длительности брака является причиной его прекращения почти у каждой десятой женщины и у 2,5% мужчин. Тенденция усиления роли развода отчетливо прослеживается по всем брачным когортам, вступившим в брак в послевоенное время, — рост в три раза у мужчин и более чем в два раза у женщин. Особенно заметно возросла вероятность развода в первые десять лет супружества. Вероятность развода для браков с большим стажем — 15 лет и более — практически не изменилась за тридцать лет.

Рисунок 7.22. Доля вдовствующих мужчин и женщин в отдельных возрастных группах, Россия, 1897–1989

Таблица 7.17. Доля прекратившихся браков у мужчин и женщин в зависимости от их продолжительности, Россия, когорты вступивших в первый брак в 1950–1984 годах, %

Годы вступления в брак	Распалось к указанной продолжительности брака							
	Мужчины				Женщины			
	5 лет	10 лет	15 лет	20 лет	5 лет	10 лет	15 лет	20 лет
Все причины прекращения брака								
1950–1954	3,3	5,8	8,2	11,3	7,1	12,4	17,4	23,5
1955–1959	4,1	7,2	10,8	14,3	7,1	13,0	19,5	26,0
1960–1964	5,0	10,0	14,6	19,2	8,0	16,0	23,5	30,9
1965–1969	7,0	13,0	18,5	22,3	10,8	20,4	28,8	34,2
1970–1974	7,8	15,3	20,3	23,7	11,5	22,7	29,9	35,3
1975–1979	9,3	16,9	21,4	24,6*	13,9	24,3	30,6	36,1*
1980–1984	10,7	18,1	22,2*	25,4*	14,9	25,4	31,7*	36,9*
Прекращение брака вследствие развода								
1950–1954	2,8	4,8	6,6	8,8	5,3	8,4	10,9	13,5
1955–1959	3,7	6,3	9,3	12,0	5,6	9,6	13,4	16,6
1960–1964	4,7	9,2	13,2	16,8	6,7	12,7	17,6	21,5
1965–1969	6,7	12,2	17,0	20,0	9,3	16,9	22,8	24,9
1970–1974	7,6	14,6	18,9	21,3	10,3	19,5	24,1	26,2
1975–1979	8,9	16,0	20,0	22,3*	12,4	20,9	24,9	26,9*
1980–1984	10,4	17,2	20,8*	23,0*	13,5	21,9	25,6*	27,5*
Прекращение брака вследствие овдовения								
1950–1954	0,5	1,0	1,6	2,5	1,8	4,0	6,5	10,0
1955–1959	0,4	0,9	1,5	2,3	1,5	3,4	6,1	9,4
1960–1964	0,3	0,8	1,4	2,4	1,3	3,3	5,9	9,4
1965–1969	0,3	0,8	1,5	2,3	1,5	3,5	6,0	9,3
1970–1974	0,2	0,7	1,4	2,4	1,2	3,2	5,8	9,1
1975–1979	0,4	0,9	1,4	2,3*	1,5	3,4	5,7	9,2*
1980–1984	0,3	0,9	1,4*	2,4*	1,4	3,5	6,1*	9,4*

*Экстраполяционная оценка.

Источники: Итоги 1986: 71; Народонаселение 1994: 348 (с исправлением ошибок в публикации); Состояние 1995: 112; интерполяционные и экстраполяционные расчеты С. Захарова на основе этих источников.

На протяжении всего столетия шел почти непрерывный рост специального коэффициента разводимости — отношения числа разводов к числу брачных пар. Обычно этот показатель можно получить только за годы, примыкающие к переписям населения, которые дают информацию о числе существующих брачных пар. От совершенно ничтожного в 1897 году он поднялся до весьма высоких значений в середине 1920-х годов, затем на несколько десятилетий снова снизился, чтобы быстро вырасти в 1970-е годы и достичь исторического максимума к концу столетия (табл. 7.18).

Таблица 7.18. Специальный коэффициент разводимости, Россия, 1897–1989

1897	1913	1926	1938	1958	1969	1978	1984	1988	1993
		–1927	–1939	–1959	–1970	–1979	–1985	–1989	–1994
0,06	0,15	11,0	4,3	6,5	13,3	17,5	16,2	17,4	18,6

Источник: Volkov 1999: 84.

Динамика числа расторгнутых браков после революции в значительной степени определялась зигзагами брачно-семейного законодательства, о которых говорилось выше. Разумеется, статистика могла учесть далеко не все случаи расторжения брака, так как широкое распространение получили нерегистрируемые фактические браки,

тем не менее, и число расторгавшихся зарегистрированных браков было очень велико.

Поворот государственной политики в сфере семьи второй половине 1930-х годов на первых порах заметно изменил ситуацию. После 1936 года число разводов резко сократилось, а продолжительность брака при разводе заметно увеличилась. Указ 1944 года (см. раздел 6.4.3.2) способствовал дальнейшему сокращению числа зарегистрированных разводов, в 1945 году показатель частоты разводов приблизился к показателю 1913 года. Но Россия 1950–1960-х годов была уже не та, что в 1913 году, и, как уже отмечалось в разделе 6.4.3.2, число разводов, а значит, и общий коэффициент разводимости (рис. 7.23) снова стали быстро расти.

Для более глубокого анализа разводимости нужны показатели более сложные, чем общие коэффициенты разводимости, в частности возрастные коэффициенты, *коэффициент суммарной (итоговой) разводимости* — среднее число разводов на 1000 мужчин и женщин соответственно, *индекс разводимости* — отношение коэффициента суммарной разводимости к коэффициенту суммарной брачности за каждый год. К сожалению, такие показатели можно рассчитать только до 1996 года, в самом конце столетия их оценка стала невозможной ввиду прекращения официальной разработки статистических данных о браках и разводах по возрасту. В это же время перестали разрабатываться и показатели разводимости по продолжительности расторгнутого брака, поэтому анализ процесса на основе построения таблиц разводимости и определения вероятностей расторжения браков также стал невозможен.

Имеющиеся данные до 1996 года согласованно указывают на стремительный рост всех характеристик разводимости, особенно сразу после выхода постановления 1965 года, значительно упрощившего процедуру развода (см. раздел 6.4.3.3). К 1970 году показатели интенсивности разводов несколько сократились, но сократилась и интенсивность брачности, поэтому индекс разводимости продолжал расти (рис. 7.25). В 1970-е годы возобновился и рост интенсивности разводов, достигшей пика в 1979–1980 годы (рис. 7.23 и 7.24).

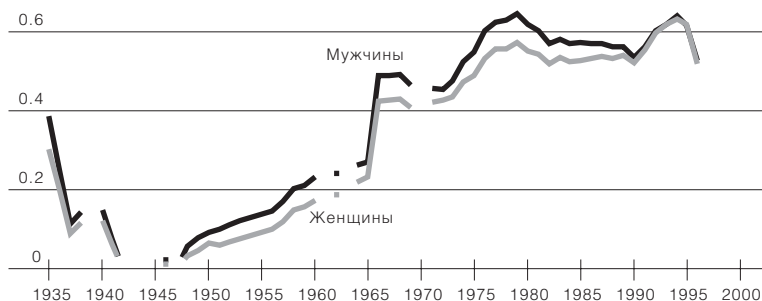
Рисунок 7.23. Общий коэффициент разводимости, Россия, 1924–2000, ‰

Источники: данные РГАЭ (1924–1958); Демографический ежегодник 2001: 119.

Рисунок 7.24. Коэффициент суммарной разводимости, Россия, 1935–1996

0.8 Число разводов на 1 мужчину и 1 женщину

Рисунок 7.25. Индекс разводимости, Россия, 1935–1996

80 Отношение коэффициента суммарной разводимости к коэффициенту суммарной брачности

В 1980-е годы показатели разводимости в России без всякой видимой причины почти стабилизировались, но в конце десятилетия начали расти — до 1994 года, когда были достигнуты рекордные за всю историю значения: абсолютное число разводов составило более 680 тысяч, приведенное число разводов на 1000 браков (показатель, учитывающий длительность расторгнутых браков) превысило отметку в 500, а показатель соотношения чисел разводов и браков достиг 60 к 100. Индекс разводимости с начала 1990-х годов также значительно увеличился (рис. 7.25).

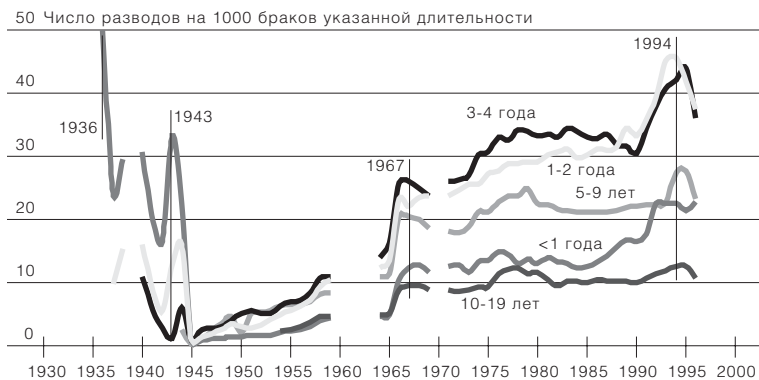
Достигнув к 1994 году критической отметки, абсолютные показатели и коэффициенты регистрируемых разводов начали снижаться. За 4 года — с 1995-го по 1998-й — число разводов снизилось на 36%, хотя стабилизации показателя на этом уровне не произошло, число разводов снова стало расти. К сожалению, регулярная статистическая отчетность после 1996 года уже не содержит распределений разводов по продолжительности брака, по числу брачных партнеров и другой ценной информации, что затрудняет понимание тенденций разводимости в самом конце столетия.

Одновременно с ростом интенсивности разводов изменялась и их структура, в ней все заметнее становились разводы, при которых

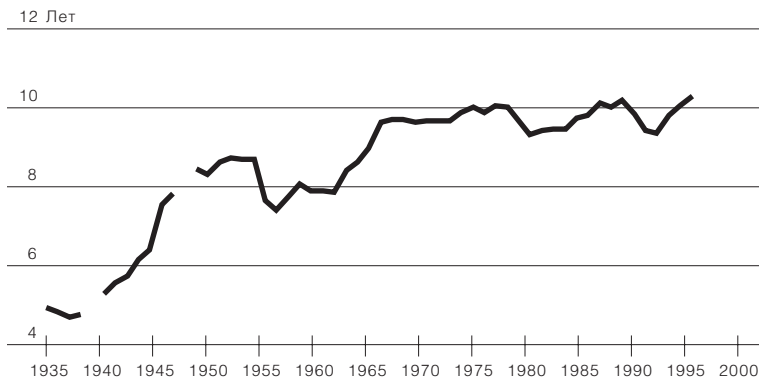
распадались более длительные браки, вследствие чего увеличивалась средняя продолжительность брака при разводе. К концу 1960-х годов она возросла до 9 лет, а к концу 1970-х превысила 10 (рис. 7.26 и 7.27). Развод все меньше становился плодом юношеского легкомыслия, приводившего к поспешному образованию и распаду браков-«однодневок», все чаще затрагивал брачные пары с большим стажем совместной жизни.

По мере роста числа разводов увеличивалась доля затронутых разводами семей (рис. 7.19), росло и абсолютное и относительное число живущих в этих семьях детей. Наличие детей, видимо, перестало служить препятствием для развода их родителей. За 1988–1994 годы число разводов возросло на 19%, причем этот рост шел в основном за счет распада супружеских пар с детьми. Число таких разводов увеличилось на 28%, в том числе разводов, при которых родители имели одного ребенка, — на 23%, двух и более детей — на 43%. Общее число детей, затронутых разводом их родителей, выросло на 32%.

Рисунок 7.26. Коэффициенты разводимости по продолжительности брака (на 1000 браков), Россия, 1936–1996

Рисунок 7.27. Средняя продолжительность брака при разводе, Россия, 1935–1997

Таблица 7.19. Коэффициент разводимости на 100 семей, Россия

	Все семьи	В том числе с числом детей		
		0	1	2 и более
1988–1989	17,6	16,8	27,5	9,8
1993–1994	20,3	17,3	30,4	14,3

Источник: Борисов, Синельников 1995: 45.

Но с 1995 года происходит сокращение общего числа детей, затронутых разводом родителей (табл. 7.20).

Таблица 7.20. Разводы по числу общих детей до 18 лет у разводящихся, Россия, 1988–2000

Год	Всего разводов, тыс.	Всего общих детей, тыс.	Среднее число детей на один развод	
			Всего	В семьях с детьми
1988	573,8	465,1	0,81	1,33
1989	582,5	479,1	0,82	1,33
1990	559,9	466,1	0,83	1,35
1991	597,9	522,2	0,87	1,36
1992	639,2	569,1	0,89	1,37
1993	663,3	593,8	0,9	1,37
1994	680,5	613,4	0,9	1,36
1995	665,9	588,1	0,88	1,35
1996	562,4	463,5	0,82	1,33
1997	555,2	454,5	0,82	1,29
1998	501,7	389,7	0,78	1,26
1999	532,5	...*	0,67	1,24
2000	627,7	...*	0,67**	1,21**

*С 1999 года данные о разводах по числу общих детей централизованно не собираются.

** Расчет произведен по совокупности территорий, представивших в Госкомстат соответствующие

данные (44 субъекта РФ в 2000 году).

Источник: Население России 2002: 33.

Несмотря на то, что динамический ряд, характеризующий изменения средней детности разводящихся пар, оказывается не полностью сопоставимым до и после 1999 года (в этом году соответствующая статистическая форма перестала быть обязательной для всех регионов), все же можно сделать некоторые выводы. Во-первых, в самом конце столетия разводы во все большей мере охватывали бездетные пары. Если в первой половине 1990-х годов доля бездетных пар среди расторгнутых браков колебалась в пределах 35–38%, то в конце десятилетия, вероятнее всего, превышала 50% (по 46 регионам, представившим данные, расчетный показатель составил 60%). Во-вторых, среди тех пар, которые имели совместных детей до 18 лет, среднее число детей на один расторгнутый брак составляло менее 1,3, что несколько ниже, чем в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов, когда этот показатель колебался в пределах 1,3–1,4 ребенка на один развод (табл. 7.20). Таким образом, количество детей, страдающих от развода родителей в России конца 1990-х годов снизилось. Отчасти это объясняется общим снижением рождаемости, однако главная причина – возросшая стабильность браков с детьми относительно бездетных супружеских пар. Нужно только иметь в виду, что речь идет о юридических браках, т.е. тех, в которых партнеры соответствующим образом оформили брачный союз и последующее его расторжение. О стабильности и детности фактических, незарегистрированных брач-

ных союзов, которых становилось все больше, нет практически никакой информации, поскольку специальных выборочных обследований на эту тему в стране не проводилось.

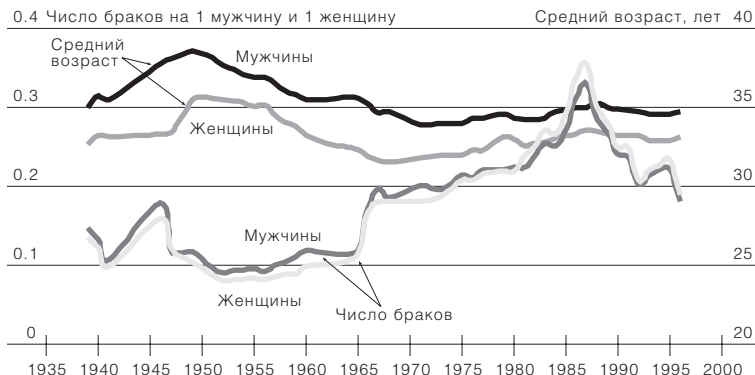
7.4 Повторные браки

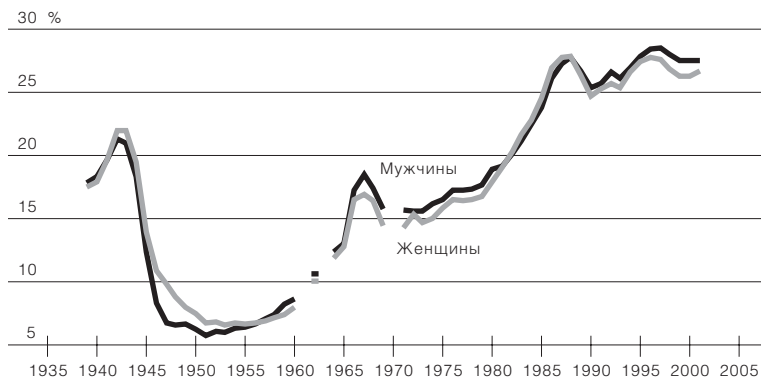
На протяжении XX века, по мере того как овдовение утрачивало свою роль почти единственного основания для заключения повторного брака, быстро росло число повторных браков, заключаемых разведенными. Уже в 1926 году в СССР среди женщин, повторно вступивших в брак, разведенные составили 43%, а среди мужчин — половину (Вишневский, Тольц 1988: 89). Но эти показатели относятся к регистрируемым повторным бракам, а в условиях СССР 1920–1930-х годов наверняка существовало большое количество повторных браков без их юридического оформления, особенно у более молодых поколений. Может быть, поэтому значение коэффициента суммарной брачности для повторных браков стремительно снижалось с середины 1930-х годов и к 1940–1941 годам находилось на очень низком уровне, сопоставимом с уровнем начала века (о.г.). Средний возраст при вступлении в повторный брак, наоборот, повышался (рис. 7.28).

Впрочем, число регистрируемых первых браков сокращалось, по-видимому, еще быстрее, из-за чего доля повторных браков в общем числе браков росла. Накануне войны она составляла 18,3% для мужчин и 18% для женщин и продолжала повышаться вплоть до 1944 года.

Принятие указа 1944 года (см. раздел 6.4.3.2) подтолкнуло к более полной регистрации фактических браков, но оно же имело своим следствием сокращение частоты юридически оформляемых разводов. Не имея официального развода, нельзя было зарегистрировать новый брак, даже если фактически он имел место. Соответственно, и доля регистрируемых повторных браков до середины 60-х годов оставалась относительно невысокой (рис. 7.29).

Рисунок 7.28. Коэффициент суммарной брачности для повторных браков и средний возраст вступления в повторный брак, Россия, 1939–1996

Рисунок 7.29. Доля повторных браков в общем числе браков, Россия, 1939–1999

С середины 1960-х годов с либерализацией и выходом из тени фактических разводов стали расти и показатели повторной брачности. Максимального значения коэффициент суммарной брачности для повторных браков достиг в 1987 году, когда он в 4,4 раза превышал уровень 1950 года для женщин и в 3,7 раза — для мужчин, и, соответственно, в 1,6 и 1,5 раза превышал уровень 1980 года.

Но вскоре началось резкое падение показателя, за короткое время он практически вернулся к уровню конца 1960-х годов. При этом доля повторных браков в общем числе браков намного выше, чем тогда, — более четверти и у мужчин, и у женщин, — и довольно стабильна. Не слишком меняется и средний возраст вступления в повторный брак. С 70-х годов он повышался небольшими темпами, что было следствием увеличения длительности брака при разводе. Возможно, такая противоречивая динамика отражает общее изменение отношения к регистрации брака — и первого, и повторного.

Компенсация разводов и овдовения повторными браками, не будучи, конечно, полной, весьма значительна (особенно для мужчин) — уже через 5 лет после прекращения брачного союза 44–45% мужчин и 22–23% женщин вступают в повторный брак, а еще через пять лет больше половины мужчин и каждая третья женщина состоят в зарегистрированном и незарегистрированном союзе с новым партнером (табл. 7.21).

Таблица 7.21. Доля мужчин и женщин, вступивших в повторный брак через 5 и 10 лет после развода или овдовения, Россия, браки прекратившиеся в 1950–1989 годах, %

Год прекращения брака	Мужчины		Женщины	
	Через 5 лет	Через 10 лет	Через 5 лет	Через 10 лет
1950–1954	52,8	66,3	21,1	30,6
1955–1959	54,1	66,0	21,7	30,8
1960–1964	45,7	60,7	21,0	28,6
1965–1969	48,0	60,6	22,3	30,8
1970–1974	44,0	57,5	20,5	29,3
1975–1979	44,0	57,3	22,2	32,1
1980–1984	43,6	57,8	23,1	33,0
1985–1989	44,6	–	22,9	–

Источник: Volkov 1999: 85.

В послевоенное время наблюдалось сближение показателей вступления в повторный брак у мужчин и женщин, главным образом за счет уменьшения вероятности заключения повторного брака у мужчин. Напротив, у женщин сформировалась в целом положительная тенденция усиления компенсаторной функции повторного брака, по-видимому, за счет снижения рождаемости и изменения социальных норм, касающихся возможности для женщины с детьми искать нового семейного партнера.

8.1

Сущность второго демографического перехода

Изменения в сфере семьи и брака в России XX века тесно переплетались с меняющимися идеологическими поветриями, позицией и политикой государства, с резкими изменениями законодательства, и могло показаться, что все эти внешние влияния создавали совершенно особую российско-советскую модель формирования семьи, не похожую на соответствующую «западную» модель, складывавшуюся в иных политических и экономических условиях.

На самом же деле, анализ всех доступных параметров семейного и матримониального поведения показывает, что Россия все время следовала по общему с западными странами пути, а все попытки законодательного и прочего воздействия на такое поведение россиян могли лишь несколько ускорить или, напротив, замедлить такое движение. Иначе не могло и быть, ибо в основе всех перемен лежат однотипные для всех промышленно-городских обществ материальные условия жизни, труда, быта, соответствующая этим условиям система ценностей.

Один из главных смыслов демографической и семейной модернизации заключается в переносе центра тяжести социального контроля над демографическим и семейным поведением людей с институционально-коллективного на индивидуальный уровень: «внешний» контроль со стороны государства, церкви или сельской общины уступает место контролю «изнутри», то есть самоконтролю, и одновременно резко расширяется свобода индивидуального выбора во всем, что касается личной жизни человека. Коль скоро это происходит, старая система отношений, норм, институтов, приспособленная к прежним методам контроля «извне», оказывается в кризисе.

Низкая и продолжающая снижаться рождаемость, все меньшее число зарегистрированных браков и рост числа свободных союзов и других форм совместной жизни, ослабление прочности брака и увеличение числа разводов и внебрачных рождений, растущее замещение семейной солидарности солидарностью социальной, эмансипация детей и пожилых, либерализация семейных нравов, гибкость семейной морали — признаки новейших перемен, которые затронули все звенья процесса формирования семьи, все стороны ее жизнедеятельности и очень плохо вписываются в казавшиеся незыблемыми тысячелетние нормы человеческого общежития. Везде, где такие перемены дают о себе знать, они нередко воспринимаются как свидетельство тяжелого кризиса современной семьи и даже всего современного общества.

Такому взгляду противостоит стремление к более уравновешенной оценке плодов модернизации. Разумеется, нельзя отрицать хорошо известных проблем, возникающих в связи с падением рождаемости, старением населения, нестабильностью брака, ростом числа свободных союзов и внебрачных рождений, большим числом искусственных аборт,

распространением СПИДа и т.п. Но не следует забывать и о другой чаше весов, на которую ложатся приобретения XX века: расширение свободы выбора для мужчины и женщины как в семейной, так и в социальной области, равенство партнеров, большие возможности контактов между поколениями, удовлетворения личных потребностей, самореализации и т.д. Совокупность происходящих перемен иногда обозначают термином «*второй демографический переход*» (Lesthaeghe, van de Kaa 1986; van de Kaa 1987; Lesthaeghe 1992; van de Kaa 1994). Его смысл усматривают «в возрастающей ценности индивидуальной автономии и индивидуального права выбора» и видят в нем естественный спутник модернизации и демократизации. «Отличие второго демографического перехода от первого заключается в том, что все помыслы человека сосредоточены на самореализации, свободе выбора, личном развитии и индивидуальном стиле жизни, эмансипации, и это находит отражение в формировании семьи, установках в отношении регулирования рождений и мотивах родительства. Растущие доходы, экономическая и политическая защищенность, которые демократические государства всеобщего благосостояния предлагают своим населением, сыграли роль спускового крючка для „тихой революции“, сдвига в направлении „постматериализма по Маслоу“, при котором индивидуальные сексуальные предпочтения принимаются такими, как они есть, и решения о совместной жизни, разводе, аборте, стерилизации и добровольной бездетности остаются на усмотрение индивидуумов и семейных пар» (Van de Kaa 1996: 425).

Поэтому, полагает, в частности, бельгийских демограф Рон Лестег, один из авторов концепции «второго демографического перехода», «то же, что сейчас обуславливает стремление к демократии в Восточной Европе, как и в других частях мира, прокладывает там путь и второму демографическому переходу. Эпоха растущего религиозного и политического контроля над индивидуальной жизнью человека, которая с такой жестокостью утвердилась на Западе со времен Реформации и Контрреформации и которая длилась до второй половины XX века, пришла к концу» (Lesthaeghe 1992: 350).

Первый демографический переход характеризовался возросшим контролем над рождаемостью, который привел к сокращению рождаемости в старших родительских возрастах и, соответственно, снижению общей рождаемости в целом. Степень индивидуально-семейного контроля над рождаемостью возрастала монотонно с возрастом, длительностью брака и очередностью рождений (Coale, Trussell 1974: 185–258; Page 1977: 85–106). Снижение рождаемости в старших возрастах вело к снижению среднего возраста материнства и даже в некоторой степени усилило тенденцию к снижению возраста вступления в брак к середине 1960-х годов.

Контрацептивная революция развернулась в западных странах во второй половине 1960-х годов. Она была связана с появлением доступных на массовом уровне высокоэффективных средств предотвращения беременности (гормональные пилюли, внутриматочные средства), но, может быть, в еще большей степени с изменением социальных норм, регулирующих допустимость и осуществимость контроля над рождаемостью. Контрацептивная революция в значительной степени устранила незапланированные беременности в старших возрастах и вызвала дальнейшее сокращение рождаемости среди женщин старше

1

Следует иметь в виду, что только при эффективности контрацепции, близкой к 99%, подавляющее большинство женщин «затратят» на рождение желаемого числа детей такое же число беременностей (Жакар 1983: 69–71). К таким показателям эффективности приближаются только современные, непрерывно совершенствующиеся средства контрацепции (гормональные пиллули и имплантанты пролонгированного действия, ВМС и некоторые другие комбинированные средства).

30 лет¹. В странах Восточной Европы, и в России в частности, ту же роль сыграли легализованные и широкодоступные искусственные аборты. Но именно контрацептивная революция открыла дорогу второму демографическому переходу — новейшему этапу рационализации семейного планирования.

Второй демографический переход связан с не менее фундаментальными сдвигами в жизненном цикле человека, чем первый: еще более расширяется свобода выбора брачного партнера и форм совместной жизни, еще более ответственным становится подход к последствиям сексуальных отношений, чему соответствует более высокая, чем прежде, эффективность планирования сроков появления потомства. Одним словом, возрастают возможности

каждого человека управлять своей индивидуальной судьбой. «Супружество более не обязательно предполагает совместное проживание, совместное проживание возможно без заключения брака, деторождение далеко не всегда происходит в браке и на место стандартной последовательности событий в индивидуальных биографиях приходит разнообразие индивидуальных жизненных путей» (Иванов 2002).

8.2 Изменения возрастной модели рождаемости и брачности

Второй демографический переход — новейший этап демографической модернизации, в который даже продвинутые западные общества вступили сравнительно недавно — в последней трети XX века. Критерием начавшихся перемены может служить снижение рождаемости у женщин до 20 лет и повышение возраста вступления в первый брак (табл. 8.1).

Первые признаки кардинальных изменений в модели брака и рождаемости обнаруживаются во второй половине 1960-х годов в США, Канаде, Скандинавских странах: Дании, Швеции, Финляндии. В 1970-х годах к странам-лидерам присоединяются практически вся Западная Европа, Австралия, Новая Зеландия, Япония, а также Венгрия и некоторые государства, тогда входившие в состав Чехословакии и Югославии. В 1980-х годах процесс захватывает Испанию, Грецию, Португалию, бывшую ГДР, Польшу, Болгарию, Словакию. Россия вместе со своими соседями — странами Балтии, Украиной, Белоруссией, Молдавией и государствами Закавказья — начинает ощущать перемены лишь в первой половине 1990-х годов.

Нередко полагают, что второй демографический переход — лишь еще один, очередной этап непрерывного процесса снижения рождаемости, связанный с переходом от двухдетной модели семьи к однодетной или даже к массовому отказу от рождения детей вообще². Однако было бы большим упрощением связывать перемены последних десятилетий только с изменением уровня рождаемости. Более того, как показывает анализ, изменения, происходящие с моделью брака и рождаемости, если и имеют отклик в виде изменения показателей, характеризующих итоговую рождаемость условных и реальных поколений, то сама эта связь оказывается сложной, далеко не всегда прогнозируемой и легко интерпретируемой.

2

Обзор теоретической дискуссии на тему, как низка может быть рождаемость, см., напр.: Namboodiri, Wei 1998. Итальянский демограф А. Голлини попытался формально оценить минимальный уровень рождаемости, который можно ожидать при предположениях о сохранении наблюдаемых тенденций в странах с наиболее низкой рождаемостью. По его оценке, таким абсолютным пределом снижения итоговой рождаемости для социально однородных популяций при господстве однодетной модели семьи является показатель 0,7–0,8 детей в расчете на одну женщину (Gollini 1998: 65).

Таблица 8.1. Некоторые характеристики рождаемости и первого брака накануне второго демографического перехода в развитых странах

Страна*	Рождаемость у матерей до 20 лет, на 1000		Коэффициент суммарной рождаемости (КСР)	Вклад матерей до 25 лет в КСР, %	Средний возраст матерей при рождении	Средний возраст невесты при регистрации первого брака**		
	Максимальная	Годы				Минимальная	Годы	
США	96,0	1957	3,77	47,5	26,4	22,4	21,5	1963–1972
Канада	60,4	1959	3,94	37,4	27,9	–	22,0	1966–1968
Дания	49,6	1966	2,62	43,7	26,6	22,7	22,5	1965–1968
Швеция	50,2	1966	2,37	40,0	27,1	25,3	23,5	1965–1967
Финляндия	36,2	1967	2,32	38,3	27,7	24,5	23,3	1967–1970
Австрия	63,3	1968	2,58	45,0	26,9	–	22,7	1974–1976
ФРГ	36,1	1969	2,21	38,7	27,0	24,2***	22,5	1975
Нидерланды	22,7	1969	2,74	30,5	28,3	24,9	22,6	1973–1976
Югославия	65,7	1969	2,41	50,0	26,1	22,7	22,0	1970–1974
Швейцария	16,0	1970	2,10	31,4	27,8	25,33	24,1	1971–1972
Новая Зеландия	69,1	1972	3,00	44,7	26,4	–	21,7	1971
Великобритания	50,0	1971	2,41	42,4	26,2	–	22,4	1970–1974
Австралия	56,3	1971	2,95	40,5	26,9	23,73	22,1	1971–1973
Бельгия	32,7	1971	2,21	41,1	27,1	24,33	22,0	1974–1977
Норвегия	47,1	1972	2,39	43,4	26,7	–	22,6	1973
Франция	29,2	1972–1973	2,41	38,7	26,9	24,33	22,5	1972–1973
Хорватия	52,5	1972	1,96	51,4	25,8	23,1	21,4	1970–1972
Япония	4,9	1973	2,17	27,9	27,6	–	24,1	1971–1974
Италия	32,5	1974	2,29	35,8	27,8	24,8	23,6	1977
Венгрия	74,5	1976	2,26	56,0	25,1	22,4	21,2	1974–1976
Словения	60,7	1976	2,20	52,3	25,7	22,8	22,5	1975–1981
Чехия	62,4	1976	2,39	57,1	25,1	22,5	21,5	1977–1986
Португалия	48,6	1977	2,48	41,2	27,3	23,9	22,7	1983
Румыния	72,8	1978	2,54	53,4	25,7	22,4	21,5	1980
Испания	26,8	1979	2,37	31,8	28,3	24,8	23,4	1979–1980
Греция	53,5	1979	2,29	46,7	26,2	24,2	23,1	1979
ГДР	38,5	1980	1,94	57,0	24,5	23,53	21,7	1978–1979
Ирландия	23,0	1980	3,23	23,0	29,7	25,5	24,6	1978–1979
Болгария	84,1	1982	2,02	66,9	23,8	21,9	21,3	1980–1981
Польша	35,7	1984	2,37	46,6	26,4	23,5	22,6	1988–1990
Словакия	51,8	1985	2,25	56,6	25,1	22,6	21,9	1977–1990
Эстония	53,6	1990	2,05	53,4	25,7	22,7	22,4	1991
Россия	55,6	1990	1,89	56,3	25,2	22,6	21,8	1991–1993
Латвия	51,1	1991	1,86	54,4	25,5	22,9	22,2	1991
Литва	47,9	1991	1,99	53,1	25,7	23,1	22,0	1992
Грузия	61,6	1991	2,16	56,1	25,5	–	23,5	1994
Армения	82,5	1992	2,35	61,8	24,6	22,3	21,7	1993–1994
Белоруссия	45,6	1992	1,75	60,1	24,9	22,5	21,6	1995
Украина	59,7	1992	1,72	61,7	24,6	–	20,6	1991–1995
Молдавия	65,7	1993	2,10	59,6	25,0	–	21,5	1993
Азербайджан	41,7	1994	2,52	47,9	26,6	–	22,3	1993–1994

Все характеристики рождаемости приведены на дату максимальной величины коэффициента рождаемости у матерей до 20 лет.

* Страны ранжированы по году начала снижения рождаемости у матерей до 20 лет.

** Для женщин, заключивших первый брак в возрасте до 50 лет.

*** Первые рождения для женщины в текущем браке, во всех остальных случаях – первые рождения в соответствии с биологическим порядком родов.

Источники: Recent demographic developments 1992; Natality Statistics Analysis 1964; Vital Statistics 1996; Year Book Australia 2002; Jain, McDonald 1997: 33; Japan Statistical Yearbook 2003; Selected Demographic Indicators 1998; Demographic Trends 2001; Historical Statistics 1983; расчеты С. Захарова на основе указанных источников.

Стержень всех этих изменений — поиск оптимальной модели жизненного цикла человека, отвечающей реалиям современного бытия, среди которых — высокие требования к образованию и уровню материального благосостояния, взаимное участие супругов в формировании семейных доходов и выполнении семейных обязанностей, растущая социальная и материальная самостоятельность детей и пожилых, повышение контроля над плодотворностью человека и пр. Современный человек настраивает календарь важнейших событий своей жизни (выделение из родительской семьи, начало и завершение образования, выход на рынок труда, создание устойчивых брачно-партнерских отношений, рождение детей и т.п.), все более сообразуясь со своими индивидуальными склонностями и возможностями, согласовывая их с конкретными обстоятельствами своей личной жизни и экономической ситуацией в стране и все менее оглядываясь на традиционные представления и нормативные ограничения. Параллельно с этими переменами и под их влиянием меняется и вся система социально одобряемых ценностей.

Одно из центральных мест в новейших тенденциях во всех развитых странах занимают изменения, связанные с социально-экономической и психологической переоценкой положения, ролей женщины и мужчины в обществе и семье. Молодая женщина, находящаяся в самом начале жизненного пути, получила невиданную ранее свободу выбора во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и свободу создавать семью — в той форме, в которой она считает для себя приемлемой, с тем числом детей, которое пожелает, и в те сроки, какие сочтет нужными (право «планировать семью»). Профессиональная занятость стала нормой женской биографии и изменила тип жизненной стратегии женщины и семьи в целом. Одновременно мужчина окончательно утратил неоспоримые права быть единственным кормильцем семьи и организатором жизни в домохозяйстве, но одновременно повысил свое участие

в семейных делах в нетрадиционной для него роли (Hochschild 1989; Vumpass 1990; Men's Family Relations 1996)³.

Как правило, согласование высоких требований, предъявляемых к человеку современным обществом, и его индивидуальных предпочтений и интересов приводит к тому, что формирование семьи и обзаведение потомством в раннем возрасте постепенно уступает место более позднему родительству. Получение образования и поиск

первой работы в развитых странах, как правило, не «утяжеляются» проблемами, связанными с выполнением материнских функций. Социально зрелый и экономически самостоятельный человек более свободен в принятии решений относительно семейной жизни, чем подросток, целиком и полностью зависящий от родителей и государственных субсидий.

Разные страны подошли к началу второго демографического перехода с различным багажом историко-культурных особенностей и традиций, определяющих социально принятые возрастные рамки завершения образования, выделения из родительской семьи, вступления в брак и других событий, ассоциирующихся с началом взрослой жизни (Mauger 2001). В таблице 8.2 приведены возрастные характеристики таких событий для двух поколений — начала 1950-х и начала 1960-х годов рождения — в некоторых европейских странах.

3

О связи изменений рождаемости с изменениями гендерных отношений в семье и обществе в разных культурах и на различных исторических этапах см.: McDonald 2000a; McDonald 2000b.

Таблица 8.2. Медианный возраст наступления событий, характеризующих начало «взрослой жизни» у мужчин и женщин в некоторых европейских странах, когорты 1950-х и 1960-х годов рождения

Страна, когорта	Выход из образовательной системы	Появление на рынке труда	Выделение из родительского дома	Первый партнерский союз*	Заключение первого брака	Рождение первого ребенка
Мужчины						
Австрия						
1950–1955	18,4	18,7	22,9	24,0	25,2	27,2
1960–1965	18,6	18,3	21,4	23,6	28,4	28,3
Бельгия (Фландрия)						
1950–1955	18,2	18,7	22,7	23,0	23,2	26,5
1960–1965	19,0	19,8	23,7	24,3	25,3	28,4
Испания						
1950–1955	14,3	15,6	25,1	25,6	25,6	27,7
1960–1965	15,7	17,4	26,0**	26,2**	26,2**	29,3**
Италия						
1950–1955	17,7	17,5	24,9	25,8	26,2	29,2
1960–1965	18,5	18,9	27,2	28,8	29,5	33,3
Нидерланды						
1950–1955	–	17,0	21,3	23	23	28
1960–1965	19	18,5	21,8	23	27	–
Франция						
1950–1955	–	18,2	21,7	23,7	25,2	27,3
1960–1965	21	18,5	22,1	23,8	29,4	29,5
Польша						
1950–1955	18,2	19,7	24,6	24,6	24,6	–
1960–1965	18,2	19,6	26,6	25,1	25,1	–
Женщины						
Австрия						
1950–1955	17,7	18,3	20,0	21,0	21,9	22,8
1960–1965	18,0	18,2	19,1	20,7	23,6	24,0
Бельгия (Фландрия)						
1950–1955	18,0	18,4	21,2	21,4	21,4	24,2
1960–1965	19,2	20,2	21,7	22,3	22,8	26,4
Испания						
1950–1955	14,0	17,6	23,2	23,2	23,2	25,3
1960–1965	15,1	19,5	23,5**	23,5**	23,5**	26,3**
Италия						
1950–1955	16,5	20,2	22,2	22,5	22,5	24,8
1960–1965	18,5	21,2	23,8	24,2	24,4	27,2
Нидерланды						
1950–1955	–	16,5	19,6	20	21	25
1960–1965	18,5	17,5	19,5	21	23	28
Франция						
1950–1955	–	19,3	20,3	21,4	22,0	24,0
1960–1965	20	20,2	20,0	21,7	29,0	25,3
Польша						
1950–1955	19,2	18,6	22,4	22,3	22,3	23,6
1960–1965	18,9	18,8	22,8	22,4	22,4	23,2

* Устойчивые сексуальные отношения с другим человеком без формального оформления этих отношений. ** Относится только к когорте 1960 года рождения.

Источник: Corijn 2001 (данные Family and Fertility Survey – международного проекта репрезентативных обследований, проведенных при координации Европейской экономической комиссии ООН в 24 странах в 1988–1999 годах; Россия участие в проекте не принимала).

В странах Южной Европы (например, в Испании и Италии) завершение образования и появление на рынках труда происходило в более раннем возрасте, чем в странах Западной Европы. В то же время юноши и девушки на юге Европы гораздо дольше «засиживаются» под «родительским крылом», покидая родные пенаты только в связи с вступлением в официальный брак. Их ровесники на Западе континента покидают родительскую семью не только в среднем раньше, но и не обязательно с целью создания своей семьи или даже устойчивых партнерских отношений без регистрации брака.

Однако при всех различиях между странами, которые можно обнаружить в приведенных данных⁴, есть одна общая тенденция, которая объединяет Европу, да и все другие развитые страны — начало семейной жизни отодвигается к более позднему возрасту и одновременно увеличивается период времени между завершением образования, началом трудовой деятельности, с одной стороны, и рождением первого ребенка, с другой.

В таблице 8.2 представлены данные о шести западноевропейских странах и одной восточноевропейской (Польша). Бросается в глаза, насколько Польша отличается от других стран. Можно думать, что польская ситуация, в той или иной степени, типична для всех бывших «социалистических» стран Восточной Европы (в том числе и для России, для которой сопоставимыми данными мы не располагаем). Здесь никаких ощутимых сдвигов в организации жизненного цикла для поколений, которые вступали во взрослую жизнь в 1970–1980-х годах, не происходило. Традиционная предопределенность раннего возраста вступления в брак и рождения первенца, жесткая последовательность фаз взросления оставались неизменными вплоть до начала 1990-х годов. В частности, в странах Западной Европы, данные о которых содержатся в таблице 8.2, медианный возраст женщины при рождении первого ребенка вырос на 1,2–3 года, тогда как в Польше он даже снизился.

Все развитые страны можно расположить вдоль оси модернизации индивидуального жизненного цикла следующим образом (Bosveld 1996; Lesthaeghe, Moors 2000; Surkyn, Lesthaeghe 2002): на одном полюсе — скандинавские страны, в которых раньше других разделились во времени начало регулярной сексуальной жизни, выделение из родительской семьи и вступление в брак и рождение ребенка. Соответственно, и по формальным демографическим критериям процесс изменения модели брачности и рождаемости, второй демографический переход, зашел там далеко. Достаточно близки по этим характеристикам к скандинавским странам другие страны Западной Европы и Канада, которым также свойственна высокая степень модернизации института семьи и появление такого нетрадиционного феномена, как одинокая (не связанная с какой-либо семьей) жизнь молодых людей, длительность которой возрастает, добрачное сожительство с партнером без формального оформления союза, все более позднее обзаведение потомством, рождение ребенка вне зарегистрированного брака и т.п.

Промежуточное положение занимают страны Южной Европы, в которых, с одной стороны, быстро возрастает число молодых людей обоих полов, вовлеченных в процессы продолжительного профессионального образования, и, соответственно, в этих странах стремительно

4

Подробнее об этих различиях см.: Bosveld 1996; Fernandez 1997; Billari, Wilson 2001; Иванов 2002.

«стареет» первый брак и откладывается рождение детей, а с другой — сохраняются такие традиционные черты, как проживание незамужних и неженатых взрослых детей с родителями, низкая распространенность добрачных сожительств и существенно меньшие показатели внебрачной рождаемости. По этим характеристикам брака и партнерства к странам Южной Европы близка и Япония (Dalla Zuanna, Kojima 1998). Противоречиво также складывается ситуация в США, где, несмотря на раннее начало второго демографического перехода, соответствующие процессы идут много медленнее, чем в других странах, особенно в странах Южной Европы. В этой стране, видимо, в силу высокой социокультурной неоднородности⁵ и более консервативного общественного мнения, удивительным образом уживаются, с одной стороны, раннее выделение из родительской семьи и обретение экономической самостоятельности, высокий процент лиц, получающих высшее образование, а с другой — высокие и медленно снижающиеся показатели подростковой рождаемости. Соответственно, здесь процесс трансформации возрастной модели рождаемости протекает медленнее, чем во всех остальных странах «Запада».

Страны Восточной и Центральной Европы образуют крайнюю группу, в которой продвинутость модернизационных процессов самая слабая. И в этих странах можно обнаружить все основные черты, свойственные общей современной тенденции изменения модели брака, семьи и рождаемости. Но здесь они проявились много позднее, чем в остальном развитом мире, в основном уже после крушения социально-экономической и политической системы, в рамках которой происходило развитие этих стран в послевоенное время.

Неодновременное включение в процессы второго демографического перехода вновь развело развитые страны по группам и кластерам, которые можно выделять по различным социально-демографическим основаниям, подобно тому, как это происходило при первом демографическом переходе. И пока никаких признаков сближения стран по параметрам жизненного цикла человека на этапе взросления и формирования семьи не обнаружилось. Здесь давление историко-культурных традиций и институциональных особенностей в каждой из стран, усиленное различиями в уровне общего развития, сказывается пока сильнее, чем глобализация и унификация социального пространства постиндустриальных обществ (Bosveld 1996; Billari, Kohler 2002).

Итоги, с которыми страны подошли к началу XXI века, представлены в таблице 8.3. И возраст вступления в брак, и возраст рождения первого и последующих детей в развитом мире, существенно различаясь по странам, повсеместно продолжают увеличиваться. Эта тенденция, хотя и с некоторым замедлением, сохраняется даже в странах далеко продвинувшихся по пути второго демографического перехода. За несколько десятилетий средний возраст вступления в зарегистрированный брак и возраст рождения первенца увеличились в западных странах на 3–4 года, превысив 26 лет для женщины (а более чем в десятке стран — и 27 лет), причем нередко регистрация брака следует за рождением ребенка, а не наоборот. Если к началу нынешнего этапа эволюции

5

Население с высшим образованием в США вполне следует западноевропейским тенденциям трансформации возрастной модели рождаемости, в то время как лица со средним и более низким уровнем образования все еще сохраняют основные черты модели раннего начала деторождения, которая была характерна для Америки 20 и более лет назад (Rindfuss, Morgan et al. 1996).

Таблица 8.3. Некоторые характеристики рождаемости и первого брака в развитых странах, 2000 или последние имеющиеся данные

Страна*	Год	Рождаемость у матерей до 20 лет, на 1000	Коэффициент суммарной рождаемости (КСР)	Вклад матерей до 25 лет в КСР, %	Средний возраст матери при рождении		Средний возраст невесты при регистрации первого брака**
					всех детей	первого ребенка	
Испания	1999	8,4	1,20	13,8	30,7	29,0	27,7
Нидерланды	2000	7,2	1,72	14,1	30,3	28,6	27,8
Италия	2000	7,0	1,24	16,2	30,3	28,7	27,0
Япония	2000	5,4	1,37	16,5	29,7	>28***	27,0
Дания	2000	7,8	1,77	16,8	29,7	27,8	29,5
Швеция	2000	7,0	1,54	17,5	29,9	27,9	30,2
Швейцария	2000	6,0	1,50	17,5	29,8	28,7****	27,9
Ирландия	2000	19,0	1,89	18,0	30,6	27,8	28,9
Франция	1999	10,0	1,79	19,7	29,3	28,7****	27,8
Финляндия	2000	10,2	1,73	20,3	29,6	27,4	28,0
Австралия	2000	17,4	1,75	21,1	29,6	27,1	27,6
Норвегия	2000	11,6	1,85	21,2	29,3	26,9	28,9
Бельгия	1995	9,2	1,55	22,6	28,5	27,4****	26,1(1999)
Греция	1999	11,2	1,28	24,2	28,9	27,3	26,6
Западная Германия	1999	13,0	1,41	25,0	28,9	28,0****	27,3
Словения	2000	7,2	1,26	26,0	28,2	26,5	26,7
Новая Зеландия	2000	28,6	2,01	26,6	29,0	–	28,1
Канада	1997	20,2	1,55	27,1	28,5	26,9	28,0
Португалия	2000	22,0	1,50	27,5	28,7	26,4	25,2
Австрия	2000	13,4	1,34	29,3	28,2	26,3	27,2
Велико-Британия	2000	29,0	1,65	29,8	28,5	29,1	27,5
Восточная Германия	1999	12,8	1,15	31,3	27,5	27,6****	26,5
Хорватия	2000	15,6	1,39	35,0	27,7	25,5	25,3
Чехия	2000	13,0	1,14	35,1	27,2	24,9	24,5
Венгрия	2000	23,8	1,32	35,2	27,3	25,1	24,6
Польша	2000	17,2	1,34	36,9	27,4	24,5	23,9
США	2000	48,5	2,13	38,0	27,4	25,4	26,0
Югославия	1999	24,8	1,62	39,5	27,1	25,0	24,5
Латвия	2000	19,2	1,24	39,5	27,2	24,4	24,5
Эстония	2000	26,4	1,39	40,6	27,0	24,0	24,8
Словакия	2000	24,0	1,29	41,9	26,6	24,2	24,0
Литва	2000	24,4	1,27	44,0	26,7	23,8	23,5
Азербайджан	2000	30,4	1,71	47,3	26,4	24,7	23,7
Румыния	2000	38,6	1,31	49,2	25,7	23,6	23,4
Россия	2000	28,1	1,21	50,9	25,8	23,2	22,8
Грузия	2000	38,6	1,35	51,5	25,8	24,2	24,6
Белоруссия	2000	28,2	1,31	52,4	25,6	23,4	22,6
Болгария	2000	46,8	1,26	54,2	25,0	23,5	24,1
Молдавия	2000	–	1,30	–	25,4	–	–
Украина	2000	32,1	1,09	57,3	25,1	22,9	21,4
Армения	2000	29,0	1,11	59,2	25,0	23,0	23,1

* Страны указаны в порядке уменьшения вклада матерей в возрасте до 25 лет в КСР.

** Для женщин, заключивших первый брак в возрасте до 50 лет.

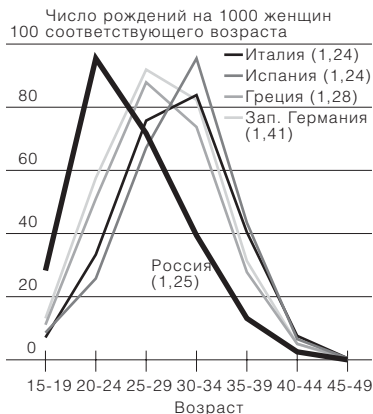
*** В 1997 году показатель в Японии составлял 27,9 лет.

**** Первые рождения для женщины в текущем браке, во всех остальных слу-

чаях – первые рождения в соответствии с биологическим порядком родов.

Источники: *Recent demographic developments 2002; Statistical Abstract 2002; USA Today 2002; Historical Statistics 1983; Demographic Trends 2001; Year Book Australia 2002; Japan Statistical Yearbook 2003; Selected Demographic Indicators 1998; расчеты С. Захарова на основе указанных источников.*

Рисунок 8.1. Возрастные коэффициенты рождаемости в России и некоторых западных странах со сходным уровнем рождаемости, 2001

Примечание: в скобках коэффициент суммарной рождаемости

возрастной модели рождаемости вклад матерей до 25 лет в итоговые показатели рождаемости в разных странах варьировал в пределах от 40 до 60%, то в конце столетия в 11 странах он составлял 21–30%, а в 10 странах — 20% и менее (табл. 8.1 и 8.3).

Лаг отставания стран Восточной Европы все еще более чем очевиден. На исходе столетия женщины в этой части Европы вступали в первый брак и рожали первенца в среднем на 4–5 лет раньше, чем на Западе, а доля рождений, приходящихся на молодые возраста (до 25 лет), составляла до половины и более от общего числа родившихся. Насколько сильно возрастная модель рождаемости в России все еще отличается от модели в западных странах со сходным уровнем рождаемости, наглядно демонстрирует рисунок 8.1.

В то же время нельзя не заметить и существенных перемен, которые произошли за последние десять лет XX века в восточноевро-

пейских странах. Впечатляет, с какой скоростью менялась модель брака и рождаемости в восточных землях Германии, в Чехии, Венгрии, Эстонии, Латвии. Да и в России изменения происходили достаточно быстро (ср. табл. 8.1 и 8.3), хотя в 2000 году возрастная модель рождаемости здесь все еще заметно отличалась от той, которая наблюдалась у ее соседей в Центральной и Восточной Европе (за исключением Белоруссии, Украины, Молдавии и Болгарии). Средний возраст материнства в 2000 году в России составил 25,8 года, в то время как при близком уровне итоговой рождаемости в Словакии, например, он достиг 26,5 года, в Чехии, Венгрии, Латвии — 27 лет, в Словении — 28.

Еще совсем недавно одним из главных отличий России от стран Запада была высокая и практически неизменная вероятность рождения первого ребенка — откладывание рождения первенца и, тем более, добровольная бездетность в России не были распространены (Дарский 1995: 74–76; Varshalov 1999: 30–31). Но к 2000 году можно было утверждать, что, по крайней мере, первая особенность уже не актуальна для России — практика откладывания рождения первого ребенка у молодых поколений россиян становится все более популярной. Распространение современной эффективной контрацепции среди российской молодежи — бесспорный факт. Обернется ли откладывание рождений для более или менее значительной части населения добровольным отказом от материнства навсегда, пока сказать трудно. В то же время, судя по опыту других стран, некоторое увеличение в России пропорции ни разу не рожавших женщин вполне вероятно.